

Содержание

Валентина Дорожкина <i>«О, край родной, как ты мне мил!» Очерк</i> 2	Михаил Волчихин <i>В осенней роще. Стихи</i> 102
Александра Николаева <i>Малая родина. Стихи</i> 11	Андрей Авраменков <i>Защитник. Рассказ</i> 108
Мария Знобищева <i>У переправы. Стихи</i> 13	Наталья Баранова <i>Наследство бабы Зины. Рассказы</i> 119
Литература нового поколения <i>Подборка молодых авторов</i> 16	Марина Ермакова <i>Я выросла в эту землю. Стихи</i> 125
Наталья Овчар <i>Когда он настоящий. Рассказы</i> 26	Виктор Фоменков <i>Зять, коза и тёща. Рассказ</i> 129
С любовью к малой родине <i>Об итогах литературного конкурса</i> <i>им. Майи Румянцевой</i> 30	Юрий Пчелинцев <i>Моя застенчивая Русь. Стихи</i> 134
Александра Кальницкая <i>«Лезен-пъеса» в Тамбовском молодёжном театре. Очерк</i> 36	Олег Наймушин <i>Мы с Вами познакомимся в гостях. Стихи</i> 138
Валерий Скоба <i>«Мы поняли, что наше будущее – не в городе». Очерк</i> 38	Марина Смолеева <i>Детство в оккупации.</i> <i>Очерк о Фёдоре Белоцком</i> 141
Валерий Аршанский <i>Шахматная сюита. Рассказ</i> 44	Галина Букатина <i>Роза на снегу. Рассказ</i> 143
Алексей Евдокимов <i>Храм в Ольшанке. Краеведческий очерк</i> 52	Анатолий Папанов <i>Моя тихая Цна. Стихи</i> 147
Сергей Першин <i>Отец. Рассказ</i> 56	Сергей Доровских <i>Каждым брёвнышком. Рассказы</i> 150
Сергей Кочуков <i>Его звали Шлихтер. Очерк</i> 60	Альберт Зверев <i>От рядового солдата до генерала.</i> <i>Жизненный путь Виктора Коробцева.</i> <i>Очерк</i> 157
Виктор Остриков <i>Гимн Художнику. Рассказы</i> 67	Людмила Сергеева <i>Люблю тебя, моя родная сторона.</i> <i>Стихи</i> 160
Юрий Наумов <i>Земля моя. Стихи. Рассказы</i> 74	Николай Шмырёв <i>Зачем мне без России чуждый мир?</i> <i>Стихи</i> 162
Вера Богданова <i>Дети весны. Рассказы</i> 78	Николай Тюрин <i>Война и жизнь разведчика Шарапова.</i> <i>Документальная повесть</i> 166
Елена Чистякова <i>Позорище. Рассказ</i> 83	Зоя БОДРОВА <i>Малая родина. Стихи</i> 192
Владимир Москалик <i>Ушли мои старики. Стихи</i> 93	
Голоса жердевской земли 94	
Василий Краснов <i>Счастье. Стихи</i> 95	
о. Владимир Крючков <i>Школьная зима. Стихи</i> 99	

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Л64

«Литературный Тамбов»
Тамбовский областной художественно-публицистический и краеведческий альманах

Учредитель, издатель: Автономная некоммерческая организация «Литературный Тамбов»
Адрес: 392020, г. Тамбов, ул. Чичканова, 131–367

Выходит 1 раз в год

ISBN 978-5-907349-61-2

Главный редактор:
Сергей Владимирович Доровских
Фото обложки – Наталья Баранова
Компьютерная вёрстка: К. Рязанова
Корректор: Е. Ремизова

Адрес редакции:
392000, г. Тамбов, ул. Советская, 71
e-mail: littambov@mail.ru

Альманах издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации «Литературный Тамбов»

Перепечатка разрешена только со ссылкой на альманах «Литературный Тамбов»

Подписано в печать 27.12.2021.
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 22,55.
Тираж 900 экз.
Заказ № 845

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью «Тамбовский полиграфический союз»

Адрес: 392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8(4752) 53-26-27
e-mail: info@tps68.ru сайт: www.tps.68.ru

Валентина ДОРОЖКИНА

*Поэт, педагог, краевед,
член Союза писателей России,
почётный гражданин Тамбова*

«О, КРАЙ РОДНОЙ, КАК ТЫ МНЕ МИЛ!..»

Малая родина в творчестве тамбовских писателей

«Тамбовский край, ты – часть моей России...» Кто из нас не произносил подобных слов с радостью и гордостью! Тамбовская земля питала многие таланты, она вдохновляла красотой своей природы великих людей.

Вряд ли найдётся хоть один творческий человек – поэт, прозаик, художник, музыкант, который не воздал бы должное своей малой родине, с любви и признательности к которой начинается любовь и признательность к Отчизне. Природа во все времена вдохновляла творцов на создание произведений, которые надолго, а некоторые и навсегда, остаются в памяти поколений...

Тамбовский край – малая родина писателей разных эпох, от золотого века до наших дней. Для примера возьмём хотя бы трёх представителей прошлых веков, связанных с ним жизнью и творчеством, – Е. А. Баратынского, С. Н. Сергеева-Ценского, А. М. Жемчужникова.

Известно, что поэт Пушкинской поры **Евгений Абрамович Баратынский** не раз приезжал в родовое имение Мара, где написал несколько стихотворений, в которых воспел свою малую родину с любовью и признательностью, что не может не тронуть сердца читателей – от современников поэта до наших дней.

С особенным чувством мы воспринимаем стихотворение «Стансы». Баратынский назвал его «Мара», но при публикации заголовок был изменён: возможно, редактору журнала «Московский телеграф», где в 1828 году были напечатаны стихи, не понравилось само слово «Мара» или он не знал, что оно значило, и появилось название «Стансы». Но сути произ-

ведения это не изменило. Перед читателем во всей красе предстают любимые поэтом места: «родные степи», которые он называет своей «начальной любовью»; «Лес на покате двух холмов / И скромный дом в садовой чаще – / Приют младенческих годов». Баратынский находит самые нежные, самые сокровенные слова, чтобы выразить чувства, охватившие его при свидании с Марой. На всём, что он увидел, поэт «в неге бездыханной» останавливает взгляд. И так сильна его любовь, переполнявшая сердце, что «судьбой наложенные цепи упали с рук...» («цепями» Баратынский называл своё пребывание в Финляндии).

От всех бед, выпавших на его долю, «от насильственных судьбин» поэт вернулся в родные пенаты. Может быть, впервые за долгие годы Баратынский почувствовал здесь, в Маре, душевное спокойствие, и, «о свете не тоскуя, / Предав забвению людей, / Кумиры сердца сберегу я / Одни, одни в любви моей».

«Я вижу вас, родные степи»; «Степного неба свод желанный, / Степного воздуха струи»; «Я твой, родимая дуброва!» – любовь переполняет сердце поэта! Он в задумчивости идёт знакомыми тропами, и хоть со временем усадьба пришла в запустение, но тем и хороши родные места, что даже в запустении они сохраняют волнующую прелесть, дорогие сердцу образы...

Поэт **Алексей Михайлович Жемчужников** почти 20 лет прожил за рубежом, но он постоянно интересовался всем, что происходило в России, в том числе и в Тамбовской губернии, где жили его родственники. Он был в курсе и столичной, и провинциальной жизни. Тяжело переживая вынужденную разлуку с родиной, он в 1884 году вернулся в Россию, с радостью встретившись с родимыми местами:

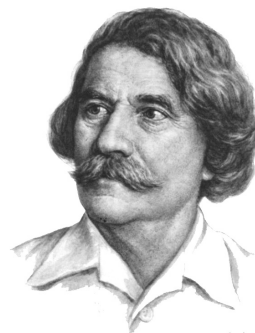

*О, край родной, как ты мне мил!
От долговременной разлуки
Какие радости и муки
В моей душе ты пробудил!*

С 1890 года и до конца дней А. М. Жемчужников жил в деревне Павловка, в Тамбове, часто гостил в Ильиновке Кирсановского уезда, в имении дочери Ольги Алексеевны, которая была замужем за внучатым племянником поэта Е. А. Баратынского Михаилом Андреевичем. В Тамбове поэт принимал самое активное участие в культурной жизни. Много стихотворений А. М. Жемчужникова посвящены природе тамбовского края. Какое бы время года ни наступало, он воспевал его, находя каждый раз новые слова для выражения чувств, которые целиком захватывали его, и душа – то с печалью, то с восторгом – пела о зиме и весне, о лете и об осени. Цикл стихотворений «Лесок при усадьбе», написанный в Ильиновке, как обширное полотно художника, являет нам постоянно меняющиеся картины природы со всем её богатством. Мы видим автора прогуливающимся по леску, где встречается ему молодая крестьянка, угостившая его только что собранными ягодами; он наслаждается тишиной, которую вскоре нарушают грачи, «и лесок, доселе дремавший, ожил»:

*Друзья родной земли моей,
Они, как я, здесь летом дома.
Непостижима без грачей
Страна дубов и чернозёма.*

Ещё один наш великий земляк **Сергей Николаевич Сергеев-Ценский** воспел тамбовский край, где родился и рос. Прощаясь с малой родиной, юноша Сергей Сергеев принял решение присоединить к своей фамилии название реки, на берегу которой восьмилетним мальчиком он напи-

сал своё первое стихотворение. С тех пор все свои произведения он подписывал фамилией «Сергеев-Ценский». Именно на берегу Цны в 1975 году, к 100-летию со дня рождения писателя, ему в Тамбове был установлен памятник (скульпторы Т. Вельцен и С. Лебедев, архитектор А. Куликов).

За семнадцать лет жизни на тамбовской земле Сергеев-Ценский настолько хорошо познал жизнь крестьян края, что они вскоре стали героями его произведений. В 1907 году Сергеев-Ценский написал повесть «Лесная топь» – воспоминания о нелёгкой жизни тамбовских крестьян, а в 1909-м – повесть-поэму «Печаль полей», в которой особенно ярко присутствуют тамбовские мотивы. Сколько любви вложено в слова, воспевающие русское поле! Как отдельное художественное произведение, как стихотворение в прозе воспринимается отрывок из «Печали полей»: «Поля мои! Вот я стою среди вас один, обнажив перед вами темя. Кричу вам, вы слышите? Треплет волосы ветер, – это вы дышите, что ли?.. Детство моё, любовь моя, вера моя! Смотрю на вас, на восток и на запад, а в глазах туман от слёз. Это в детстве, что ли, в зелёном апрельском детстве, вы глядели на меня таким бездонным взором, кротким и строгим. И вот стою я и жду теперь. Стою и слушаю чутко, – откликнитесь!

Я вас чую, как рану, сердцем во всю ширину вашу. Только слово, только одно внятное слово, – ведь вы живые... Поля-страдальцы, мои поля, родина моя. Я припал к сырой и тёплой груди твоей и по-ребячески крепко, забыв обо всём, целую...»

Только благочестивый сын может так истово говорить о матери-земле. Всё просто сказано, а как волнует! Вот оно, настоящее слово большого художника! В его произведениях, дневниковых записях, в беседах с теми, кто посещал его и оставил воспоминания, ощущается постоянное стремление писателя к тем местам, где прошли его детство и отрочество. Он мысленно переносился в край, пробудивший в нём поэта и художника, сердцем видел его красоту и навсегда остался благодарным своей малой родине:

*Вот они, тамбовские просторы!
Нет, их не состарили года...
Я купался в море, видел горы,
Но душой стремился лишь сюда.*

В стихотворении «Возвращение», опубликованном в сборнике «Думы и грёзы», Сергеев-Ценский так обращается к родному краю:

*Заповедная ширь и лесов, и полей,
Я – твой сын и иду к тебе снова!
Ободри меня тихою речью своей,
Улыбнись, приласкай, обойми, обогрей,
Приюти неимущего крова...*

Сетую на то, что он «во мраке больших городов... с толпой суетливой смешался», 26-летний писатель с любовью и тоской вспоминает простор лесов и полей – природу, красота которой долгие годы питала его творчество:

*Но припомнились мне ширь
степеней и лесов,
Высь бездонных небес голубая,
Шёпот старых дубов, ароматы цветов,
Пред вечерней зарёю раскат соловьёв –
Детство, юность моя золотая!*

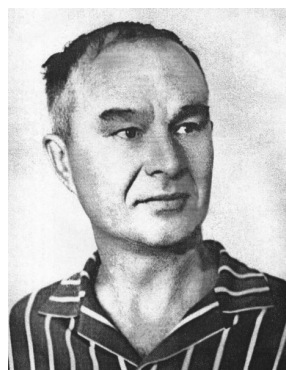
Желание воспевать в своих произведениях малую родину стало своеобразной творческой традицией поэтов и прозаиков разных эпох. Годы, проведённые в тамбовском крае поэтом военного поколения **Иваном Васильевичем Шамовым**, остались в его памяти навсегда. С особой теплотой он писал о родном Моршанске:

*В зимний день, тоской гонимый,
Вижу в нежной пелене
Свой родной, неповторимый
Городок на речке Цне.*

Он любил родной край, посвящал ему
сокровенные строки:

*Воздух тамбовский,
Светлые реки...
Край мой отцовский,
Твой я навеки.*

У **Сергея Ивановича Голованова** первая книга «Глубокие корни» вышла в Тамбове в 1951 году. И в этом сборнике, и в последующих много стихотворений, проникнутых любовью к тамбовскому краю. Это чувство поэт пронёс через всю свою жизнь:

*Рожь. Переплеск перепелиный,
Зарозвел рассвет.
Родным полям, лугам, долинам
Конца и края нет.
Отава росами приямта.
Поёт в логоу ручей...
Я здесь, у мельницы крылатой,
Мальчишкой пас гусей.
Заря текла к речной излуке,
Ржавел Татарский вал...
Сцепив под голову руки,
В ромашках я лежал...*

Поэт земли и её солдат, как назвала Сергей Голованов Майя Румянцева в предисловии к сборнику «Ветер и степь», он умел находить для выражения своих чувств свежие, именно «головановские» слова, наполнял их запахами и красками, отчего стихи становились нежными, проникающими в душу читателя, они затрагивали самые чувствительные струны сердца:

*Я дождусь рассвета под сосной,
Посижу на корне узловатом...
Листьями смородины лесной
Чай заварен в котелке помятом.*

*Я бываю здесь и каждый раз
Вот что первым долгом вспоминаю:
К Родине большой любовь у нас
Началась с любви к родному краю...*

Имя **Ивана Сергеевича Кучина** хорошо известно тамбовским читателям разных поколений: он был, как говорят, безотказным в организации встреч с читателями. Его слушали актёры и студенты, военнослужащие и медицинские работники, школьники и рабочие заводов, труженики полей... И сегодня многие знают знаменитые строки из стихотворения «Тамбов» – своеобразный ответ М. Ю. Лермонтову, автору «Тамбовской казначейши», где дано такое «определение» нашему городу: «Тамбов на карте генеральной кружком отмечен не всегда...» А у Ивана Кучина так:

*Растущий,
 строящийся,
 индустриальный,
Распахнутый в солнечные года,
Тамбов
 на карте генеральной
Кружком отмечен
НАВСЕГДА!*

Немало лирических строк посвятил Иван Кучин тамбовской природе, людям, с которыми встречался и которых воспевал в своих произведениях, – это и родное село Берёзовка, и речка Пластица, и дед Ермолай с «бородой, как у Льва Толстого». Многочисленные поездки по городам и сёлам давали поэту возможность представить необъятную ширь и непередаваемую красоту малой родины, без которой

*Огромная Родина
Не вместила бы в сердце моём...*

Любовь к малой родине, неотделимой от большой, пронёс через всю жизнь и творчество **Семён Семёнович Милосердов**. Поэт воспел во многих стихах и поэмах природу родного края, его людей, которых любил беззаветно, постоянно восхищался ими.

Главный мотив поэзии Семёна Милосердова, по его собственному признанию, – мотив «восхищения и света»; это поле утренней чистоты, которой наполнены стихотворные строки, несмотря на

поистине трагическую судьбу, выпавшую на долю этого человека. И тем не менее поэт всегда находился «во власти стихии солнца и стиха».

Вот что особенно выделила литературовед, профессор филологии Лариса Полякова в «Слове о друге», предваряющем сборник «Белые колокола»: «Земля и корень. Это, пожалуй, одна из объёмных метафор поэзии Милосердова. Земля с постоянно звучащей симфонией жизни, земля, прислушивающаяся к скрипу колёс и жужжанию шмеля, к гудению трактора и к пению старинных народных песен. Земля в разноцветии красок и запахов... Природа и человек, природа и работа. Какая-то щемящая русская грусть, какое-то постоянное присутствие ощущения невосполнимости. Но эта печаль не разрушающая, не испепеляющая душу. Она очищает, идёт в корень, насыщает его живительной силой, накапливается в народе, передаётся от поколения к поколению...»

Поэт Милосердов и названия своим книгам давал не модно-абстрактные, а такие, которые свидетельствовали о его любви к России, к людям, к родному Черноземью: «Ржаные венки», «От солнца до ромашки», «Земной простор», «Хлебный ветер», «Присягаю берёзам» и другие. Читаешь и с первых же строк узнаёшь родной тамбовский край, его людей...

Тема малой родины с её историей, проблемами, достижениями не могла оставаться незамеченной. Примечательно, что за поэму «Зелёный заслон» Бондарскому поэту **Владимиру Замятину** в 1951 году была присуж-

дена Государственная премия. Это произведение – о защитных лесонасаждениях в нашей области. В нём, как и во многих других произведениях Замятина, постоянно звучит голос влюблённого в свой край поэта:

*Под голубым тамбовским небом
Запевы всыхивают. Там,
Росой сверкая, юность хлеба
Бежит неслышно по полям.*

У поэта **Вячеслава Богданова**, ровесника Тамбовской области, первые стихотворные строки родились на её просторах. Родная деревня одарила его и жизненным опытом, и образной народной речью:

*Я здешними словами говорю,
Что в детстве собирал,
как землянику...*

В стихах, чистых и ясных, – родословная поэта. С сыновней гордостью он пишет: «Мой отец – землепашец на колхозной земле». Дед тоже был землепашцем, но «на кулацкой земле». Сын выступает как преемник завоёванного дедом и отцом права на светлую жизнь. Об этом стихотворение «Моя родословная» и другие произведения, вошедшие в многочисленные сборники Вячеслава Богданова. Немало лирических строк посвятил Вячеслав Богданов родной деревне Васильевка. Несмотря на то что он много лет жил и работал на Урале, малую родину вспоминал всегда с любовью и часто приезжал сюда:

*Моя Васильевка родная,
Тебя забыл я до поры.*

*Но снова память вырастает,
Как воз, идёт из-за горы.
В твоих, Васильевка, широтах
Я жизнь познал под шум листвы –
От воробьиного полёта
До горя матери-вдовы.*

Поэт пишет о тяжёлой жизни в деревне, которая постепенно выходила на новую дорогу, и зёрна добра, брошенные в землю, «через сердце проросли»:

*К тем дням свежа моя дорога.
Судить о жизни не тому,
Кто только что сошёл с порога,
А кто вернулся вновь к нему!..*

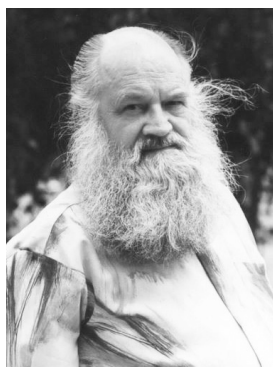
Тамбовский край был для Вячеслава Богданова «земной колыбелью»; ширь полей восхищала и вдохновляла его, родная природа дарила ему лучшие образы и строки. В стихотворениях «Выхожу я в поле», «Весенняя гроза», «Утро в деревне», «Природа», «В отпуске» и многих других поэт так описывает леса, степи, сады, что, читая их, мы чувствуем душистый запах сена; видим, как «Сад раскинул руки-ветви, / Моет листики-ладоши»; как «Лениво падают снега, / И облака плывут лениво...»

Малая родина всегда с любовью встречала своего сына. Где бы он ни был, везде и всегда ему чудился «голос полей». Из дальних далей его звали и ждали природа, родной дом – всё, что было ему дорого и близко. Удивительные, сильные образы находит автор, передавая «чувства неживых предметов», олицетворяя их, оживляя их своей любовью и преданностью. Эта любовь была взаимной:

*Приеду в село непременно,
Зовут меня мать и родня.
У дома потрескались стены
От жажды увидеть меня.*

С любовью и благодарностью говорили о малой родине тамбовские писатели Алексей Шилин, Василий Кравченко, Борис Панов,

Виктор Герасин, Валерий Кудрин, Валентин Баранов, Виктор Кострикин; продолжают воссоздавать её неповторимый образ ныне живущие прозаики Валерий Аршанский, Николай Наседкин, Владимир Селивёрстов, Зинаида Королёва, Сергей Кочуков; поэты старшего поколения Татьяна Курбатова, Лидия Перцева, Валерий Марков; молодые литераторы, которым есть чему поучиться у тех, кто оставил заметный след в художественной литературе и в раскрытии немаловажной темы – темы малой родины...

Повесть «Горька идёт за отцом» – одно из психологически сильных произведений **Александра Акулинина**. Она близка нам ещё и тем, что в ней – знакомые названия тамбовских сёл и деревень: Борщёвка, Мухановка, Андреевка, Берёзовка, Большая Фёдоровка. И в каждом населённом пункте – свои обычаи, не похожие друг на друга люди, в большинстве своём готовые прийти на помощь. Эта исконно русская доброта, иногда выражаемая людьми в несколько грубоватой форме, «чтобы не расслабляться», постоянно подчёркивается писателем.

Интересны и познавательны в художественном и историко-краеведческом отношении романы Александра Акулинина «Светла водица» и «Крепость на Цне». В романе «Светла водица» действие происходит в тамбовской деревне Калиновка. Как афоризм, запоминаются слова героя романа «Светла водица» и его автора: «По тому, сколько хорошего и полезного сотворим мы для здешних мест, можно определить, насколько мы способны для дел больших»...

Заметным явлением в истории литературы тамбовского края стал роман Александра Акулинина «Крепость на Цне» – это воистину историческая песнь о возникновении центра нашей малой родины города Тамбова...

С трепетным чувством любви и благодарности пишет поэт **Александр Макаров** о своей малой родине – селе Еремееве, где он родился и вырос, о реках и речушках, в которых купался и ловил рыбу, о старом доме,

вздыхавшем и стонавшем, когда его ломали: «Я слышу всхлипы – плачет старый дом...» Это ведь та самая избушка, в которой родился Александр Макаров, она уже, по образному выражению поэта, «в землю вросла по грудь», но «Из её судьбы, из корня/, В высоту, не в пустоту,/ Не травую подзаборной – / Светлым колосом расту»...

Автор наделяет предметы человеческими качествами, олицетворяет их. Но это не просто литературный приём. Поэт создаёт жизненное пространство вокруг всего, что видит. Вот с каким поэтическим чувством пишет Александр Макаров об обыкновенной траве, по которой мы ходим, топчем её, порой не замечая и не думая даже, что она – живая:

*Растёт, волнуется, жива –
Всему на удивленье,
Обыкновенная трава,
А не трава забвенья.*

Автору хочется, чтобы у всех было такое же ощущение жизни, как у него: «Я счастлив, что душа моя болит / За всё, за всё, что Родиной зовётся...»

А его родина – и малая, и большая – это лес и поле, это дома и люди, небо и земля. Это жизнь, которую Создатель вдохнул в каждую травинку, в каждую букашку. Это История:

*Руки рек на равнину уронены.
Не разбавлена радость тоской.
Здесь, на этой земле, похоронены
Добрый дед мой и Дмитрий Донской...
Жив я памятью. Памятью Родины.
Больше нет у меня никакой.*

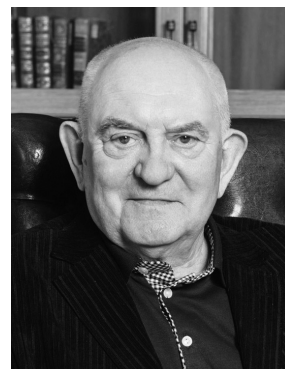
Немало стихотворений Александра Макарова посвящено «памяти грядущего дня». Это благодарная память человека, который никогда не забудет «отчего порога».

Отдельно хочется сказать о любимом городе Тамбове, которому поэты и прозаики посвящали и посвящают свои произведения...

В 2007 году был издан коллективный сборник стихотворений профессиональных и молодых поэтов, посвящённых очередному юбилею областного центра. В нём собраны произведения, в которых авторы, воспевая достопримечательности города, признаются ему в любви. Сборник так и называется – «Люблю тебя, Тамбов!»

«Я родимого Тамбова не забуду никогда» (Вячеслав Афанасьев); «Наш Тамбов – соборность и духовность серединной песенной Руси» (Андрей Белкин); «Дома, как солнечные соты, на наших улицах растут» (Семён Милосердов); «Город мой, ты краше стал, чем прежде» (Альфред Мильрат); «Самый лучший город на планете» (Александра Николаева) – вот некоторые строки о Тамбове, любимом городе не только для его коренных жителей, но и для тех, кто прибыл сюда из других мест...

Евстахий Начас, родившийся на Украине, но с юности живущий в Тамбове, называет его своей второй родиной. В венке сонетов «Я в России прописан» Тамбов предстаёт красивым, надёжным, уверенно шагнувшим в XXI век:

*Искать на карте мне не надо точку,
Он в моём сердце обозначен точно,
Без разных параллелей и кружков,
Весной вишнёвым светом осиянный,
Многоэтажный, древний, деревянный,
Моя вторая родина – Тамбов...*

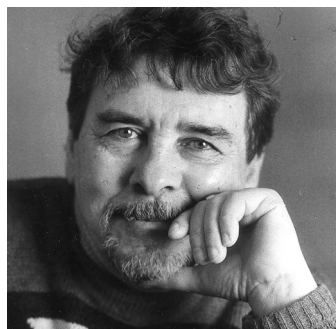
Как-то, в особо поэтическую минуту, во время прогулки по Набережной, сами собой родились у меня строки:

*Не выразить все чувства в слове,
И остаётся лишь сказать:
– Как хорошо в родном Тамбове
Жить и любить, стихи писать,
И Набережной восхищаться,
Пред храмами благоговеть,
И низко кланяться за счастье
Не просто жить, дышать, а петь!..*

Наверное, подобные чувства к родному городу испытывает каждый, кому дорога его история, его люди. Не писать о Тамбове невозможно: настолько он притягателен, красив, поэтичен. Трудно назвать точное количество произведений классиков русской литературы, где упоминается город Тамбов, – так их много: у Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Тургенева; у поэтов серебряного века, не говоря уж о современниках. Каждое стихотворение о Тамбове – это частица его истории, поэтическое проникновение в её глубины.

В стихи о любимом городе поэты вкладывают столько любви, восторга, тревоги за его благополучие, сознания невозможности отплатить сполна за красоту, которую дарит нам родной Тамбов! Разве только стихами, как это сделал **Геннадий Якушенко**:

*Какою такую ценою,
Безденежный, буду платить
За эти туманы над Цною,
За буйность воды у плотин?..*

«Ты любовью мне сердце поранил...» – многие могли бы согласиться с такими словами поэта **Аркадия Макарова**, создавшего свой образ Тамбова:

*На лице – азиатская мета
И славянская грусть на лице,
Пламя белое знойного лета,
Божий храм в золотистом венце...*

Андрей Белкин в стихах о Тамбове стремится передать своё восхищение родным городом всем, кто живёт в нём или просто приезжает в гости. Поэт уверен: если кто-то хоть один раз побывал в Тамбове, увидел речку Цну, прекрасную Набережную, сады, скверы и парки, тот навсегда запомнит эту красоту и, может быть, захочет вернуться сюда:

*Вижу с пылкой радостью я снова
С детства мне знакомое лицо
Города старинного Тамбова –
Края наших дедов и отцов.
В этом прочность наша, наша гордость,
И в душе ты с юных лет носи
Наш Тамбов – соборность и духовность
Серединной песенной Руси...*

Старинным и обновлённым, праздничным и трудовым, с памятниками ушедшим и с памятью живущих – таков Тамбов в стихах **Альфреда Мильрата**:

*Город мой, ты краше стал, чем прежде,
Я успехам радуюсь твоим.
Для меня в любой своей одежде
Навсегда останешься родным...*

О чём бы ни писали поэты, прославляя Тамбов, – о его истории или современности, – всех их объединяет одно чувство – любовь. Но как по-разному оно выражено в поэтических произведениях! И это естественно: у каждого – свой Тамбов, каждый находит в нём то, что близко и дорого именно ему, увидевшему влюблёнными глазами и чутким сердцем такие особенности, какие не смог увидеть никто другой. Кому-то он нравится весной, кому-то летом или осенью. А вот у поэта и учёного-лингвиста **Владимира Руделёва** есть книга стихотворений и поэм, кото-

рая называется «Зима в Тамбове». Наверное, даже тот, кто не любит зиму, прочитав стихи Владимира Георгиевича, изменит своё отношение к этому времени года: так ярко, светло и первоначально описан снег:

*В глазах от солнышка рябит,
а снег пушист и розов.
Вихрастым вихрем с крыши сбив
какой-то древний лозунг.
Теперь история сама
своё напишет слово.
Такая русская зима
На улицах Тамбова!*

То прекрасным рыцарем называет Тамбов **Галина Ходякова**, то другом, нуждающимся в помощи. Город для неё – не каменный и деревянный, он живой, одушевлённый, ранимый, и с ним она делится своими сокровенными мыслями. Конечно, Тамбов не в каждое время года может очаровать красотой. Бывает он и невзрачным, особенно

в ненастье. Но сколько в нём и в такие дни красоты, видимой теми, кто смотрит на всё поэтическими глазами! Вот как описала Галина Ивановна Тамбов в дождливую погоду:

*Город мой лицом ко мне прижался,
Он дрожал, он плакал, хоть стеснялся.
Успокойся, славный мой Тамбов,
Добрый другом я приду к тебе из снов.
Обниму, согрею и укрою.
Ты не бойся, я всегда с тобою...*

А каким видят Тамбов совсем юные авторы? Сказочным, древним; молодым, растущим, как они сами. Сказочным он представляется Елене Захаровой; с колоколами, «вызывающими счастье», – Марии Знобищевой; таинственным – Татьяне Софинской; городом, который нельзя описать словами, – Ольге Кульковой; музыкальным – Александре Николаевой. С родным городом у молодёжи связаны большие надежды, потому что

*Город Тамбов – это любовь,
Это великих людей имена.
Город родной, ты молодой,
Наша надежда на все времена...*

МОРДОВСКАЯ ПЕСНЯ

В зеркало серебряной реки
Смотрит ночь янтарными глазами.
Клевер, медуница, васильки
Клонятся под лёгкими шагами.

Не вернётся к облакам седым
До рассвета солнце золотое.
Землю, словно белую фатою,
Жертвенных костров укроет дым.

Звёзды украшают небосвод,
Как мордовку – бусы и подвески...
Слышишь ли? В дубовом перелеске
Смуглая красавица поёт:

«Расступись и сгинь, ночная мгла!
Ливнем смерть залей на пышной тризне!
Я костёр высокий развела,
Прославляя Анге – мать жизни.

До чего неистовая ночь!
До чего же огненные звёзды!
Жениха я вымолю и дочь –
Солнце и луну – у ночи грозной.

И для дочки люльку я сплету
Из ветвей длинноволосой ивы.
Анге ей подарит красоту,
Звёзды ей нашепчут сон счастливый.

Сохрани же, Анге, ты мой дом
От набегов половцев поганых...»
Тает ночь над жертвенным костром,
Тихою рекой и степью пряной.

В осеннем Тамбове под вечер плохая погода.
Тоскливо и мокро. И листьям – в грязи увядать.
О пользе рекламы стихами торжественной оды
В державинском стиле мне хочется вам рассказать.

Приятность рекламы в начале двадцатого века
С фитами и ятями и многословностью фраз
На тонкой бумаге белее январского снега...
Купите! Спешите! Недорого! Только для вас!

Сдаётся квартира и с нею – роскошная дача
С двумя флигелями, мансардой и грушевый сад,
Седло и коляска с китайским сервизом в придачу –
Богатство эпохи всего лишь столетье назад...

Часы – от Буре, шампанское – из Парижа
И шляпок с вуалью по моде последней фасон,
Пилюли – от колик и мазь из пиявок – от грыжи
И новая фильма в театре «Иллюзион».

Немое кино о прекрасной «любовнице смерти»:
Такого и Санкт-Петербург не видал до сих пор!
...А перед сеансом как будто бы чёрные черти
По клавишам прыгают – так разойдётся тапёр.

Наэлектризован от платьев, мундиров, манишек
В дворянском собрании воздух и – праздника ждёт!
...И рыжие листья летят за чумазым мальчишкой
Который афиши, как солнца лучи, раздаёт.

Мария ЗНОБИЦЕВА

Поэт, член Союза писателей России,
лауреат литературных премий,
г. Тамбов

У переправы

Стихи

Так легко стоять у плёса,
Где последним целованьем
То волна целует лодку,
То корма – сырой песок.
Ни ответов, ни вопросов –
Только чуткое дыханье,
Золотой далёкий отклик
От реки наискосок.

Там в воде – второе солнце,
Тот же плёс, такие ж травы,
Быть-казаться, быть-казаться
Среди тающих людей.
Ничего не остаётся –
Только встать у переправы
И без шороха касаться
Отплывающих ладей...

ИВОВЫЙ ПРУТ

Лодка тычется в землю: «Хозяин, ты тут?»,
И песок из овражка течением вымыт.
Только тронь эту лодку – и все оживут,
Запоют, засмеются и вёсла поднимут.

По воде разойдётся таинственный круг.
У реки и повадка, и память иная –
Быстрых ног, узловатых натруженных рук:
«Я теку не для вас и о них вспоминаю».

Ивы склонятся ниже. Заблещет роса.
Земляничины луг припасёт до покоса.
Над рекой поплывут в тишине голоса.
И костлявый мальчонка с облупленным носом

Сломит тонкую ветку, чтобы выстругать лук,
Снимет клейкую кожицу, око прищурит.
Да и бросит на берег, почуявши вдруг,
Как заветная щука в корнях балагурит.

Только тронь эту ветку – и все оживут,
Будто нас, а не их провожают на тризне.
Оголённый до зелени ивовый прут –
Запах жизни.

ГЛИНА

Здесь у речных продолговатых мысов,
Где молочай на жёлтом солнце чах,
Месили глину для глубоких мисок,
Для крутобёдрых крынок и корчаг.

Суглинок собирался смуглым комом
И становился – волей ловких рук –
Горшком в печи, самую печью, домом,
Случайным слепком со всего вокруг.

По локоть погружённые в глубины,
Работали. Лишь мальчик у реки
Лепил свистульки из остатков глины:
Головки, клювы, крылышки, глазки.

...Слепить – и навсегда с землёю слиться,
Хоть скуден этот край и воздух скуп!

Но мальчик позже всех к огню садится.
Он дышит, чтобы заново родиться, –
И оживают глиняные птицы,
Согретые прикосновеньем губ!

ПЕСНЯ ТАМБОВСКИХ МУЖИКОВ

Хоть и мало нас, братцы,
Но сильны мы друг другом.
В этот край не добратся
Государевым слугам.

Скажут: вольному – воля.
Проживём на отшибе.
Ничего, что край поля,
Люди мы небольшие.

Сундуки у нас полны:
Мы ретивы в работе,
По водам у нас чёлны,
По борам у нас борти.

Поживи без разбою –
Да и выудишь солнце!
А про между собою
Так поём, коль поётся:

Пой широко,
Рой глубоко,
Строй высоко
Храм,
А дом – низко.

Царь далеко,
Царь далеко,
Царь далеко,
А Бог
Близко.

А чего приключится –
Государю ни слова.
До зимы не домчится
Гонец из Тамбова.

Неразбежчивы сани –
Мы уж как-нибудь сами:
Смоляными лесами,
Да Его чудесами.

Чтоб в разоре и в горе
Перед Ним не померкнуть,
Мы поставим на взгорье
Деревянную церковь.

А как сделаем дело,
Так – топорик за пояс.
Чтобы сердце запело,
Лет на сто успокоясь:

Пой широко,
Рой глубоко,
Строй высоко
Храм,
а дом – низко.

Царь далеко,
Царь далеко,
Царь далеко
Там,
А Бог – близко.

СТЕПНЫЕ МАЯЧКИ

Есть время припадать к поруганной иконе.
Я прикасаюсь лбом к вагонному окну:
В зелёном море трав мелькают колокольни –
Безглавые мосты в сквозную вышину.

Весёлый воздух пел от праздничного звона,
С семи соседних сёл сюда ходили встарь...
Но минул целый век без просьбы и поклона,
Лишь голуби летят под купол и в алтарь.

Коричневая плоть осыпалась под ветром.
В подвальной темноте – чапыжник и пырей,
Но будут до конца светиться дальним светом
Степные маячки затерянных морей.

ЛУНА И ФОНАРЬ

Ночной жирафик, зябнувший чуть-чуть,
Склонив к листве встревоженную шею,
Фонарь не может сдаться и уснуть,
Пока луна восходит, хорошея.

Казалось бы, теперь, когда она
Все повороты парка озарила,
Пора упасть в цветное царство сна,
Не опираясь тенью на перила,

А он поник тяжёлой головой,
(Не день один, а век мятежный прожит!)
И шелестит взволнованной листвой –
Так полон света, что сиять не может.

И замирают улицы не зря,
Ища такой же радости беспечной,
Как разговор луны и фонаря,
Неизреченный – оттого и вечный.

Опять до областной больницы
Летают «скорые», гудя,
Опять встревоженные птицы
Кричат в предчувствии дождя.

Кто стайкой, кто поодиночке
С обедни тянется народ.
И снова чёрные платочки
На выходящих из ворот...

Не уверяйте нас в обратном.
Чума не спит, а только ест,
И на подсвечнике квадратном
Всё чаще нет свободных мест.

Без высоты не спеть о звёздах,
И стыдно доктору звонить.
Соткать бы миру новый воздух,
Но слово – тоненькая нить.

Как всё, что временно и бренно,
Смолкает музыка в груди.
...Гудят под окнами сирены,
Но скорой помощи не жди.

Как меняются листья... постой.
Стало гулко в ночных коридорах.
Где порхал мотылёк золотой –
Тихий прах, облетающий порох.

Все забрала опущены. За
Тишиной никого не осталось.
Лица-ливни, а если – глаза,
То в глазах – неземная усталость...

Каждый год замираешь: а будет ли снег –
Телеграфная нитка «любимые живы»?
Этот город – как вата, как бегство во сне,
Как горючие слёзы,

плакучие ивы.

Засыпай, если можешь, а мы не уснём:
Кто-то бродит край облака

с белой жалейкой

Над почтамтом, над парком,

над вечным огнём,

Над озябшей рябиной,

над жёлтой скамейкой.

ЛИТЕРАТУРА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Сообщество молодых литераторов Тамбовской области, заседания которого проходят каждую третью субботу месяца в Центральной городской библиотеке имени Н.К. Крупской, – начинание новое и одновременно неслучайное. Семинары в библиотеке посещают прозаики, поэты, журналисты, литературоведы, все, кому интересен современный литературный процесс. Среди авторов есть писатели из Тамбова, Котовска, других уголков Тамбовской области.

На семинарах обсуждаются новые произведения участников, дискуссионные вопросы современного литературного процесса. Трижды к нам приезжали гости из других регионов: липецкие поэты Светлана Пешкова, Ксения Аксёнова, Александр Лошкарёв, калининградский поэт Игорь Голубь.

Молодые поэты сообщества приняли участие в проекте Тамбовского

молодёжного театра «Тамбов, тебе твои поэты» (стихи о любимом городе прозвучали в исполнении актёров), подготовили публикации в таких изданиях, как «Тамбовский альманах», «Четверговая соль» (г. Пенза), «Волга XXI век» (Саратов), «Веретено» (Калининград).

Одна из недавних инициатив творческого объединения – проект «Читающие писатели» – активно

реализуется в социальных сетях. Молодые писатели делятся с читателями размышлениями о любимых книгах, рассказывая широкой аудитории о лучших произведениях отечественной и зарубежной литературы. Думается, у проекта есть будущее: мы надеемся, что молодое писательское сообщество станет ярким явлением в деле просвещения и будет востребовано в культурной жизни региона.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Литературного Тамбова» произведения нескольких молодых авторов: поэтов Ольги Кульковой, Алексис Моисеевой и Александра Зимина, а также прозаиков Александры Михайловой и Сергея Ишанова.

Координатор семинаров для молодых литераторов
Мария Знобищева

Ольга КУЛЬКОВА

* * *

Снег земле перебинтовывает раны.
 Руки нежные, белёные холсты.
 Снег пришёл — не поздно и не рано.
 Снизосёл, как голубь, с высоты.

А земля ждала его так жадно,
 Тосковала долго по нему.
 На горячий лоб — рукой прохладной
 Лёг он. Так и быть тому.

Он пришёл — как после похоронки
 Вдруг домой вернулся муж с войны.
 Словно призрак, так прошёл стороной —
 И упал в объятия жены.

* * *

Рассеян тусклый свет фонарный
 В морозной сфере ноября.
 Но жизнь — как счастье, как подарок —
 Идёт вперёд совсем не зря.

Не хороню свои надежды,
 Питаю радостью мечты.
 Зимы покой и безмятежность
 Не терпят праздной суеты.

Как знать, не в тишине ль родится
 Мой лучший стих, моя любовь?
 Я снегом — белой страницей —
 Так очаровываюсь вновь!

Мне слышен лёгкий птичий клёкот
 И гул незримых автотрасс.
 Ты знай, прекрасное далёко:
 Я — здесь живу, живу — сейчас!

* * *

Предательство становится обыденным,
 В веках всё множится Иудин поцелуй.
 О, несть числа отвергнутым, обидимым!
 А выход? Вновь люби — и вновь рискуй.

На карту ставь приятье и доверье,
 И быть старайся зрячим — в этот раз,
 Чтоб свет и тьму увидеть без прикрас.
 Суди по пению о птице — не по перьям.

Не преступай черты в своём доверии —
 Себя всего не вверив никому,
 Остановись пред запертою дверью
 И не стремись войти в чужую тьму.

Пути Господни неисповедимы.
 Всё сплетено — отчаянье, любовь.
 Хоть и с трудом, но мука выносима.
 Но молишься: «О, только бы не вновь!»

* * *

Сотни флейт, аметистово-сизых
 Расцвели, развернув лепестки.
 На тычинках, как жемчуг, нанизан
 Росный сумрак, пришедший с реки.

И поют они сладко, незвонко,
 Что проснулась от долгого сна
 В старом парке малютка-весна,
 Как подкидыш в лиловых пелёнках.

И дрожит в фиолетовой пене,
 Вторя песне цветов, соловей.
 Что цветенье сирени? Мгновенье!
 Лепестки над водою развей.

Лишь весны да сирени мне жалко,
 Песня флейт никому не слышна, —
 А младенца похитит русалка.
 В Цне вода на быстрынах темна.

Алексис МОИСЕЕВА**ПОХВАЛА ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

1

Бабочки бывают не только нежными.
 У той, что сидит на руке, есть жало
 Из блестящей медицинской стали.

Память – пыльный рюкзак. Всё реже
 Хочется, чтоб из него доставали
 Что-то, чтобы и правда держало.
 Потом я встаю с тесной кушетки,
 Узкой и безразличной, как каноэ,
 Что плывёт по течению без гребца.
 Иду. Глаза поднимаю редко –
 Всё меньше мест, где есть что-то родное,
 Хотя бы черты лица.

2

Скоро посыплются на землю
 колючие ёжики.
 Я до сих пор люблю собирать каштаны,
 Чтобы почувствовать осень в любое
 время.
 Ветер дует так, что вот-вот заберётся
 под кожу.
 С утра ещё выносимо. Темнеет рано,
 И некого попросить: «Ты, пожалуйста,
 верь в меня».
 Моя берлога под самой крышей.
 Все дождевые симфонии
 Слушаю, можно сказать, что в
 первом ряду.
 Просто представить, как выглядел
 конец света,
 Особенно если на ливень смотреть
 на балконе.
 И крикнуть оттуда Ною, что я не приду,
 Пусть плывёт, а моя остановка –
 другая планета.

3

Лисица, ты чаще ко мне заходи на чай.
 Я, наверное, нашим смехом спасаюсь
 только,
 Так и должно быть – лис и маленький
 принц.
 Мир окончательно остановится,
 если роза будет обручена.
 Хорошо, что Экзюпери не дошёл до этих
 страниц.
 Я знаю, что это больно, но не хочется
 знать, насколько.

4

Завтра всё будет по-прежнему.
 Дом-работа,
 Так меньше ненужных мыслей
 (и мыслей вообще).
 Я тогда стану вроде чудной самодельной
 машины –
 Задачи, решения. И это займёт пустоты,
 А я своё место среди повседневных
 вещей.
 Хвала рутине.

* * *

Что, душа? О чём тебе болится?
 Вот и выпал день, где мы одни.
 Смотришь вдаль встревоженную птицей,
 И рубашки давит воротник.
 Что теперь тебе не так я сделал?
 Ошибался, чувствовал, как мог.
 Исушил бессонницами тело,
 Чтобы только выдумать предлог
 Задержаться. Пить по каплям вечер,
 Разрезая сердца немоту.
 И гнетёт тоска нечеловечья,
 Будто я в бетон сейчас вращу
 И останусь изваяньем тоже –
 Без улыбки, голем ледяной.
 Но коснётся тихо ветер кожи,
 Расшумятся птицы надо мной,
 Отойду от холода немного.
 Что же ты так съёжилась, душа?
 Хорошо бы выкопать берлогу,
 Чтобы переспать зимы кошмар.
 И ожить, когда неловко солнце
 Потревожит белоснежный наст
 И тепло сквозь пустоту пробьётся.
 Только пусть любовь минует нас.
 Мы и так после победной битвы
 С той чертовкой выжили едва.
 На местах сражения трава
 Прорастает, как слова молитвы.
 Мы ещё поборемся, душа...

Сергей ИШАНОВ

ОТШЕЛЬНИК

С юности я полубил кататься на лыжах по нашим бескрайним просторам, именуемым в народе сельскохозяйственными полями. Поначалу лыжи были деревянные на резинках, очень неудобные, потом мне достались пластиковые «тиса» с хорошим по тем временам креплением и специальными ботинками. Счастью моему не было предела.

Самое удобное время для катания приходится на конец февраля и начало марта. Снег за зиму слёживается, становится упругим, покрывается коркой, тут не утонешь по пояс, не провалишься ногой. За это время объехал я все ближайшие селенья, пересекал глубокие овраги, проваливался под лёд, заходил в лес, ломал лыжи и палки, встречал диких животных.

...В ту зиму я катался особенно много. На душе было как-то муторно и беспокоино. Дела не ладились: всё валилось из рук, ночами я не мог спать. Чтобы хоть как-то унять сердце и утомить мышцы, я каждый день наматывал по пятнадцать-двадцать километров, не особенно продумывая маршруты.

Однажды, когда я провёл в поле часа четыре и уже повернул в сторону дома, меня настиг сильный ветер со снегом. Налетел он внезапно, молниеносно. Последнее, что я запомнил, – это посадки, которые долго были мне ориентиром. Но и они скрылись за белой пеленой. Ветер продувал меня насквозь, в лицо бил колючий снег, я двигался почти вслепую. По моим подсчётам, совсем рядом должны были быть посадки. Их я считал своим спасением, ведь внутри длинной змейкой петлял овраг, где можно было укрыться от стихии. Но оврага всё не было. Я понял, что пошёл на круг и заплутал. Силы покидали меня, тело промёрзло насквозь, лицо онемело, кисти рук задеревенели. Но я решил идти до конца.

Прошёл час или два. Я, наконец, вышел в посадки, правда, не в те, которые искал. Эти были без оврага и в четыре ряда берёз – так себе укрытие. Но лучше это, чем ничего. Най-

дя берёзку потолще, я прижался к ней боком, так, чтобы можно было хоть немного укрыться от ветра. Я простоял так минут пятнадцать и окончательно замёрз. Не знаю, сколько времени прошло после этого, но в небе стал отчетливо проступать мутный диск солнца, означающий близкое окончание метели. Вскоре она и впрямь утихла.

Я огляделся и понял, что забрал от своего ориентира влево на сто восемьдесят градусов и упёрся в другие посадки. Залюбовавшись природой, не рассчитал силы на обратный путь. Сейчас хорошо было бы выпить горячего чая, да и поесть не мешало бы.

Примерно на середине пути, напугав меня, из-под лыж со свистом, как всегда внезапно, поднялись куропатки. На соседнем поле, занятая своим делом, мышковала лиса. Я издали приметил её по рыжевато-бурой шубке. Плутовка с пушистым хвостом становилась в стойку, припадала мордой вниз, замирала на месте, приподнимая лапу. Я пересёк дорогу, на которой холодным блеском зияли глазки замёрзших луж, и подошёл к пограничью. Здесь заканчивался наш и начинался соседний район.

Впереди высокой стеной стояли ряды нескошенного подсолнечника. На сухих стеблях понуро покачивались склонённые головы подсолнечников с коричневыми лицами, ещё недавно с радостью провожавшими взглядом солнце с востока на запад. Теперь они стояли в безмолвии и стаи голодных воробьёв игриво вытряхивали из них последние семечки. Объезжая подсолнухи, в берёзовых посадках я встретил одинокий куст шиповника. От зимы его ягоды потеряли упругость и яркий красный цвет, теперь они были сморщенные, с коричневатым оттенком, кислые, но всё ещё приятные на вкус.

Вдруг вдаль показалось несколько плоских крыш. Назвать эти серые строения домами было нельзя, но над одним из них поднимался тонкий дымок. Послышался отдалённый собачий лай. Значит, хоть какая-то жизнь здесь теплилась, и это давало надежду. Оставалось перейти речушку, что тянулась по низине в за-

рослях мелкого кустарника. Я выбрал место для перехода и почти выбрался на противоположный берег, как вдруг лыжа под ногой предательски рванулась вперёд на неожиданно скользком насте – и я скатился назад. Путаясь в густом камыше, нахватался «собачек» и репейника. Кое-как, почти ползком, я выбрался на берег и, споткнувшись о кочку, растянулся на снегу. Щёки обожгло колючим холодом. Раздался пронзительный и длинный лай, а затем – звук человеческих шагов. Я услышал над собой прерывистое дыхание дворняжки и, подняв глаза, увидел совсем близко чьи-то огромные, старые, много раз перелатанные валенки. Я перевёл взгляд вверх и увидел хозяйина – жилистого молодцеватого мужчину лет шестидесяти. На нём был военный бушлат с засаленными рукавами и коричневые штаны типа «горка». Отец иногда надевал такие, когда отправлялся на охоту. Теперь они вместе с поношенными клетчатými рубашками, старыми трениками, лыжным костюмом и куртками-спецовками лежали в опустевшем доме в груди других неразобранных вещей, разобраться в которых у меня до сих пор не хватало духу.

Мужчина смотрел на меня, улыбаясь радостными карими глазами. Меня поразили его лицо без единой морщины, неторопливость и в то же время ловкость его движений. Он приструнил осмелевшего пса и, приветственно пожав мне руку, предложил зайти на чай.

Оказалось, что человек этот живёт здесь постоянно, держа большое, по нынешним меркам, подворье из пяти голов крупнорогатого скота и трёх свиней. Были здесь и куры, которые раскудахтались на всю округу от шума, поднятого собакой. Моему удивлению не было предела: до цивилизации рукой подать, а он обитает тут, словно отшельник. Хозяйство его состояло из двух дощатых построек, сарая, где обитал скот, за ним находилась большая скирда сена, запорошенная снегом, а рядом стоял дом, если, конечно, можно было так его называть. Внутри хаты стояли одинокий стол, кровать, старый шкаф и сваренная вручную печь буржуйка, на которой томился чёрный, как уголь, чайник. Деревянный кое-как сложен-

ный пол играл под ногами, на потолке в изобилии висели сухие травы.

Отшельника звали Василий Петрович, фамилию я не спрашивал. От буржуйки шёл жар. Мы присели за стол, и Василий Петрович принялся угощать меня отварами из трав. Мужик был не глуп, в разговоре держался прямомоты и казался родным. От него так и веяло радушьем, видно было, что поболтать он любил. Мне не терпелось узнать, что привело его в эти края.

– Ничего необычного, – промолвил он, отхлёбывая душистый кипяток, – мне нравится кочевая жизнь. По правде сказать, почти всю жизнь я в пастухах проходил, как и отец мой. Он с войны без одной руки пришёл, куда ему ещё податься, калека нигде не нужен, с той поры мы с братьями... а нас трое было... сейчас они померли... а я, вот один остался, стали помогать ему по очереди. Не подумай, образование у меня имеется, по профессии я ветеринар, по сих пор хожу в посёлок. Зовут скотину смотреть, да и её-то уж не осталось, переводят. Говорят, проще того же молока да мяса на базаре купить, чем батрачить на скотину, хребтину гнуть.

Кивком головы я согласился.

– Ты думаешь? – заметил Василий Петрович. – Возможно, ты и прав. Потом в армию загремел, аж на Новую землю, во... куда черти занесли. Там хлебнули мы горюшка. Казармы были холодные, ветрами продуваемые. Лето бывает там всего два месяца, а жара там необыкновенная, плюс семь или шесть. Главное там: не выходить в метель, потеряешься в момент – пиши пропало. Ещё белый медведь задрать может, только гляди по сторонам, не зевай.

Он на мгновение задумался, исчез из разговора, вроде душа его покинула тело, потом встрепенулся и продолжил:

– Попал всё-таки я однажды в метель. Послали меня до склада с провизией, он рядом находился, в каких-то ста метрах. Шёл по верёвке (так положено в непогоду), а она хрясь – и порвалась, хотя толстая была. Может, медведь надгрыз где. С испугу выронил конец,

найти не могу, так и толкся на месте, пока за мной не послали, вот только два пальца на левой руке отморозил, их-то и отрезали.

Только сейчас я обратил внимание на два обрубка левой кисти, остальными же пальцами он почёсывал еле видимую щетину на подбородке. Я, было, хотел рассказать о своей службе, но он опять перехватил нить разговора и продолжил:

– Так и работал ветеринаром всю жизнь. Дважды женат и дважды разведён, трое детей, понимаешь. Только двоих нет в живых, и надо же такому случиться, померли мальчишки, так сказать, продолжатели рода, девка ток осталась. От первой жены был у меня Петька, озорной – страсть, души в нём не чаял. С друзьями летом с пруда не вылезал, очень любил купаться, до сих пор не пойму, как он утонул. То ли судорога взяла, может, из ребят кто помог неосторожно, никто ж не сознается. Искали трое суток, место там глубокое, водолазами дно прочёсывали, пока сам не всплыл. Гляжу на него, лежит на берегу, весь распух до неузнаваемости, и кажется, что не он это. Жена рядом стояла – так и рухнула наземь. В общем, с той поры умом она тронулась, пришлось разбежаться с ней, а не то могла зарезать, да... такие дела, совсем плохая стала. А как не стать, мы долго ждали ребёнка, еле дождались, врачи сказали, более не будет, считай, повезло. Девять лет ему было.

– Да уж, – сочувственно произнёс я, – бывает же такое, несчастный случай.

– Это что. Сошёлся со второй. Родились у нас дочка Марья и сын Колька. Зажил я достойно, о прошлом старался не вспоминать, да и супруга из местных, знала обо всём, и всем мне старалась угождать, была второй моей душой. Да вот Колька в девять лет под вагон попал: катались они с ребятами, прицепятся к идущему поезду – и с ветерком, а как спрыгнуть... так и закатился под колёса. Ноги по самое не хочу отрезало. Терзаний я его не видел, машинист говорил, недолго мучился. Прибежал я к месту, а он лежит, глазами в небо смотрит, руки раскинул, а рот неистово так вывернут, видать, натерпелся боли. Ноги его малые в

другой стороне лежат. Гляжу, с мослов собака кровь слизывает чья-то. Тут меня, сознаюсь, и подкосило, в глазах зарябило, и в беспомощности рухнул. Пряма карма какая на мальчишек... Так сказала жена и ушла от меня. А я что? Топил их, под поезд кидал, что ли, спрашивается?

Меня до крайности удивило, с каким лёгким спокойствием и каким тоном он рассказывал эти жуткие истории. Особенно после второй у меня как-то странно заломило ноги, я даже их потёр и пощипал. Должно быть, у этого человека от страданий настолько зачерствела душа, что он запросто об этом рассуждал, рассказывал постороннему. Или боль давности опять нарастала в нём комом и искала выхода наружу.

– Я вам искренне сочувствую, – произнёс я, – врагу не пожелаешь такой жизни. Василий Петрович, давайте я вас угощу своим чаем, из термоса, ещё бутерброды имеются.

Петрович выпрямился, кашлянул, отчего у него в горле захрипело, и так он произнёс:

– Оставь себе. Угощу тебя жареным мясом с лучком, такое вряд ли где пробовал.

Он поставил сковороду с готовой едой на печь разогревать, где она быстро занялась, потрескивая жиром. По дому распространялся запах мяса, отчего у меня заурчал живот. Поначалу я со стеснением насаживал на вилку кусочки мяса, потом, войдя во вкус, причмокивал и вдобавок макал хлебом в сковородку, пропитывая его жиром. Такой вкусности я в жизни не пробовал, может, с тех самых пор, как мы с отцом выбирались вдвоём на охоту с ночёвкой и там, в охотничьей сторожке, варили под вечер кашу с тушёнкой на старенькой буржуйке. Увлёкшись, я сам не заметил, как опустошил сковородку, и тут же покраснел от стыда. Мой собеседник заметил это и сказал, что мяса у него впрок, а по существу оно ему надоело.

– А что же дочь ваша, общается с вами? – поинтересовался я.

– Нет, не общается, видать, мать ей подсказала. По правде, искал я с ней контакт, но, видимо, в голове у неё сильные черти засели, ну бог с ней, время рассудит.

– По семейной части у вас прямо невезение, – заключил я. – И что потом? Одному так и пришлось жить?

– Хватит тебе, – с улыбкой отмахнулся Василий Петрович. – Женщин тут много, хватает. Вот одной вдовушке года два назад телёнка с того света возвращал. Отвязался он в поле – и к дикой яблоне, а плоды здоровые оказались, так в горле и застрял яблок. Повалился, лежит-сопит, глаза закатывать стал, ногами дрыгает, того гляди – помрёт. Взял я шланг поливочный, отрезал, да в горло его туда-сюда. Как он вскочит, как замычит, ожил, чертяка! Вот так вот.

– Ну... а вдова тут причём? – поинтересовался я.

– Ах, да. Отблагодарила она меня, но не деньгами, а... встречались так года три. А сейчас ко мне сюда другая ходит, раз в недельку жалуется.

– Пойдите, вы говорили, два года назад телёнок поперхнулся, тут другая... Как понимать?

– Ну-у-у... – затянул Петрович, – ты как с луны свалился. Одно другому не мешает, чу-дак человек.

– Может, и чудак, – оправдывался я, – но всё-таки у вас возраст, а тут одна, другая. Как так?

– У нас в роду, ещё отец говаривал, по мужской линии всегда сильны были, прям до гроба. В больнице лежит под капельницей, одной ногой с богом, а сам рукой за ногу сестричке медицинской – хватать, та даже жаловалась старшему. Что это, мол, дед шалит, ему о царстве божьем думать надо, а он...

– Рассказы ваши занимательны, – я взглянул на время. Прошло полтора часа. – Но мне пора, ещё десять километров отмахать надо.

– Поймай, это ты откуда приехал? Не с Земляного, случаем? То-то, смотрю, на наших не похож, незнакомо лицо твоё.

– С Земляного... вот катаюсь, забрёл в ваши края...

– Есть там у меня знакомый, Федосеев Михаил, тот, что голубей разводит, он у вас

там один такой, передавай ему пламенный привет. Жив ли он? – спохватился собеседник.

– Жив, обязательно передам.

Мы вышли на улицу, в сарае фыркала лошадь. Пёс, увидев меня, снова зашёлся лаем. Вставил ботинки в лыжи, стали прощаться.

– погоди, я сейчас, – сказал Петрович, забегая в дом.

Через несколько минут он всучил мне завернутые в газету травы. К ним прилагался листок, на котором размашистым почерком записаны были их названия.

– Это тебе. Когда будешь в моих годах, заваривай, все бабки на селе к тебе бегать будут, да что бабки – и молодые потянутся. Не потеряй листок. Ну... будь здоров.

Я отъехал несколько метров, обернувшись, спросил:

– Не скучно тебе тут одному, без благ цивилизаций? На дворе век прогресса!

– На что оно мне всё? Эти блага мне не нужны, я люблю природу, а значит, я счастливый человек на свете.

Ответ был понятен. Отдохнув у отшельника, с новыми силами я преодолел овраг и пустился коньком по просторному полю. Солнце стояло в зените и как-то по-летнему припекало. В дороге я часто вспоминал наш разговор и не заметил, как приблизился к дому. Термос с чаем я привёз с собой обратно. Увидев Федосеева в магазине, я передал привет от Петровича. Он долго не мог вспомнить, о ком речь.

Прошло уже три года, дела закрутили меня, да вроде и не было поводов ехать туда, в одинокую избушку отшельника. Правда, недавно я всё-таки разобрал старые вещи отца. Среди гор одежды и ящиков с охотничьим припасом удалось найти ещё новые, почти не ношенные валенки. Это был мой новогодний подарок, сшитый лет пять назад под заказ по специальной мерке. Отец тогда очень радовался, но, видно, так и не успел надеть. Кажется, я знаю, кому их отвезти. Скоро март, и впереди отпуск.

Александр ЗИМИН

СТИХИ И ПРОЗА ДЛЯ ДЕТЕЙ

* * *

Первый раз увидел Костик
Длиннорогую козу:
– Ой, какой красивый ослик,
Пап, смотри, что покажу.

Подивился папа Кости,
Улыбнулся и сказал:
– Это к нам явилась в гости
Нашей бабушки коза.

Ну а Костя топнул ножкой:
– Я и сам прекрасно знал,
Если ослик носит рожки –
Значит, он козую стал.

* * *

Любит Таня молоко,
Любит Таня кашу.
Прыгать, бегать ей легко,
А не то, что Саше.

Саша радуется себя
Пряником, конфетой.
Сядет в кресло: «Это я
На машине еду».

Таня делает зарядку
И легка, как мотылёк.
Саша круглый, Саша гладкий,
Саша просто колобок.

Таня ходит в магазин
И поможет маме.
Ну а Саша: «Нету сил.
Потрудитесь сами».

* * *

Листает ветер, как дитя,
Осенние страницы,

А в синем омуте, шутя,
Воздушный змей кружится.

Туманы утренних дорог
Берёзам гладят кудри.
Октябрь — шустрый скоморох —
Бордовым листья пудрит.

Играет, вечностью звеня,
Безумных дней лавина.
И улыбается земля
Созвездьям журавлиным.

ДОМОВОЙ

Пролёт окна. Скрип половицы.
Под танец снов, шаги весенние
Мелькает тень и хоронится –
У домового вдохновение.

Взмахнёт мечтой желаний радуга,
Видений сказочные брызги.
Завяжет боль улыбкой натуго
И зачарованным, и близким.

И поступь стрелки циферблата
Зажжёт рассвет с зарёй красавицей.
Зевнёт художник – и в награду
По дому счастье разгуляется.

Александра МИХАЙЛОВА*(Рассказы из книги «Доброе дело»)*

ДОБРОЕ ДЕЛО

На окраине одного тихого городка есть
обычная русская улица, которая пестрит одно-
этажными домиками разных форм и цветов.
Самым красивым здесь каждый назвал бы до-
бротный деревянный дом. Зелёный, с тремя
передними окнами в резных нарядных налич-
никах. Что тебе пасхальная писанка!

В палисаднике у этого дома по-царски
раскинула свои ветви высокая черёмуха. А ря-

дом распушились кусты смородины, спрятав за собой деревянную скамейку.

Здесь уже с полчаса сидела шестилетняя девочка. С виду простая милая девочка. Худенькая, сероглазая, с двумя косичками, похожими на спелые колоски. Она, что-то напевая и время от времени поглядывая вдаль, плела венки из ярких, солнечных одуванчиков. Звали эту затейницу Люба. А сидела здесь Люба неспроста: она ждала бабушку.

Баба Маша ещё с утра понесла на базар цветы, которые выращивала для продажи. Когда торговля у неё шла удачно, бабушка обязательно покупала домашним гостинцы: конфеты, мороженое, печенье, а то и арбуз приносила. Но не только получить подарки не терпелось Любе: она уже соскучилась по бабе Маше. Так захотелось послушать какую-нибудь её историю или сказку. Между делом старушка часто пела молитвы, иногда и песни затягивала, а попросит внука – сказку начала. И про Михайло Потапыча, и про Лису Патрикеевну, и про славного богатыря Илью Муромца, и про Василису Прекрасную – каких только интересных историй не запомнила за свои семьдесят лет добрая Любина бабушка!

Нетерпеливая и подвижная, девочка совсем устала ждать. Она уж и песни все перебрала, и венок примерила... В который раз посмотрела непоседа на дорогу. Наконец-то! Вдалеке завиднелся знакомый синий платок, и Люба вприпрыжку побежала навстречу долгожданной сказочнице. Бабушка, весело улыбувшись, помахала внучке рукой. Наверно, она всё продала и купила что-то хорошее.

– Миленькая моя, что я тебе принесла! Уж какой сюрприз тебе принесла! – приговаривала бабушка по пути.

Дома она бережно достала из сумки какой-то свёрток. Интересно, что же там? Может быть, игрушка?

Оказалось, это летнее платье, красное, с рукавами-крылышками и белыми кружевами. По нему волнами бегут переливы света – оно из особой ткани, атлас называется. Любочка замерла от восторга: она даже во сне не видела такой красоты, а уж носить и вовсе не мечтала.

Потому что семья жила небогато и у девочки вообще редко появлялись обновки.

– Какое красивое, как у принцессы! Спасибо, бабушка, спасибо! – тараторила девочка. – Мама, посмотри, что мне баба Маша купила.

– Да чего ты трещишь и скачешь, вертушка! Примерь лучше, – остановила бабушка.

Сияя улыбкой, девочка надела платье и неспешно покружилась перед зеркалом. Наряд – просто глаз не отвести! Бабушка и мама принялись рассматривать со всех сторон: нет ли каких изъянов, хорошо ли сидит. Но платье пришлось как раз впору, будто для Любы его и шили.

– Богатый наряд. Прямо пасхальный, – умилилась баба Маша. – Будешь по праздникам в церковь в нём ходить. Вот и Троица скоро...

Через пару дней маленькая модница увидела, что мама с бабушкой складывают в деревянный ящик старые детские вещи её взрослых братьев – Толи-студента и Валеры-солдата. Оказалось, это посылка в другой город для мальчика и девочки – ровесников Любы. У них умерла мама, а папа сидит в тюрьме. Любина мама, Анна Николаевна, сказала, что они бедные сиротки, и заплакала.

– Внученька, я вот что подумала, – вдруг заговорила бабушка, – может, мы твое новое платьице, ненадёванное, пошлём той девочке?

Люба так и вздрогнула. Нет, только не это, прекрасное, ненаглядное, любое другое, только не это, – чуть не вырвалось у неё.

– Ведь ей никто такого не подарит, – рассуждала между тем баба Маша. – А будет у девочки это платье, нарядится она и пойдет к папе повидаться. Папа на неё порадуется, и легче ему будет в неволе. Помочь тем, кто в беде да в нужде, – это доброе дело. Господь велел нам творить добрые дела. Неустанно, постоянно и без счёту...

И тут Люба вдруг представила себе бедных маленьких детей, сестрёнку с братиком. Вот стоят они, грустные такие, держат друг друга за ручку. Совсем одни. Ни мамы у них, ни папы, ни бабушки, ни взрослых братьев. Очень страшно это – жить одним. Особенно когда темно. Девочке стало так жалко ребя-

тишек, что захотелось сделать для них что-нибудь хорошее. Конечно, красивое платье будет самым лучшим подарком. И, пересилив себя, Люба прошептала:

– Хорошо, отдайте.

А сама ушла на улицу, чтобы больше не видеть любимого наряда, в котором так и не успела пощеголять.

«Теперь я не смогу быть красивой на праздник, – думала она. – Может, не надо было отдавать?.. Да нет, бабушка сказала, что хорошо это – помочь тем, у кого горе. Я уж как-нибудь обойдусь своей одеждой. Зато сколько радости будет у сиротки с папой!»

Рассудив так, Люба даже сама повеселела. Стало так светло и хорошо. Чудо как хорошо, будто розовый цветок внутри неё распустился. Захотелось петь и прыгать, кружиться и снова петь. Знать, недаром дело помощи добрым называют!

КАК РИСУЮТ ЧИСТОТУ

Утро ласково встретило Любочку с мамой алой улыбкой зари. Они встали спозаранку, чтобы по прохладце добраться на вокзал. К поезду, который домчит путешественниц до соседнего городка, где живут их родственники.

Первый автобус быстро доставил пассажиров на площадь, откуда рукой подать до вокзала.

Люба бодро шагала за мамой. В руках девочка комкала билетик, который только что вручила ей тётенька-кондуктор. Но скоро непоседе надоело держать мятую бумажку. Положить её некуда – карманов нет. Так что Люба бросила её прямо под ноги на асфальт.

– Зачем ты бросила билетик? Здесь нельзя сорить! – строго сказала мама.

– Почему нельзя? – не поняла дочка.

– Взгляни, как здесь чисто, а ты нарушаешь порядок, – объяснила мама.

Люба посмотрела вокруг: перед зданием вокзала стройными струйками перебирает фонтан, ровный газон зеленеет сочной травой, в ряд вытянулись скамейки. И – ни одной

крошки на асфальте. Только скомканный билетик здесь не к месту. Мелочь – а разрушает всё впечатление от красоты городской улицы. Любе стало стыдно, но она всё-таки начала оправдываться:

– Ведь билетик совсем маленький, его почти не видно.

– Как же, – покачала головой мама, – посмотрит кто-нибудь – бумажка лежит, значит, можно и ещё одну сюда бросить. Потом ещё и ещё. Так и получится, что соберётся целая гора. У человека тоже наподобие бывает: сказал слово недоброе, поступил плохо – вот и накопилось грехов. Как мусора в том углу за скамейками.

Люба повернулась, куда показала мама. В траве белели бумажки, бутылки и пакеты. Ветер трепал целлофан, и девочке показалось, что прозрачные мешки махали ей своими уголками. Да ещё прыскали шуршащим смехом: что, провинилась?

– Как это некрасиво! Смотреть не хочется, – согласилась девочка. – Только почему же в той стороне грязно, а здесь чисто?

– Так это дворника заслуга. Видишь, вон он метлою машет, – объяснила мама. – Каждый день он подметает улицы, чтобы было приятно ходить по ним и смотреть вокруг. Бедняга, наверно, очень расстроился, что такая маленькая девочка не ценит его труд. Как и те, кто набросал здесь всякий хлам. Ведь по городским правилам все воспитанные жители должны соблюдать чистоту. Есть такая пословица: чисто не там, где убирают, а там, где не сорят.

– Хорошо сказано, – как папа, ответила Люба.

А ветер уже играл с её билетиком, как с мячом. Девочка кинулась за ним вдогонку. Схватила и вопросительно оглянулась по сторонам: куда бы его положить?

– Брось в урну – там мусору самое место, – указала мама на желтый бак с ножками и взяла дочку за руку.

Уже подходя к вокзалу, Люба обернулась. Издалека дворник показался ей удивительно похожим на художника: у него в руках большая кисточка, которой он рисует чистоту.

Наталья ОВЧАР

Прозаик, поэт, автор произведений для детей,
г. Тамбов

КОГДА ОН НАСТОЯЩИЙ

(рассказ)

Дед Мороз шёл по тротуару мимо сверкавших, украшенных по-новогоднему магазинных витрин. Искрящиеся снежинки почему-то не падали ему под ноги, обутые в расшитые серебристыми узорами валенки, и не таяли на посыпанной реагентом поверхности, а закручивались в хороводе возле кряжистой фигуры в белой шубе и разлетались в стороны – под стоящие вдоль дороги на одинаковом расстоянии деревья, увешанные мигающими гирляндами. Там они медленно опускались отдыхать, увеличивая пушистые сугробики.

Навстречу старику торопливо шли люди: кто-то с сумками, наполненными продуктами, кто-то с цветами, заботливо завернутыми от мороза в бумагу, кто-то нёс ёлочки, обвязанные шпагатом. У всех было праздничное настроение. Деду Морозу приветливо улыбались и махали руками, а весёлая компания молодых людей на несколько минут остановилась рядом, чтобы сделать селфи. Вечером тридцать первого декабря никого нельзя было удивить всеми любимым сказочным персонажем, шагавшим по улице...

Вдруг Дед Мороз услышал жалобное мяуканье. У стены дома, поджимая то одну озябшую лапку, то другую, сидел рыжий, дрожащий от холода полосатый котёнок. Некото-

рые прохожие равнодушно скользили по нему взглядом и шли дальше, а кто-то жалел бездомного малыша, лез в сумку, отщипывал кусочек колбасы, гладил и уходил. Кто-то вообще не замечал, поглощённый своими проблемами.

В этот момент из парикмахерской вышла молодая женщина с маленьким мальчиком лет пяти на вид. Видимо, мама забрала сына из детского сада и вместе с ним зашла в парикмахерскую сделать праздничную причёску или маникюр. Теперь она спешила домой.

Мальчик увидел котёнка, потянул маму за собой и робко попросил:

– Мам, давай возьмём котёночка домой.

– Какого котёночка? – близоруко прищурившись, спросила она и накинула на голову капюшон, чтобы падавший снег не испортил причёску.

– Вот этого, – указал малыш пальчиком на котёнка. – Он такой несчастный и голодный. И совсем замёрз, – с надеждой в голосе сказал мальчик.

– Но он, наверное, лишайный или блохастый, – возразила мама, потянув сына в противоположную сторону. – И не показывай пальцем – это некультурно, – добавила назидательно и поправила сползшую ему на глаза шапочку с двумя синими помпонами.

– Он может умереть от холода! – в отчаянии воскликнул мальчик и шмыгнул носом.

– Веди себя прилично, не кричи, а то Дед Мороз не подарит тебе подарок, – строго

сказала мама и решительно развернулась, намереваясь немедленно отправиться домой, но наткнулась на Деда Мороза. – Ой! – от неожиданности воскликнула она.

– Ну почему же не подарю? – удивился Дед Мороз. – У мальчика доброе и сострадательное сердце. Из него вырастет хороший человек, если вы своими поступками не вытравите из него это сострадание, – сказал старик и, добродушно улыбнувшись в седые пышные усы, взглянул ей прямо в глаза.

Женщина вдруг тоже улыбнулась и задумчиво посмотрела сначала на котёнка, а затем на сына. Дед Мороз тем временем снял расшитую узорами рукавицу и, подцепив найдёныша на большую ладонь, передал его остолбеневшему и не верившему своему счастью мальчику.

– На, Серёженька, держи. Как ты его назовёшь? – спросил Дед Мороз.

– Рыжиком, – прошептал мальчик. – Спасибо, Дедушка Мороз! Это самый лучший твой подарок!

– Заботься о нём, и он принесёт в ваш дом счастье. До свидания. С Новым годом! – снова улыбнулся Дед Мороз и пошёл дальше.

– До свидания, Дедушка Мороз! – радостно воскликнул Серёжа.

– До свидания. И вас с Новым годом! – крикнула женщина вслед старику и удивлённо посмотрела на сына. – Интересно, откуда он знает, как тебя зовут? Ведь я не обращалась к тебе по имени после того, как мы вышли из парикмахерской.

– Мам, так ведь это же Дедушка Мороз. Он всех-всех детей знает! – уверенно произнёс Серёжа, прижимая котёнка к груди.

– Да... Наверное... Пошли-ка домой, сынок, а то папа нас заждался. И Рыжика надо покормить, – улыбнулась мама, и они все вместе направились на автобусную остановку.

А Дед Мороз тем временем последовал дальше. У него сегодня было очень много работы. Вот бабушка с протянутой рукой возле двери супермаркета, откуда выходили хорошо одетые мужчины и женщины с дорогими покупками в разноцветных гляцевых паке-

тах. Но все они шли мимо, делая вид, что не замечали её. Дед Мороз нахмурился и даже сердито пристукнул посохом о тротуар. Один из мужчин вдруг замешкался, взглянул на старушку, достал портмоне и протянул ей крупную купюру. Бабушка благодарно закивала и засеменила в продуктовый магазин, а мужчина задумчиво посмотрел вслед и направился к огромному чёрному «Хаммеру».

Вон влюблённые ссорятся. Чего они не поделили? Или разошлись во мнениях – где и как встречать Новый год? Дед Мороз удивлённо приподнял седую кустистую бровь. Неизвестно откуда взявшийся порыв ветра сдул снег с ветвей стоящего рядом с молодыми людьми дерева и осыпал их искрящимися кристалликами. Влюблённые перестали пререкаться и рассмеялись, подставляя просветлевшие от улыбок лица под кружащиеся снежинки. Затем, взявшись за руки и раскачивая ими вперёд-назад, как это делали в детстве, поспешили куда-то, оживлённо разговаривая.

Дед Мороз отправился дальше. У него впереди ещё много дел, ведь только раз в году он мог появиться открыто, смешавшись на улице с многочисленными фальшивыми «Морозами», чтобы исполнить самые заветные желания людей и принести в этот мир немного волшебства...

ПУТЕШЕСТВИЕ СНЕЖИНКИ (рассказ)

Маленькая Снежинка родилась в большой снежной Туче, где жила вместе со своими сестричками-снежинками. Они дружно росли из невзрачных маленьких кристалликов, постепенно становясь шестилучевыми ажурными красавицами.

Однажды мама-Туча собрала дочерей и сказала:

– Доченьки мои милые, вы уже стали совсем взрослыми. Я больше не могу держать вас при себе, пора вам упасть на землю и выполнить своё предназначение.

Снежинка сначала очень испугалась – ведь ей придётся покинуть родной дом и отправиться в неведомое путешествие.

– Мамочка, а какое у нас предназначение? – спросила Снежинка.

– У каждой из вас будет своё особенное, в зависимости от того, кто куда попадёт. Кто-то из вас ляжет на поля и укроет озимые хлеба от морозов, кто-то станет украшением для деревьев и кустов. Но когда наступит весна, все вы станете водой и напитаете Матушку-Землю. Этой влагой напьются деревья, травы и цветы. Вы станете их частью. А ещё вы можете попасть глубоко под землю и путешествовать там вместе с подземными водами, можете стать ручейками на поверхности земли и затем влиться в реку, которая приведёт вас к огромному океану. Под жаркими солнечными лучами вы снова воспарите к небесам и станете облаками или даже тучами. И у вас будет много маленьких дочек – дождевых капель или снежинок. Это – Великий Круговорот Жизни, – сказал Туча и начала отпускать дочерей.

Холодный северный ветер гнал Тучу вперёд над полями и лесами, городами и сёлами. Когда настала очередь Снежинки, под ней оказался еловый лес. Ветер вынес её вместе с сёстрами на лесную опушку, где в некотором отдалении от больших и могучих деревьев стояла небольшая ёлочка. Её ветки качались под порывами ветра. Казалось, что она дрожит – от страха или от мороза. Наша Снежинка упала на одну из веток и зацепилась за уже лежащих там сестёр. Сверху падали ещё снежинки, постепенно засыпая ёлочку, пока маленькое деревце не укрылось толстым слоем снега и уже не дрожало под порывами ветра. Да и сам он вскоре унёсся прочь, чтобы гнать снеговую Тучу дальше.

Согревшись под снежным одеялом, ёлочка уснула. Снежинка хотела подружиться с ней, но деревья зимой обычно крепко спят до самой весны, поэтому наша Снежинка могла разговаривать только со своими сестричками, которые находились рядом. Они огорчались, что путешествие оказалось слишком коротким.

– Ничего, – успокаивала их Снежинка, – мама-Туча говорила, что когда наступит весна, мы продолжим своё путешествие.

– А когда весна наступит? И какая она – эта весна? – спрашивали сёстры.

– Не знаю, – отвечала Снежинка. – Я не успела спросить у мамы.

Прошло некоторое время. День сменял ночь, а ночь – день, но ничего интересного не происходило. Ёлочка спала, сёстры говорили об одном и том же, и Снежинка совсем заскучала. Обычно в лесу стояла тишина. Только иногда Снежинка слышала приглушённые звуки. Что это были за звуки и кто их производил – она не знала. Снежинка одной из первых попала на ёлочку, поэтому из-за своих многочисленных сестёр, нападавших затем сверху, ничего не могла увидеть.

Но однажды все услышали, как кто-то подошёл к их ёлочке. Этот «кто-то» вдруг сильно встряхнул маленькое деревце так, что с него осыпался почти весь снег.

– Ох, хороша! – услышала Снежинка басовитый голос и увидела того, кто это сказал.

Она никогда не видела человека, поэтому с любопытством начала его рассматривать. Он казался Снежинке огромным и страшным.

Человек расчистил снег вокруг ёлочки до самой земли и начал стучать по стволу какой-то палкой с блестящим плоским наконечником. Люди называли эту палку топором. Ёлочка вздрагивала от ударов, но продолжала крепко спать. Наконец деревце упало, взметнув вверх целое облако пушистых снежинок, которые закружились, вспыхивая в лучах зимнего солнца. Человек связал ёлочку верёвкой, чтобы ветки не мешали во время ходьбы, и взвалил на плечо.

Каким-то чудом Снежинка удержалась на веточке и могла снова видеть окружающий её лес. Сначала человек возвращался по своим следам, кряхтя и с трудом вытаскивая ноги из сугробов, но через некоторое время выбрался на утопанную тропинку. Дальше он начал двигаться намного быстрее и вскоре уже шёл по деревне к своему дому. Возле порога он ещё несколько раз сильно трянул деревце, чтобы

на ёлочке осталось меньше снега. На этот раз Снежинка сорвалась и упала на землю, а ёлочку человек занёс внутрь.

Снежинка снова оказалась в окружении сестёр. Ей повезло, потому что человек стряхнул её не на утопанную дорожку, а рядом, поэтому она спокойно могла наблюдать, как люди входили и выходили из дома, как мимо пробегали собаки и кошки, пролетали птицы. Она заметила, что люди бывают большие и маленькие. Маленькие часто бегали вприпрыжку и смеялись, а большие ходили степенно и говорили маленьким: «Не бегай!», «Не ешь грязный снег!», «Быстро домой!», – хмурясь при этом.

Так пролежала Снежинка несколько дней, пока однажды поздним вечером не налетел сильный ветер, который закружил её, протаскивал по дорожке, а затем закинул на крышу соседнего дома. И тут она увидела знакомую ёлочку сквозь освещённое прозрачное окно. Сначала она её не узнала. Первым делом Снежинка заметила яркие вспышки огоньков. Только присмотревшись, увидела знакомые зелёные веточки. Ёлочка была увешана разноцветными шарами, на её вершине горела звезда, а вниз спускался блестящий дождик. Снежинка каждый вечер любовалась ёлочкой, пока сверху не напал свежий снег. До самой весны она не видела ничего, кроме новых подруг-снежинок.

С приходом весны снег начал таять, и очередь дошла до нашей знакомой Снежинки. Она растаяла и стала Капелькой. Капелька стекла по сосульке, что свисала с крыши дома, и упала в один из многочисленных маленьких ручейков, которые струились вдоль дорожки, собирались вместе в более крупный ручеёк, а затем попадали в огромную лужу. Из лужи Капелька вместе с другими каплями воды стекла ещё в один ручеёк, а тот – в ещё один, пока, наконец, она не очутилась в реке.

По реке плыли льдины и ветки. Капелька весело плескалась и радовалась новому приключению. Долго ли она текла вместе с речной водой, Капелька не считала. С каждым новым днём берега речки менялись. Деревья покры-

вались изумрудной листвой, по берегам расцветали цветы. Капелька любовалась проплывающими белоснежными облаками. Иногда из них шёл дождь, и Капелька приветствовала новых подруг, попавших в речку из проплывающих мимо тучек.

А речка всё текла и текла, становясь всё больше и больше. И вот она раскинулась вширь так, что Капелька не смогла увидеть берегов, а вода постепенно стала солёной. Маленькая путешественница попала в океан. Она стала его частью. Огромные могучие волны укачивали Капельку, ветры пели ей таинственные песни, чайки утром будили её тоскливыми криками, она играла с рыбами и дельфинами. Иногда мимо Капельки проплывали величественные корабли. Она была счастлива.

Однажды, когда солнце припекало особенно сильно, Капелька вдруг почувствовала, что взлетела к небу. И это произошло не потому, что волна разбилась о скалу. Капелька не упала снова в океан, как часто с ней бывало раньше, а поднималась всё выше и выше. Она чувствовала, что разделилась на миллион маленьких капелек, образуя незаметный человеческому глазу туман.

Чем выше Капелька поднималась, тем холоднее было вокруг. Ей казалось, что она становилась больше и больше. Ветер понёс её по небу над океаном, а затем над землёй. Так Капелька стала Тучкой. Она росла и росла, вбирая в себя испаряющуюся с земли и рек воду, а ветер гнал её всё дальше и дальше, зная, что Туча где-то кому-то очень сильно нужна.

Когда стало совсем холодно, Туча вдруг почувствовала, как внутри неё начали расти маленькие снежинки. Она радовалась каждому новому ажурному лучику, наблюдала, как из невзрачных малюсеньких кристалликов появляются красавицы-снежинки. Туча рассказывала им о своих приключениях, готова дочерей к дороге. Наконец она отпустила их. Снежинки закружились в зимнем небе, торопясь выполнить своё важное предназначение и отправляясь каждая в собственное путешествие.

С ЛЮБОВЬЮ К МАЛОЙ РОДИНЕ

Подведены итоги III Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой

Выдающаяся советская поэтесса Майя Александровна Румянцева (1928–1980 гг.) связала свою жизнь с Тамбовщиной в 60-е годы XX века. Это было время её творческого расцвета. Здесь, в сердце России, она обрела вторую родину, здесь в её поэзию хлынули ритмы народной речи, образы живых человеческих судеб. Восприимчивый ко всему насущному, поэтический дар Майи Румянцевой отзывался на искреннюю потребность читателя в преображающем и вдохновляющем художественном слове. Стихи Румянцевой переписывались в обиходные тетради, заучивались с газетных вырезок, расходились с экземплярами первых вышедших книг.

В течение двенадцати лет Майя Александровна руководила Тамбовской областной писательской организацией, была организатором Дней литературы на Тамбовщине, воспитала целое поколение талантливых поэтов и прозаиков. Память о поэтессе бережно хранят в Тамбове и сейчас. Появляются переиздания книг, проходят ежегодные творческие вечера-посвящения. На одном из зданий города (по адресу: г. Тамбов, ул. Советская, д. 118) установлена мемориальная доска-триптих с портретом поэтессы и фрагментами её произведений.

Тамбовское отделение Союза писателей России выступило инициатором проведения ежегодного Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой. Он изначально посвящён теме малой родины, её сокровенным уголкам, неуловимым ускользящим чертам, запечатлев которые, можно почув-

ствовать себя по-настоящему русским человеком.

В конце 2021 года были подведены итоги III Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой. Как отмечает руководитель Тамбовского регионального отделения Союза писателей России Юрий Мещеряков, всего к конкурсу допустили 73 поэтические подборки, раскрывающие тему любви к малой родине. Жюри конкурса, а это семь литераторов из Москвы, Белгорода, Липецка и Тамбова, с удовлетворением отмечает высокий уровень творчества соискателей, а также обширную географию.

– Изначально предполагалось, что в нём примут участие поэты близких к Тамбову регионов, но в век интернета такие ограничения искусственны. Конкурсанты представили десятки городов

России, а одна из поэтических подборок поступила из Республики Черногория. Автор этих стихов Наталия Джурович и стала победителем конкурса, – говорит Юрий Меццяков.

Добавим, что задачи конкурса – обратиться к классическим для русской литературы образам земли, истока, корня, теме родовой памяти и выявить новые имена в литературе, продвинуть твор-

чество литераторов из провинции на страницы книг и периодических изданий, в читательскую среду. И эти задачи выполнены.

Ниже публикуем подборки стихов победителей и лауреатов конкурса. Дипломом 2-й степени отмечен поэт из города Жердевка нашей области Михаил Волчихин. Его стихи также представлены в номере, но в другой рубрике.

Наталия ДЖУРОВИЧ

Победитель конкурса.

Детство провела в селе 1-я Иноковка Тамбовской области.

Преподаватель русского языка в Черногории

* * *

Детство пахнет картошкой варёной,
Кострецом на зазубринах вил,
Нашей тихою речкой Вороной
И плотвою, что брат наловил.
Детство пряное; блёклые маки
Отцветают на грядке в росе.
Мы бежали в траве без оглядки
И травы не жалели совсем.
На просторном лугу чуть подальше,
От суровых гусей убежав,
Мы лягушек ловили бесстрашно
И гоняли пупырчатых жаб.
Замолчали крикливые птицы,
Заросли осокой берега,
Лишь лягушка из сказки мне снится
И свирепое чудится «Га!»
Гуси, гуси! Да пусть бы кричали,
Пусть колола бы пятки трава,
Лишь бы речка, как раньше, журчала,
Там, где бабушка вечно жива.

* * *

Приостановись у Иноковки
Жизнь – дорога, и без остановки
Поезд мой летит куда-нибудь.
Приостановись у Иноковки –
Воздуха заветного вдохнуть.
В янтаре медовых зверобоев
Шустро проскользнув,
вернусь в вагон,
На своё сиденье голубое,
Зверем, обречённым на загон.
Ты моя бесцельная дорога,
Летняя привычная беда.
В чернозёмы погрузить бы ноги,
Чтобы не отмылись никогда.
Без звериной не прожить сноровки.
Ноги оплетают сорняки.
Приостановись у Иноковки,
Мне б напиться счастья из реки.
На окно молюсь, как на икону,
А в глазах от скорости рябит,

И шумит мне вслед река Ворона,
По-вороньи, горестно шумит.

ПОРЯДКИ

Улицы – не улицы – порядки:
Клюев, Самодуровка, Затон...
Тут и там – дерюжки, тяпки, грядки,
Лишь порядка нет при всём при том.
Наперегонки с соседом бьёшься,
Первым упахаться – это честь.
Нет, не баба здесь я, просто лошадь,
Ни остановиться, ни присесть.
Сорняки, свои расставив сети,
Вьются по картофельным кустам.
Сладок дым от сорняков от этих,
Почему ж от сора сладко нам?
А уходишь с огорода – темень,
Где ростки, где сор – не разобрать.
Не очароваться бы не теми,
Сгоряча своих не обругать.
Кто сказал, что нет теперь порядков?
Память не предаст, не убежит.
Если дым то горек мне, то сладок,
Может, упорядочена жизнь?

Алла САМОХИНА

г. Литецк

Спящее поле-море,
Рваная рябь стерни.
Где мы теперь? На воле?
Вьюгами нервно воем,
Стонем среди равнин.

Нервно шуршит пороша.
Вылилось небо в снег.
Прячет подзол продрогший
Горькую горсть горошин,
Горстку – одну на всех.

Скорбно скрипят коряги.
Горек последний срок.
Кто мы теперь? Бродяги?

Бренно бредем, бедняги,
С запада на восток.

Холодно, сонно. Скуден
Снега постылый прах.
Кто мы теперь? Не люди?
Жадно съедает судьбы
Неумолимый мрак.

Скован простор безлунный,
Пахоты поле ждёт.
Тягостно и угрюмо
Ворон железным клювом
Серую стынь клюёт.

* * *

Ещё победы впереди.
И я иду к своей победе.
Столица радостно галдит.
С портретов строгие вожди
Пророчат мир на всей планете.

Вчера заветы Ильича
Мы с братом выучили вместе.
Кричат полотна кумача,
И песни весело звучат
Из горла рупора на Пресне.

И кажется, что вся Москва
Шагает с нами по брусчатке!
Мне улыбаются дома,
А я в мечтах пишу слова,
Листая бережно тетрадку.

Портфель серьёзен, но ленив —
В кладовке ждал меня всё лето.
Ему дадут охапку книг,
Он располнеет в тот же миг
И станет важным, как директор.

Прохладой дышит мне в лицо
Неугомонный день осенний.
Мне школа кажется дворцом,
Встречает строгое крыльцо,
Кряхтят серьёзные ступени.

А через десять лет урок
Начнётся – страшный и неожиданный.
Пройдёт по телу холодок...
И разобьётся о порог
Бессмертный голос Левитана.

* * *

Хочу туда, где воздух сладок,
Где пахнут яблоки из сада,
Ложатся астры на крыльцо
И места нет слезам и бедам...
Зовёт нас бабушка к обеду,
Роняя крепкое словцо.

Пропахла комната полынью.
И смотрят из угла святыни,
Как я взролею и расту.
В окно вползает луч степенно,
Высвечивая пол и стены
И оголяя простоту.

Дедуля деревянной ложкой
Ест аппетитную картошку.
Родной, любимый мой чудак!
В груди забьётся сердце звонко,
И я, счастливая девчонка,
Стараюсь делать точно так.

Вечерний август рвётся в сени
И, обнимая за колени,
Мне дарит первый поцелуй.
На завтрак – блинчик с простоквашей,
И на окне букет ромашек,
И листья мяты на полу...

Не зная о мута и брода,
Через сады и огороды,
Глотая разнотравья дух,
Я улетела в гул столицы...
Вокруг крыльца, сомкнув ресницы,
Целуют астры лебеду.
И пахнут яблоки в саду...

Наталья ДРОЗДОВА

г. Белгород

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ...

Не плачь обо мне, моя ветхая родина.
И так ты всегда и во мне, и со мной,
Под левою грудью темнеешь, как родинка,
Сумою дорожной висишь за спиной.

Все страхи твои, все грехи, как репейники,
Колючками злыми вцепились в подол.
Но также достались мне от соплеменников
Живучесть сирот их и мужество вдов.

Не плачь. Помолись. Проживу я. И выживу.
Как семя живёт в полинялых цветках.
Как на рушниках красно-чёрная вышивка
Цветёт – не линяет – в твоих сундуках.

Не бойся, когда постучат. То – юродивый
К порогу склонился хмельной головой.
Ты вместо меня приюти его, родина.
Он – брат мой. Он – сын твой. Открой же.
Открой...

Я тоже бездомна. Но не обескровлена.
За милость твою я сторицей воздам.
Я внукам своим накажу, чтоб построили
Мой дом на земле. Не хоромы. Но – храм.

* * *

Встречай меня, где мостик хлипкий,
Откос крутой и камыши.
Своей смущённою улыбкой
Мои тревоги разреши.

Скажи, что он уже оплачен –
Мой долгий путь из «заграниц»,
И ничего уже не значит
Зловещий крик полночных птиц.

К родному берегу причалив,
Душа опять любви полна,
Неизречённою печалью
Обожжена – оживлена.

От них легли повсюду зайчики,
Цветные солнечные мячики,
И слов, что ничего не значили,
Стада бродили в голове.

Ольга КОРШУНОВА

г. Заречный Пензенской области

Как нас упорно приучают
Заморским кланяться богам.
Как хитроумно приучают
К миражной роскоши Багам.
Канарам, Турции, Гавайям
Словес выводят вензеля.
Но, как ни глянь, а всё ж чужая
Для нас, для русских, та земля.

К чему выпестывать идеи,
Что отчий край – «дырой дыра»,
Что не ромашки – орхидеи
Достойны кисти и пера?
Что где-то там заря лучистей
И синеглазей небосвод,
А здесь, чем дальше вглубь, тем мглистей
России облик предстаёт...

Я не оракул, не оратор
И на трибуну я не рвусь,
Но так скажу: «На Эмираты
Вовек не променяю Русь.
И, вопреки восторгов всхлипам,
Одно я знаю наперёд:
Не с орхидеи – с русской липы
Извека самый ценный мёд!»

РОДИНА

И убогой, и уродиною
Обзывали, кляли Родину.
Обзывали и куражились,
Душу рвали до прорех –
Да с азартом, да с усердием!
Ты ж, родная, с милосердием,

Незлобивая до святости,
Им прощала этот грех.

Сколько ж ты познала, Родина! –
Чёрной злобы непогодины,
Ядовитой лжи разводины
Да иудство лжедрузей.
Но, и злобою распятая,
Всё же свет очей не прятала,
Не сдавала веру с правдою
Экспонатами в музей.

Из родной землицы-полюшка
Прорастает твоя долюшка,
Обретает силы волюшка,
Словно вешняя гроза.
Распрячься над прахом горестей!
Да святится имя гордое –
Твоё имя, моя Родина,
Несравненная краса!

* * *

Увы, с годами всё трудней
Сорваться враз и – прочь, в бега
От цепких будничных корней
В восторг дорог, в поля, луга,
В озёр задумчивый покой,
Где неуместны гам и прыть,
Где сознаёшь: другой такой
Минуты может и не быть.
Так тянет к речке, что журчит
В пушистых косах сонных ив.
Там ворон хрипло не кричит
И безмятежности – разлив.
А рядом – сочный травостой,
Пьянящий крепче всяких браг,
И лес нетронуто-густой,
И в земляничнике овраг...
Туда, туда! – забыв дела,
Чтоб не угас души огонь.
Ах, как заботливо-тепла
Земли шершавая ладонь!
Там взгляду вольно и легко
И так же вольно дышит грудь,
И счастье так недалеко –
Вот только руку протянуть.

Александра КАЛЬНИЦКАЯ
Заведующая литературной частью
Тамбовского молодёжного театра

«Лезен-пьеса» в Тамбовском молодёжном театре

В 2020 году в Тамбовском молодёжном театре (ТМТ) создана творческая студия «Лезен-пьеса» (пьеса для чтения) в целях продвижения произведений тамбовских авторов в активный репертуар ТМТ методами открытого обсуждения литературных материалов, участия в конкурсах драматургических жанров, апробаций в малой зрительской аудитории и публикаций в периодической печати.

Студия имеет статус постоянно действующей общественной структуры.

Участниками студии могут быть авторы, проживающие как в Тамбове и Тамбовской области, так и в других регионах.

Так театр формирует открытый список возможных драматургов и их произведений, осваивает новые формы работы с художественно одарённой молодёжью, привлекает общественное внимание к развитию региональной драматургии и её популяризации как в театрах Тамбовской области, так и других регионов, формирует творческий потенциал для осуществления преемственности театральных традиций в драматургическом наследии Тамбовской области.

«Лезен-пьеса» – особый жанр драматургии, рассчитанный в силу определённых художественных особенностей для чтения перед зрителями. Читает сам автор или приглашённые актёры и чтецы. Презентация творческой студии с одноимённым названием состоялась 15 ноября 2020 года в день открытия Международного фестиваля молодёжных театральных коллективов «Виват, Театр!». Значение этого события состоит в том, что в перспективе возрождается направление литературно-творческой деятельности в регионе, работающее для театра. Во второй половине XX века пьесы тамбовских авторов успешно шли на сценах не только тамбовских театров, но и других городов. Предстоит открыть новые имена драматургов, произведения которых достойны сценической реализации сегодня.

В сезоне 2020–2021 годов в чтении своих пьес принимали участие известные тамбовские литераторы, журналисты и представители других профессий: Олег Алёшин («Улыбка Реймса»), Олег Алёшин, Семён Золотухин в соавторстве («Вкус черешни»), Пётр Алёшкин («Время великой скорби», читал назначенный чтец), Сергей Доровских («Мальчик и Шкай»),

Николай Наседкин («Город Баранов»), Елена Луканкина («Всё из ничего»), Александр Попов («Кремовое платье с красными пуговицами»), Юрий Самородов («Здравствуй, суббота»). Все пьесы, представленные авторами для чтения и конкурса, отвечали достойному художественному уровню и прошли с прямой трансляцией на сайте Тамбовского молодёжного театра, что расширило число зрителей, судя по количеству просмотров, почти до семи тысяч. Их тематика затрагивает историю края, проблемы детства, взаимопонимание людей и их одиночество, постижение самих себя, духовные поиски современного человека и многое другое.

Для анализа и оценки пьес был создан экспертный совет, который возглавил лауреат Российской Национальной театральной премии «Золотая маска», заведующий кафедрой сценических искусств ТГУ имени Г. Р. Державина Сергей Чеботарёв.

Организовать работу студии помогли спонсоры: Союз театральных деятелей России, Тамбовское общество любителей краеведения (ТОЛК), Тамбовское областное общество коллекционеров, Союз художников России, художники Ольга Краскова, Нина Рябинская, магазин-салон «Ив Роше». Благодарим всех за бескорыстную помощь!

Все авторы награждены дипломами участника, а победители конкурса номинаций – специальными дипломами:

- Попов Александр Альбертович – «Лучшая детская пьеса»;
- Доровских Сергей Владимирович – «Лучшая пьеса с краеведческой тематикой»;
- Алёшин Олег Валентинович – «Преимущество и развитие художественных традиций в современной драматургии».

По итогам работы студии «Лезен-пьеса» в августе 2021 г. вышел из печати сборник «Страницы нашей жизни. Современная тамбовская драматургия». Издательский проект инициировал Тамбовский молодёжный театр. Автор проекта – художественный руководитель театра В. В. Фёдоров, координатор – директор театра В. А. Беляев, редактор-составитель – А. М. Кальницкая. Важные составляющие книги, помимо пьес, – вступительная статья и приложение «Тамбовские драматурги XX века», выполненные членом Союза писателей России, руководителем регионального литературного творческого объединения «Тропинка», заслуженным работником культуры В. Т. Дорожкиной.

Книга передана всем театрам Тамбовской области, библиотекам, учёным-краеведам и искусствоведам.

Аннотация на неё прикреплена к статье «Литературная жизнь» в электронной версии «Тамбовской энциклопедии» (<https://tambweb.ru>, рубрика «Литература»).

Кроме того, книга включена в список литературы изучаемой дисциплины «Литературная регионолистика» специальности «Русская филология».

Добавим, что 26 ноября 2021 года в Тамбовском молодёжном театре состоялась презентация издания, на которой присутствовали работники культуры и образования, члены Союза писателей России, учёные-филологи, краеведы, учащиеся и студенты образовательных учреждений, представители СМИ и, конечно, авторы пьес.

Студия «Лезен-пьеса» продолжает свою работу и в новом театральном сезоне. Ждём заявок от авторов!

Валерий СКОБА
Казак, путешественник,
краевед, глава большой семьи

«МЫ ПОНЯЛИ, ЧТО НАШЕ БУДУЩЕЕ – НЕ В ГОРОДЕ»

Валерий Скоба: «Нужно решиться, чтобы бросить столицу и жить на воле»

Имя Валерия Скобы хорошо известно среди любителей краеведения, народных традиций и старины, а также музыки, литературы, искусства. Наслышанные о радушии, гостеприимстве, к нему в село Серповое Моршанского района съезжаются гости не только из нашей области, но и со всей страны.

В этом году Валерий отметил юбилей, однако из прожитых пятидесяти лет только неполные четырнадцать связаны с нашей тамбовской глубинкой, а до этого он был столичным жителем. Что же подвигло его так резко разорвать привычный круг, отказаться от московской суеты, и не жалеет ли он об этом?

ШАГ В СТАРИНУ

Чтобы попасть в село Серповое из областного центра, нужно проехать старинный город Моршанск и двинуться в рязанском направлении. Свернув с дороги на Шацк по ука-

зателю, уже через пару-тройку километров откроется вид на самое величественное здание в Серповом – Храм Воскресения Словущего, внешне напоминающий огромный красный корабль. Об этом прекрасном образце зодчества стоит говорить отдельно, и можно проделать долгий путь и посетить село только ради того, чтобы увидеть святыню. Но мы движемся дальше, доезжаем до моста через речку Серп, которая и даёт название селу. Отсюда, если смотреть направо, виден дом. Размерами он, конечно же, несопоставим с главной достопримечательностью этих мест, но тоже виден издали. Живёт в нём большая трудовая казачья семья, о которой мы и расскажем сегодня.

«Большая трудовая семья, да ещё на селе!» – скажет удивлённый читатель. Ведь это стало в наши дни такой редкостью!

Свернув с главной дороги в сторону дома, действительно будто погружаешься из нашего времени в век девятнадцатый. Вот – длинный забор, который в народе называют поскотиной, гуляет красавица-лошадь, к ней льнёт

пугливый, робкий ещё совсем жеребёнок, боится нас – незнакомых людей. Чисто, аккуратно, и даже воздух здесь какой-то особенный, будто тоже старинный, наполненный санным и навозным духом.

Нас встречают трое ребят – зовут их Олег, Константин и Радомир. Имена приводим по старшинству, у каждого из братьев, сообразно возрасту, и свои обязанности в большом хозяйстве – пасти животных, заготавливать сено и в целом помогать отцу и матери. Самый младший, Радя, становится нашим проводником, вернее даже сказать – экскурсоводом. Обойдя довольно приличную территорию, мы выходим к дому, где нас встречает хозяин.

С Валерием Скобой мы знакомы уже несколько лет – нас объединила работа в общественной организации «Тамбовское общество любителей краеведения», которое под руководством известного историка и мецената Михаила Семёнова многое делает сегодня для сохранения нашей старины и пропаганды бережного, сыновьего отношения к прошлому родной земли. От «современных» форм интервью по телефону или интернету Валерий наотрез отказался и пригласил приехать, чтобы нам всё увидеть своими глазами. И поговорить – за чашкой ароматного чая из моршанского разнотравья, да за духмяным домашним хлебом и пирогами.

ИЗ СЛАВНОГО КАЗАЧЬЕГО РОДА

Валерий Скоба о своём уютном сельском гнёздышке, о буднях и праздниках пишет в социальных сетях в группе «Казачий курень», где выкладывает и много фотографий. На всех праздниках и он с супругой Натальей, и сыновья – в традиционной одежде сечевых казаков. И это – вовсе не дань моде, ведь сегодня многие любят наряжаться и «поиграть» в казачью вольницу. Нет – Валерий всё же настоящий,

корневой казак, и на просьбу поведать о себе погружает в долгий интересный рассказ о предках.

– Родился я в древнем городе Остроге, что на Западной Украине, в средние века он был пятым по величине в Европе, – начинает он. – Основал его князь Константин Острожский, который также был одним из основоположников Запорожской Сечи. Острог уже при его внуке, которого также звали Константин, стал крупным наукоградом. Мой далёкий предок Иов Княгиницкий был близким другом князя, послом и преподавал в академии.

В Острог, как рассказывает собеседник, съезжались поэты, скульпторы, они развивали и облагораживали город.

– В один день князь узнал, что во Львове появился человек, который создал оттисковую печать, и поручил моему далёкому предку найти его. Он и привёз его в Острог, и по чертежам в одной из резиденций князя построили типографию, в которой напечатали первые азбуку и букварь.

В то время все тексты переписывались от руки иноками, но появление печати вовсе не обрадовало монашествующих, возникла конкуренция, а вместе с ней – споры, распри и даже гонения.

– Вынужден был мой предок покинуть мирскую жизнь, и уехал на Афон, прожив там пять лет монахом, – рассказывает далее Вале-

рий. – Затем вернулся в родные края, за это время умер Константин Острожский и город унаследовал его брат Александр, женатый на дочери польского короля – яррой католичке. Иов Княгиницкий отправился в Прикарпатье и недалеко от села Манява поселился отшельником. К нему потянулись другие, монахи стали лечить и обучать грамоте. Так и возник знаменитый сегодня Манявский скит. При Иове там работали детские художественная школа и хоровая капелла. Мой предок похоронен в этом почитаемом месте.

Сыновья Иова после того, как тот удалился от мирских дел, ушли в Запорожскую Сечь и стали казаками. Один погиб в битве за Смоленск, другой же прославился как знатный кузнец: мог гнуть подковы руками. В кузнечном деле незаменима крепёжная деталь – скоба, отсюда и возникло прозвище, ставшее затем и фамилией.

– Мой прадед участвовал в Брусиловском прорыве, за что получил Георгия второй степени. Дед в 16 лет, как тогда часто бывало, немного «подправил» себе документы, добавив возраста, чтобы попасть на фронт. Был контужен, но снова вернулся в строй, – рассказывает собеседник. – Освобождал Варшаву, брал Берлин, участвовал в Параде Победы в Москве. И отец мой – потомственный офицер, один из ведущих сапёров России, прошёл Африку, Азию... Всегда был занят, мы редко его видели, а после выхода в отставку работал в учебном центре МВД – готовил спецгруппы для «горячих точек». Вся жизнь его была как бы натянута меж двух проводков, и постоянного напряжения он не выдержал, ушёл от нас в 51 год.

Позже хозяин проводит нас в свой кабинет и покажет: на стене рядом с ножнами, трубками, элементами конской упряжи и другими атрибутами казацкого быта смотрят с фамильных портретов предки рода Скобы. Для Валерия род – не просто слово, а корневая основа жизни, и это понимание он каждый день передаёт детям, прививает знания, как на молодые деревца.

СУДЬБА – В ДОМЕ НАПРОТИВ

Когда Валерий родился, отца направили служить в Таманскую дивизию, и так он попал в Подмосковье. Затем ещё не раз приходилось уезжать и возвращаться.

– В четырнадцать лет я начал жить взрослой жизнью, ходить в походы, изучать прошлое, проникаться красотами родной природы, – вспоминает он. – Окончил политехнический техникум в Брянске и работал по специальности инженером по технике безопасности.

Потом наступил развал страны, и уже приходилось выживать, а значит – работать где придётся, лишь бы платили.

– Нашёл старенький автомобиль – «газончик», стал на рынок продукты возить, снял квартиру, и так получилось, что в доме напротив жила моя судьба – будущая супруга Наталья. В то непростое время мы познакомились, и всё, что было до неё и затем – это для меня теперь как два несвязанных эпизода. Могу сказать, что жить я начал по-настоящему только после того, как создал семью. И даже эта идея покинуть Москву, начать новую жизнь, в деревне тоже родилась в семье и шла от Натальи.

ДУМАЛ – ВЗВОЕТ? НЕ ВЗВЫВАЛА!

В разговор вступает супруга Наталья. Она коренная москвичка, но в глубине души всегда хотела вырваться, жить независимо от «бетонной клетки», на природе. И это стрем-

ление к свободе до определённого момента зрело, ждало своего часа, и когда прорвалось наружу – его было уже не остановить. Причём решительно всё изменить стремилась именно Наталья, в то время как Валерий ещё долго сомневался, не зная, сумеет ли найти себя в деревне.

– Сюда, в Моршанский район, мы приехали не сразу, – рассказывает хозяйка. – Сначала на даче в Подмосковье завели коз, цесарок, поросят. Валера тогда присматривался ко мне так, и оценивал, наверное, когда же мне весь этот «животноводческий рай» надоест и я взвою от него, откажусь. А этого не происходило...

– Понимая, что супруга настроена серьёзно, я стал внимательно, детально изучать, искать место, куда переехать, – подхватывает рассказ Валерий. – Сначала объехал всё Подмосковье, потом уже всю округу – Калужскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую области... Ничто не подходило. Нам хотелось найти тихое место, чтобы было раздолье, а для этого купить, объединив, сразу два участка, и на берегу речки. И, конечно, чтобы люди хорошие жили по соседству. Ведь на самом деле это не так просто – взять да и въехать на жительство в незнакомое село, мол, здравствуйте, любите нас! Есть немало мест, где приедем очень даже не рады.

«А ТАМ ТАКИЕ ЗАКАТЫ!»

Но судьба, как это часто бывает, распорядилась по-своему и на этот раз, всё решив за Валерия и Наташу.

– Я тогда работал прорабом в частном строительстве, и мне нужно было найти маляров. Вот, помню, кто-то и порекомендовал двух женщин, одна из них имела дом в Серповом. Вот она и говорит мне: «Всё, поеду на выходные домой, а там так соловьи поют, а воздух, а речка!» Вот я и уцепился за её слова и быстро поменял планы. Тогда я собирался рассмотреть для переезда места верхнего Подонья – Данков, Лебедянь, но, побывав в Серповом, сделал выбор уже окончательный.

– А какие названия здесь – Раёво, Благодатка! – добавляет Наталья. – Помню, как читала их на карте и так хотелось проехать, посмотреть! В итоге и правда проехали, посмотрели, что ещё интересного есть в Моршанском районе... но – только через восемь лет жизни в Серповом, когда уже как следует обустроились.

СВОБОДА ОТ ДЕНЕГ

Итак, переехала семья на Тамбовщину в 2008 году, продав дачу в Подмосковье. Дороги к дому, описанной в самом начале, тогда ещё не было – это Валерий её построил. Как

и сам дом. Но поначалу здесь рос сплошной бурьян. Чтобы избавиться от высокой травы, в первые годы водили овец.

– Кроме меня, баранину в семье никто не любит, сейчас этих животных у нас нет, – говорит хозяин. – Но барашки справились с задачей, сорняки вокруг хорошо подъев. Затем я начал строиться, купил спецтехнику – а такой здесь в округе ни у кого не было! Вот и пошли ко мне люди с

просьбами – кому что-то построить, подвезти и так далее, и стал я нужен здесь буквально нарасхват. Так что с работой проблем нет, у меня она на месяцы вперёд расписана.

Пока мы беседуем, в дом приходят односельчане и Валерий отвлекается на разговор, а Наталья выносит гостям молоко от своей коровы. Так у них и выстроены отношения с людьми – тёплые, доверительные, и в их основе – простые человеческие отношения.

– Мне всегда хотелось свободы от денег, точнее, от отношений с людьми, построенных только на них, – рассказывает Валерий. – У нас не только коровы, но и домашняя птица, свиньи, в целом стараемся обеспечить сами себя всем необходимым к столу.

Наталья добавляет к этому горькую правду, которая известна всем, – продукты из супермаркетов, «раздутая» курица с птицеферм здоровья не приносят.

– Это тоже стало причиной нашего переезда – хотели иметь всё своё, – говорит она. – Также мы отказались от многих так называемых «благ», например, от микроволновки на кухне, телевизора.

– Телевизор был – плазма, но его случайно разбили дети деревянным тренировочным мечом, – добавляет Валерий. – Новый мы решили не покупать, и правильно сделали. Нет этой страшной «мусорки», которая только засоряет мозг. И никаких видеоигр для детей – зачем, когда есть речка, воздух, подвижные развлечения, которых на селе хоть отбавляй! Летом – рыбалка, зимой – сани. Кстати, о телефонах – я на всё лето перехожу на обычный, «кнопочный», чтобы не отвлекаться. По себе заметил, как быстро может формироваться зависимость от интернета – так и тянет посмотреть, что там прислали, кто написал, и в итоге получаешь массу информации, которая тебе и вовсе не нужна. Вот если компьютер файлами перегрузить, он же начинает «тормозить». То же самое и с нашим мозгом. Вот и люди стали сейчас – идут по улице, дорогу переходят, а машину не видят! Или в телефон смотрят, или витают где-то – рассеянные, близорукие.

В МОСКВУ – КАК НА КАТОРГУ

Валерий и Наталья с детьми не только реализовали мечту, но и обрели на тамбовской земле родной дом. Летом хозяйство, конечно же, не отпускает от себя, а вот зимой появляется чуть больше времени, и семья любит выезжать на культурные мероприятия – посещает встречи с писателями в библиотеках, бардовские концерты, выставки картин.

– Впрочем, в тёплое время года наша культурная жизнь тоже не останавливается! – смеётся Наташа. – Потому что барды, писатели, художники постоянно приезжают к нам в Серповое! Также Валерий особое внимание уделяет работе с сельскими детьми, даже клуб создал – «Моршанские пилигримы», чтобы передать ребятам все свои знания о природе. У нас постоянно проходят здесь встречи – люди приезжают с детьми, традиционные народные праздники все отмечаем – много всего.

А вот в Москву, признаётся Наталья, её и вовсе не тянет.

– Мы же в раю живём, а это понимаешь особенно, когда хоть ненадолго покидаешь эти места. Для меня ехать в Подмоскovie, где я родилась и жила, – это каторга. Я себя неделю настраиваю, – говорит она. – Приехала как-то на встречу выпускников. Вроде бы всё знакомо, но этот бетон, стены, заводы, ритм бешеный: нет, думаю, не хочу, и не жалею, что всё бросила! Вернулась в Серповое – а здесь старичок идёт, тепло так поздоровается, дети, смеясь, пробегут, и на душе сразу радостно!

Наступает время вечерней дойки, пора загонять лошадей в стойло, да и мало ли других важных дел по хозяйству! Каждый берётся за своё, а мы тихо, стараясь не мешать, наблюдаем трудовую жизнь большой дружной семьи со стороны, делаем несколько фотографий. А затем уже – банька, запах берёзовых веников, снова духмяный чай и хороший сон. До первых петухов – чтобы подняться и поехать на красавицу Цну, которая в этих краях особенно чиста, широка и полноводна, на рыбалку. Но, впрочем, это уже совсем другая история...

Светлана ДОРОВСКИХ, координатор проекта «Живое слово» АНО «Литературный Тамбов»:

«Всё чаще и чаще хочется вырваться на волю и найти хотя бы один, а лучше два выходных денька и отправиться с семьёй пусть в маленькое, но очень доброе путешествие в удивительное место, где нет лишней суеты, а лишь покой и умиротворение. И в майские выходные мы наконец-то добрались в такое место – гостевой дом «Казачий курень» в селе Серповое. Наша семья великолепно отдохнула, за что мы благодарны радушным хозяевам – Валерию и Наталье Скобе и их сыновьям! Здесь каждый нашёл свою отдушину: вдоволь нагулялись по берегу реки Серп, близлежа-

щим полям и лесам, муж исследовал новые места для рыбалки, а сын нашёл здесь друзей, с которыми в играх провёл почти весь день. Валерий и Наталья познакомили нас со своим хозяйством: здесь полноценный «контактный зоопарк» с домашними животными, где мы смогли их и погладить, и покормить. За чаем вели добрую беседу с хозяевами на темы истории, краеведения, культуры, и, конечно же, в библиотеку «Казачьего

куренья» Сергей Доровских подарил книги и альманах «Литературный Тамбов», что давно собирались сделать и ждали этой встречи с Валерием Скобой.

Для будущих посетителей «Казачьего куренья» отмечу, что гостевой дом просто уникален и там есть всё – аутентичный интерьер с мебелью и отделкой из натурального дерева, настоящая дровяная печь, на которой также можно и приготовить еду (газовая плита тоже имеется), прямо в гостевом доме баня, а также комфортные условия для проживания со всеми удобствами. Возвращались домой с отличным настроением, отдохнувшими и с чувством, что вернёмся сюда снова! Хозяевам гостевого дома «Казачий курень» огромное спасибо за гостеприимство и до новых встреч!»

Валерий АРШАНСКИЙ
Прозаик, журналист,
член Союза писателей России,
г. Мичуринск

ШАХМАТНАЯ СЮИТА

(рассказ)

В каком же это было году, дай бог памяти... Скорее всего, в 1981-м? Или в 1982-м? Но не позже. С первой своей повестушечкой «Дипломная практика» я отважился наконец постучаться в редакцию журнала «Подъём», долго перед тем потоптавшись у семиэтажного дома на главной в Воронеже улице – проспекте Революции, – где нижний этаж занимал просторный книжный магазин. В студенческие годы сколько раз приходилось шагать мимо этой серой цитадели, то поспешая на главпочтамт за родительским переводом, то отправляясь в университетскую библиотеку готовить очередной реферат по истмату или диамату, логике или философии; не знаю, как в двадцать первом веке, а в двадцатом зубрили мы такие предметы на журфаке ВГУ имени Ленинского комсомола всюю. Кстати, познавая немало ценного.

С объёмистым портфелем, куда вошли два пухлых экземпляра самолично отстуканной на печатной машинке «Эрика» многострадальной моей повести, две пузатые (по 0,75 каждая) бутылки коньяка (сведущие люди посоветовали взять армянский – уж заявляться, мол, в светское общество, так заявляться, это тебе не газовые трассы, о которых ты пишешь повести, работая прорабом на стройках пятилетки. В редакциях народ сплошь аристокра-

тический). Вдобавок к спиртному прилагался стандартный холостяцкий набор закуски: сыр, колбаса, два батона белого, яблоки...

* * *

Позвольте маленькое отступление о стройках пятилетки, над которыми со злорадной ухмылкой сегодня стебаются столичные и провинциальные публицисты, мало задумываясь о том, что как раз благодаря огромным газопроводам «Сияние Севера», Средняя Азия – Центр (шесть «ниток»!), Саратов – Москва и другим в домах, где они живут, и в служебных кабинетах, где они ваяют свои нетленки, тепло, светло, чисто даже в морозные январь и февраль только потому, что ещё полвека назад проложены были в их города и райцентры стальные газовые и нефтяные магистрали. Проложены точно в срок, без срывов, в полном соответствии с графиками советских пятилеток. Между прочим, возглавлял отрасль Алексей Кириллович Кортуннов, в войну – командир стрелкового полка, с которым он прошёл от Москвы до Тюрингии, получив на фронтах звание Героя, четыре ордена Ленина (тут я не совсем точен, может, один орден добавлен в мирное время), два – Красного Знамени, Суворова 3-й степени и Александра Невского. Как

геройски воевал полководец, так и работал, добрых тридцать лет командуя главками и в целом Миннефтегазстроем.

И ещё о персонах былых времён. Как раз в тот сказочный февральский день, когда любимый мой заснеженный Воронеж являл собой единое перкалевое покрывало, а на ветвях деревьев вдоль всего проспекта Революции многозвучно пел хрустальный стеклярус сосулек, я получил в книжном издательстве (тогда располагавшемся не на улице Лизюкова, а по проезду Коммунаров) три авторских экземпляра коллективного сборника очерков «Герои пятилетки», где был напечатан и мой опус об одном железнодорожнике всего лишь с заочным техникумовским образованием.

Вот вкратце сюжет. Лучшие умы локомотивного депо, отделения и даже управления Юго-Восточной железной дороги бились над решением упёртой задачи: как заменить изношенные рельсы кран-балки, с помощью которой в огромном цехе переставляют, передвигают, поднимают и опускают тяжеленные колёсные пары, непосильные для рук человека узлы и детали весом под центнер и более. «Умы» сходились к одному: разобрать перекрытие из железобетонных плит, снять фонарь (стеклобетонный потолок цеха, пропускающий дневное освещение), срезать и удалить через монтажный подъём 24 метра старогонных рельсов, прежде высвободив грузоподъёмник. Да, неминуема техническая остановка цеха недели на две – при круглосуточной авральной работе, – будем осматривать локомотивы на улице. Холодно, люто холодно, мы понимаем, а что делать?

– Не спешите вы, ради бога, с выводами, дайте денёк помарковать-покумекать, – вызвался мастер Авдеев, о таланте которого говорили полсотни патентов на изобретения и свидетельств на рацпредложения. И в ближайшую субботу, когда в депо относительно тихо и спокойно, он весь день ходил по цеху, то шагами, то рулеткой вымеривая длину и ширину пролётов, что-то помечая карандашиком в своей рабочей книжке, задумываясь и вновь приступая к обмерам.

А в понедельник выложил на стол начальника депо четыре бумажных «кораблика» – чётко проигранный им вначале в уме, а затем в расчётах, чертежах и «наглядной агитации» процесс реконструкции цеха.

– Ничего ломать мы не будем, – расставлял фигурную комбинацию Авдеев. – Смотрите: незачем втаскивать рельсы целиком, разделим весь путь на четыре части, по длине шестиметровых пролётов, и сварим всё «в нитку» – уже на консолях. Сварщики-паспортисты готовы, я с ними говорил, у матросов нет вопросов!

«Умы» почесали чубы и крепкие инженерные затылки, признавая правоту мастера. Начальник депо кинулся диктовать приказ о премировании своего «Кулибина» двумя должностными окладами. А Виктор Николаевич бегал по депо, как боцман по палубе, отдавая команды и расставляя «матросов» по местам точно так, как того требовала вся предстоящая процедура демонтажа старой и монтажа новой помощницы рабочих рук – кран-балки.

* * *

Ознакомленный с этой историей месяц назад по телефону, заведующий отделом поэзии, очерка и публицистики журнала Станислав Николаевич Никулин по-землячески отругал меня: «Дал бы сперва этот очерк нам, а уж потом в издательство, знаешь ведь о праве первой ночи?»

Ни фига я не знал. Но ухватился за приглашение Стаса заглянуть «на огонёк», когда буду в Воронеже. А что от тамбовских границ до воронежских? Всего ничего, три часа сорок минут езды на электричке.

И вот наступил, гой-еси, памятный февраль, самый, пожалуй, колоритный месяц зимы, о котором лучше Юлии Друниной не скажешь:

*Ночью было за двадцать,
А к полудню сугробы осели.
Я люблю этот месяц –
Полузимний и полувесенный...*

И вот он, «Воронеж – ворон, нож!» (цитирую по отбывавшему здесь ссылку из Москвы Осипу Мандельштаму), вот проспект Революции (бывшая улица Большая Дворянская), вот парадный подъезд цитадели и вот он, журнальный «чердак», где квартируют его небожители: сверкающий очками Стас – высокий, широкоплечий, грудь плотно облегает свитер с вышитыми оленями, и так располагают к себе его приветливая улыбка, добрые карие очи, глядя на которые хочется обнять земляка и запеть «Чёрные брови, карие очи, чорни, як ничка, ясни, як день...». Вот будущий главный редактор журнала, а пока – недавно назначенный заведовать отделом прозы выпускник Литературного института, любимый ученик главного редактора «Нового мира» Сергея Павловича Залыгина Иван Иванович Евсеенко, задумчиво потирающий русую бородку, искоса – оценивающе – поглядывая голубыми глазами на пришельца из соседней Тамбовщины. Это потом уже, потом, плотнее познакомившись и подружившись, мы выяснили, что юность наша прошла в параллельных украинских областях – у него на Черниговщине, в селе Займище тогда Щорсовского (позднее переименованного бандеровской властью в дореволюционный Сновский) района. Не пришлось, знать, по душе Кравчукам, Ющенкам, Порошенкам, Януковичам, Зеленским лихая песня украинца Иосифа Кобзона «Кто против контры шёл, наступая, в кожанке Щорса, в бурке Чапая»...

Мои детство и юность протекали хотя и в областном, но донельзя затхлом провинциальном городе Сумы, куда московская мода доходила лишь через десятилетия, а центром мироздания считалась бывшая столица Украины – город Харьков.

К сожалению, не назову знаменитых литературных питомцев областного «миста» Сумы, а вот из черниговских сельских земляков Евсеенко – пожалуйста: поэт Павло Тычина, прозаик Анатолий Рыбаков, чьи романы «Кортик», «Бронзовая птица», «Тяжёлый песок», «Дети Арбата» были на устах у миллионов... И ничуть не подкачал, не подвёл «свий

ридний край» прочно обрусевший Иван Иванович Евсеенко, литературный Учитель, о котором непозволительно упоминать походя, а только стоя. И перед памятью о нём, перед его именем благоговею, как и многие другие его ученики.

*Уйдут от нас учителя,
И станем мы учителями,
И всё, на чём стоит земля,
Вдруг станет нашими плечами...*

* * *

– Господа, прошу к столу, кушать подано! – малость осмелев, вскричал я голосом балаганного Петрушки.

– Любо! – неподражаемым казацким говорком оценил накрытый стол Сан Саныч Голубев, поэт, смуглый красавец, уроженец тихого Дона.

– «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!» – тут же подхватил его «Любо», как припев, рассказчик, повествователь и романист Валера Баранов, чей сын Родион, как мы с ним случайно выяснили, – полный ровесник моему младшему Ромке. Значит, доблестным отцам уже есть о чём поговорить.

– Правку закончу – подойду, – благословил нас к трапезе занятый сдачей номера в печать Стас.

– Вначале – дело, дорогие соотечественники, а квас потом, – отозвался в унисон с этим и заваленный рукописями Иван Иванович.

Добрый час или два мы так и просидели втроём, не молчали, конечно, где это видано, чтобы верноподданные слова молчали? Но находились в затаённом ожидании схождения богов на землю. И они сошли. Один за другим.

– Как вам такие перлы? – держа в руке лист рукописи, продекламировал Стас:

*Ах, в складках платья горит листва,
Ах, под стопую дышит трава...*

– Погорелица? – сочувственно кивнул Голубев.

– Пожарная? – попытался угадать Баранов.

– Нет, нет и нет, – покачал головой Никулин. – Это лауреат зонального конкурса «Далеко от Москвы».

– Хорошо, что далеко, а то как бы столица пожар пережила? – посыпались шутки прибаутки.

Вскоре и неприступный главред, Виктор Михайлович Попов, минуту назад елейным голосом (иначе нельзя!) упрашивавший по телефону строгого дядьку – цензора – разрешить напечатать анонс следующего номера на обложке номера выходящего, а вместе с ним и постоянно следующий тенью за Главным ответственным секретарь Женья присоединились к застолью, согласно подняв первым тостом бокалы (стаканы) за героев пятилеток.

* * *

Никто никуда не спешил, никто никого не торопил, а кому было нужно – тот отходил и возвращался. Я молчал, рот не открывал, впервые в жизни находясь за одним столом с настоящими писателями и наслаждаясь их разговорами обо всём – о литературе, политике, воронежском обкоме, их уморительными байками о причудливых авторах, забрасывающих редакцию стихотворной макулатурой и килограммовой прозой.

А когда наша дружеская встреча достигла апогея и остро замаячил вопрос о пополнении «горючки», я подхватился, как самый молодой, и уже подвязывал шарф, припоминая, где ближайший гастроном, как был остановлен Стасом.

– Слушай... – доверительно, вполголоса (как-никак, земляки, поскольку друг мой – поэт – уроженец районного центра Жердевки, бывшей тамбовской Чибизовки, стоящей на реке Савале), – слушай, звонил сейчас Дед, он должен прийти через полчаса, тут от его улицы Чайковского к нам недалеко. Я тебя вот что попрошу: мне позарез нужно «сигнал» вычитывать, а он предложит в шахматы пого-

нять... Сыграй ты с ним, а в гастроном твой тёзка – Валера – сходит.

– Не вопрос. Но кто такой Дед? – поднял я на Станислава Николаевича (себя-то мы знаем!) затуманенные «Аралом» глаза.

«Хм! Тогда ты кто?» – читалось в недоумённом взоре жердевца (а тамбовчане, они все такие – прямые, резкие, бескомпромиссные, настоящие правдорубы, что думают, то и говорят).

– Дед – это Троепольский! Гавриил! Николаевич! Читал, надеюсь, его «Белый Бим Чёрное Ухо»?

Я так и присел. Ничего себе пельмени! Гавриил? Николаевич? Троепольский? «Бим»? Конечно, читал. И фильм с Вячеславом Тихоновым в главной роли Ивана Ивановича Иванова видел. И много был наслышан о Троепольском от его родного племянника Валентина Малахова, с кем чаще частого мы встречаемся то на городских улицах нашего Мичуринска, то на посиделках в гостеприимной редакции городской газеты, доброжелательно приветчающей всех пишущих.

И я сейчас увижу живого классика? О боже, просто фантастический выдался этот февральский день!

– Только учти, – всё так же таинственно, словно при передаче пароля, шептал Стас, – Дед очень не любит проигрывать, а ты, я знаю, в шахматах мастак. Так что – кочумай (по-русски – «соображай»). – **В. А.**), как себя вести.

Шум, женский смех, звучное челомканье дорогого гостя с кем-то невидимым – может быть, с бухгалтершей или корректоршей, а может быть, и с Виктором Михайловичем (старые друзья!) – и вот явление Христа народу. На Троепольском модный белый полушубок, подпоясанный широким ремнём, на голове высокая каракулевая шапка, на ногах – белые деревенские валенки, усы-усищи заиндевели на морозе, остро топорщатся косматые брови, в снегу шапка, рукавицы, от мороза побелевшим выглядит даже увесистый бадик...

– Здорово, други мои! Бражничаем?

– Да нет, Гавриил Николаевич, это мы так, мичуринца вот с первой публикацией поздравляем.

Кого-то приобняв, кому-то пожав руку, автор «Белого Бима...», строго глядя прожигаящими и за стёклами «учительских» очков глазами, приблизился ко мне.

– Добрый день, Гавриил Николаевич! – как можно почтительней изогнув спину, пожал я протянутую мне навстречу крепкую, по-рабочему жилистую... нет, не по-рабочему – по-крестьянски жилистую руку (в прошлом ведь знаменитый писатель, сценарист и драматург, лауреат Государственной премии СССР был известный агроном, испытатель аграрных новинок, «родивший» восемь сортов овса, один из которых поныне районирован, то есть прижился на полях Центрального Черноземья).

От искушения понравиться знаменитому человеку как было удержаться? И я соврал, не задумываясь: «Привет вам передавал Валентин Георгиевич, друг мой, ваш племянник».

– Да? Мерси, – вскинул строгие брови Дед. – Я, правда, с час назад разговаривал с ним по телефону...

Голубев то ли чихнул, то ли крикнул. Зашаркал побыстрее стульями, высвобождая место дорогому гостю, Валера Баранов. И, разряжая ситуацию, элегантный Виктор Михайлович Попов, вежливо подхватив Гавриила Николаевича под локоток, заворковал с ним о засилье цензуры, наглости почты, ястребином опекунстве над журналом мракобесов из обкома партии.

Гавриилу Николаевичу ли этих обкомовских лихоимцев было не знать, когда после публикации в московском «Новом мире» его потрясающе колкого, кое-кого до печёнок достававшего как бы экологического (а на самом деле публицистически-обличительного) очерка «О травах, почвах и прочем» освобождённому с прежнего места работы автору пришлось добрые полгода заниматься лишь починкой своего старенького «Москвича». Так отомстили еретику, покусившемуся на святое, утверждая, что хозяин земли, полей и рек – народ, а не КПСС, обкомовские инквизиторы, цепко державшие в своих руках не только огромное строение в центре Воронежа, на площади Ле-

нина, хорошо просматривающееся за величественным памятником Ленину, а и всю дважды удостоенную ордена Ленина героическую Воронежскую область.

Но оставим публицистику, друзья, хотя... «Как на свете без неё прожить?»

* * *

Умело, по-мужицки, по-охотницки (всё в нём было к месту!) опрокинув стопку, отставив увесистый бадик подальше от предложенного кресла (единственного в нешикарных апартаментах редакции, занимаемого увесистой бухгалтершей), Гавриил Николаевич повернул ко мне улыбочное, размягчённое лицо.

– Ну-с, милый человек, позвольте спросить теперь вас, как Ленин спрашивал ходяков: как дела в Тамбовской губернии?

– Отлично, Гавриил Николаевич. Только очень многие вот с такими же бадиками по миру ходят.

– «Бадик»? Хм. Это у вас Мичурин на памятнике держит «бадик». На Украине посох зовётся «батог», а если хлыст в руках пастуха – «батожок». У нас, в воронежских деревнях, где довелось мне агрономом поработать, до сих пор присловье гуляет: «Зашёл в хату, посох – в дверной кут», то есть «поставь клюку в уголок».

Избегая привлечения к себе усиленного внимания, Гавриил Николаевич пересел в конец стола, о чём-то тихо переговариваясь с Евсеенко. А я, прислушиваясь, уловил, что хвалит Дед последний номер журнала, отмечая стихи Стаса («Хорошо у него легла строка про донские перекаты»), прозу Василия Белокрылова («Дельные советы дал ему Константин Симонов»), что-то покритиковал из разряда публицистики: «Смелее надо, мужики, смелее! Вот почему вы депутатов на свои страницы не приглашаете? Народ их избрал, а чем они и у нас, в Воронеже, и в столице занимаются, наши избранные дорогие?»

Мне читатели, знаешь, Иван Иванович, какие чудесные письма присылают? Зачита-

ешься! Вся боль, вся радость, вся жизнь страны в этих строках, чудо-письма! Сегодня с утра семерым адресатам ответы писал».

Евсеенко, человек всеми фибрами души преданный журналу, тут же ухватился: «Гавриил Николаевич, а давайте мы ваши письма, как сочтёте нужным – целиком или с выдержками, – у нас опубликуем?»

Троепольский, с полминуты подумав, согласно кивнул. И столующиеся немедленно расценили его скупую мимику как призыв щедро наполнить бокалы подоспевшей брагой и выпить их разом...

* * *

Я упивался разговором мэтров, когда речь зашла о любимом моём Пастернаке... Стоп! Значит, точно встреча в «Подъёме» была 10 февраля! В день рождения Бориса Леонидовича, «сотворившего» в середине прошлого века большой шухер, страшный переполох не столько в завистливой писательской среде, сколько в злорадном сословии «белых воротничков», опубликовав на «проклятом» Западе свой роман о докторе Живаго и получив за него – нет, не получив, получить-то удалось гораздо позже, – а узнав о присуждении ему высшей на Земном шаре Нобелевской премии. Лауреатом прекрасный поэт, отец которого был выдающимся художником, а мама – музыкантом, стал в 1958 году «за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и в области великой русской прозы». Сжатая формулировка, где, на минуточку, непосредственно о романе «Доктор Живаго», который вечерами и ночами читали зашторенным слушателям СССР открытые дикторы «Голоса Америки», не сказано ни слова...

Но сколько же мучений принял несчастный автор со своей и так изломанной судьбой. Сколько газетных псов и лаек (далеко не чета благородному сеттеру Биму) обрушились на человека, по-сыновнему любящего мучкапские поля и ржаксинские нивы, сибирские леса и московские бульвары – всё, что зовётся Россией.

Но если не довели идеологические володавы прекрасного поэта до самоубийства, то укоротили ему век, добиваясь истязующих оправданий, объяснений, извинений, нелепого отречения от мировой награды, хотя благородные шведские наследники великого Нобеля не пустили причитающуюся русскому писателю премию (денежную её составляющую) на распил, сохранили до кроны и вручили, пусть годы спутя.

И обо всём этом Пастернак рассказывал немецкой делегации литераторов, которую в качестве переводчика сопровождал к нему на дачу в Переделкино племянник Гавриила Николаевича, Валентин Георгиевич Малахов, выпускник знаменитого московского иняза, толмач высшего разряда, который и думал на немецком языке, а не только читал с листа.

Но как же полыхали глаза «подъёмовцев», знающих толк в литературе...

– Что «Живаго»? «Живаго»... Да «Хождение по мукам» Алексея Толстого в сто раз острее и социально сильнее, а ему Нобелевку не дали. Почему?

– Потому! А стихи в «Живаго», посвящённые Ларе? Это же Ольге Ивинской, своей святой музе, Пастернак сделал посвящение. Не стихи, а божественная стеклянная терраса.

– Уж конечно! Но ведь налицо, согласись, слабость сюжета, неясность многих картин, затянутость повествования... А этот назидательный тон, морализаторство, занудство? Я понимаю, кумиром Пастернака всегда был Лев Николаевич. Ну зачем уж так-то калькировать Толстого?

Сшибке мнений, казалось, не будет конца. Помалкивающий, но чутко слушающий спор собратьев Гавриил Николаевич, испросив разрешения коллег, чиркнул спичкой, закурил, протянув и мне пачку сигарет: «Угощайтесь».

После пары затяжек спросил: «А Сергей как?» Я понял, речь идёт ещё об одном племянше Троепольского, родном брате Валентина Малахова радиожурналисте Сергее, недавно перебравшемся из-за Полярного круга в Тамбов и успешно работающем на областном радио со своим на редкость красивым, заду-

шевным баритоном (сколько радости доставлял его тёплый голос кочующим по морям-океанам морякам Севера, ждущим весточек от родных и друзей, прильнув к корабельным радиоприёмникам...).

– Да всё нормально, Гавриил Николаевич. Успешно трудится Сергей. Вещает...

– ...И пьёт? – не дожидаясь моего ответа, с грустью примял недокуренную сигарету Троепольский.

Вздыхнул. Осмотрел окрестности. И, выбрав Стаса, кивнул: «Как, друг мой, сыграем?»

Никулин приложил руки к груди:

– Гавриил Николаевич, я бы с дорогой душой, но... – он с опаской кивнул на непоколебимую лысину главного редактора, – типография ждёт досыл, шеф весь на взводе, задержу – убьёт...

– ...Или ранит, – договорил Гавриил Николаевич.

– Вот именно! А вы сыграйте-ка с Валерой, он посильнее будет, хватит уж вам меня мутузить.

И мы расставили на картонной доске деревянные (любимые мной, в отличие от бездушных пластмассовых) – каждый свои – фигуры.

* * *

Опытные шахматисты знают: достаточно в партии с незнакомым партнёром первых пяти-шести ходов, чтобы понять силу соперника и что он собой на чёрно-белом пространстве 64 клеточек представляет.

Обращаясь к событиям бог знает какой давности, я наверняка мог что-то забыть, что-то перевернуть, что-то спутать – немудрено, – и приношу свои извинения. А вот то, что мой глубокоуважаемый партнёр ещё в дебюте не по делу погнался в центр ферзя, а потом, без нужды, теряя темпы развития, зачем-то выставил оборонительными редутами фланговые пешки, помню точно. Как мне было продолжать борьбу, находясь с уважаемым человеком в разных весовых категориях, помня наказ Станислава: лучший исход – ничья?

И я давил в себе азарт охотника, прощая белым проигрыш ими ладьи с потерей качества, уклонялся от соблазна поставить вилку и выиграть целого ферзя, опрометчиво поставленного под бой, наконец, наивно уклонялся от построения неизбежной матовой сети белым... И великий Дед эти экивоки почувял, дал понять, что он ими недоволен, передёргивая плечами и угрюмо пошмыгивая носом. Я постарался опередить упрёки хозяина Бима:

– Ничья, Гавриил Николаевич?

– Нет уж, играйте, как положено. С вашей-то армадой пешек какая тут ничья? Не надо мне никаких уступок, извольте без цирлих-манирлих.

* * *

Уроки Троепольского я не просто запомнил, я рассказываю их на встречах с читателями, рассказываю своим детям и внукам. Пусть учатся на примерах великих. Сегодня – дети, завтра – народ.

* * *

Мой рассказ был бы, пожалуй, неполным, не закольцуй я его тем, с чего начал. То есть вновь обращением к простому рабочему человеку – Авдееву. Не в силах доверить начатое дело кому бы то ни было, он все те авральные две недели оставался в депо, закончив дневную смену, ещё на часок, ещё на часок, потом ещё на полчаса, убегая от трезвонящего телефона с настойчивым вопросом жены: «Витя, ну ты скоро? Третий раз борщ разогреваю!»

Он спрыгнул с дежурной деповской машины «Нива» у самого дома. В чернильной августовской темноте помахал хохочущему водителю, с которым всю дорогу травил анекдоты. И не увидел, не учуял мой герой, как кто-то невидимый напал на него зверски, подло, со спины, нанося ножом удар за ударом.

Убийцу к утру нашли. Оказался из своих, железняков, только бывших: спившийся и искурившийся наркоша, давно изгнанный из

депо, но чётко помнящий, кому, в какой день и какие дают аванс, перерасчёт, премию... Пожизненный срок тогда не был узаконен, суд отнесил выродку максимум – четвертак.

И я порой думаю: если тот урод освобожден и ещё жив, с каким чувством смотрит он себе в глаза, бреясь перед зеркалом? Или избегает даже собственного взгляда?

* * *

Ту самую первую и, конечно же, слабую повесть мою «Подъём» не напечатал. Дважды Иван Иванович возвращал мне «Практику» на переделку, одобряя сюжет, где герой вынужденно занимается не своим делом, отмечая некоторые языковые удачи, но в целом считал творение рыхловатым, недоношенным.

– Знаете, Валерий, я уж, не доверяя своему вкусу, дал почитать вашу вещь ещё двум членам редколлегии – к сожалению, наши мнения совпали. Вы не торопитесь, отложите повесть, ещё хорошенько всё обдумайте, перепишите эти и эти главы...

Я хорошенько – без малейшей обиды и недовольства – всё обдумал, всё взвесил и решил больше не пытаться искать удачи в журнале. Сочинил новую повесть – «Последняя трасса», и сложилась маленькая книжца, которая – спасибо талантливому художнику! – с символической первой ласточкой на обложке увидела свет в воронежском Центрально-Чернозёмном книжном издательстве.

* * *

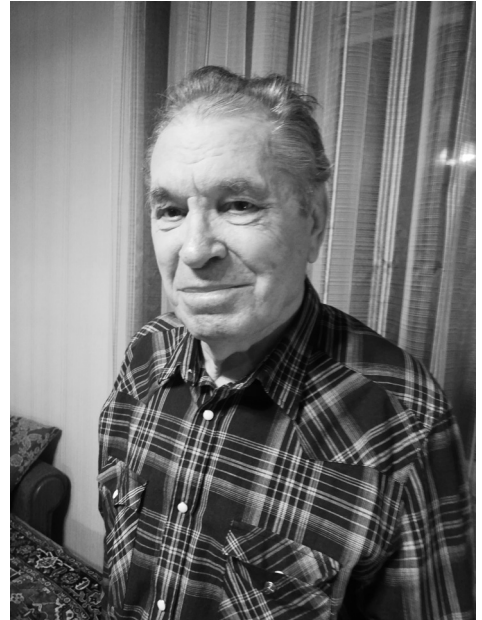
Всё? Ещё нет. Были у меня, конечно, новые – тёплые, неизменно добрые и радуш-

ные – встречи в «Подъёме». И был в том же году напечатанный в журнале очерк «Пойдёт Наталья рощей белою...» о героине пятилетки, лучшей доярке Тамбовской области Наталье Андреевне Шиповской, ставшей делегатом исключительно престижного, недостижимого, почётного в то время Всесоюзного партийного съезда, дважды депутатом Верховного Совета РСФСР. Этот очерк увидела Москва, и он был перепечатан «Известиями» в ежегодном альманахе «Шаги», где оказался в созвездии прекрасных писательских имён: Евгения Евтушенко, Фёдора Абрамова, Нодара Думбадзе... Тот случай, когда правда, реальность превосходит самые смелые мечты.

Из книжного издательства я летел на крыльях в «Подъём» разделить с друзьями радость дебюта: шутка ли, две повести под одной обложкой, 15-тысячный тираж, айэсбиэн (государственный книжный знак) на фронтисписе – всё по-взрослому! Заглянул по пути на первый этаж, в магазин, попросил недавно изданную книгу Ивана Евсеенко «Родительский дом». Нет, не одну – две. Две! Одну Иван Иванович подпишет мне, другую – красотке-продавщице из книжного отдела. «Как вас звать? Тома? Тома Дорохова?»

– Ой, правда? Я вам буду так благодарна! – обожгла меня нежной улыбкой и фиалковым взглядом девица-красавица Тома. – Я очень люблю книги Евсеенко, все прочитала – «Заря вечерняя», «Одноворец Калашников», «У самого синего моря».

Шёл я по нескончаемой лестнице в журнал «Подъём» и думал: вот бы дожить до такой всенародной любви! Но как же ты крут, подъём по такой лестнице...

Алексей ЕВДОКИМОВ
Краевед, общественник, автор нескольких
книг, уроженец Уваровского района

ХРАМ В ОЛЬШАНКЕ

Как не гордиться! Моё родное Уварово знают в дальних землях и восторгаются талантливым созданием живших людей на моей земле. Архитектор и ценитель прекрасного прошлого И. Ю. Позднякова, проживающая в Вене, Австрии, пишет с восторженным изумлением и умилением о Старой Ольшанке и её культурной жемчужине – церкви Вознесения Христова! Газеты «Тамбовская жизнь», «Уваровская жизнь», некоторые писатели, поэты писали об этом храме.

На мой взгляд, архитектор Позднякова освещает важную историческую проблему значительно полнее, уделяя большое внимание проектировщикам храма, создателям его не только как объекта культа, но и важного исторического памятника войны 1812 года.

Церковь была возведена по заказу Веры Николаевны Воейковой, дочери известного русского архитектора, поэта и музыканта Н. А. Львова. У Вериньки, так её ласково звали родственники, родители умерли рано, и она воспитывалась в семье известного поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина. Получила прекрасное семейное образование, владела несколькими иностранными языками. Накануне войны 1812 года в

доме дяди Державина она познакомилась с полковником Генерального штаба российской армии Алексеем Васильевичем Воейковым. В 1813 году венчались в Петербурге.

С окончанием войны генерал-майор, герою Отечественной войны Воейков заканчивает военную службу, и они в 1816 году переезжают из Петербурга в имение Ольшанка (Богородицкое), купленное на имя Веры Николаевны. Супруги прожили здесь девять лет, воспитали детей Марию, Леонида и Алексея.

Храм проектировался друзьями семьи Воейковых, учителями их детей академиком, профессором Академии художеств Константином Антоновичем Молдавским и профессором архитектуры Романом Ивановичем Кузьминым. Это были талантливые, известные специалисты в проектировании храмов. Ими были спроектированы и возведены многие известные строения в Санкт-Петербурге, Париже и других городах. Живописец и график К. А. Молдавский известен как автор росписей Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, владел навыками проектирования. Р. И. Кузьмин – автор проекта Павловского собора в Гатчине, собора Св. Александра Невского в Париже, греческой церкви Дмитрия Салунско-

го в Санкт-Петербурге (к сожалению, храм не сохранился).

Результатом совместного творчества двух крупных столичных академиков стал необычайный и во многом уникальный, как считают современные специалисты, проект усадебной церкви во имя Воскресения Христова. Не многие сохранившиеся усадебные храмы не только Тамбовщины, но и России, были спроектированы творческим содружеством столь высоких талантов.

Посвящение церкви воскресению Христа определило и архитектурное решение проекта. Он напоминает планировочную структуру главного храма христианского мира – иерусалимскую ротонду Воскресения, воздвигнутую над Гробом Господним. Работа над Воскресенской церковью в усадьбе Воейковых, как считают специалисты, стала своеобразной творческой лабораторией для Р. Н. Кузьмина при проектировании мирового шедевра христианского мира – собора Александра Невского в Париже.

Сведущие в архитектуре люди рассмотрели и символику в проекте храма в Ольшанке: двенадцатигранный световой барабан, прорезанный шестью арочными окнами, обозначают двенадцать апостолов. Но в случае с храмом – памятником героям Отечественной войны в Ольшанке – это, возможно, и знаменательный год в российской истории – 1812.

Основным источником света в центральной части храма были проёмы в стенах барабана, закрытые рамами с решётками. Оригинально был спроектирован пол в храме. В центральной части он на 16 сантиметров ниже уровня входа. Уклон от стен галереи к центру давал возможность беспрепятственного обзора со всех удалённых мест церкви. Пол был выполнен из наборного соснового паркета, состоял из двухаршинных квадратных щитов. В Ольшанке, как и в усадебном храме Львовых в Никольском – Черенчицах в Тверской губернии, находились фамильные усыпальницы. Склепы были поставлены в обходной галерее у внешних стен.

В центральной части цокольного этажа размещалась редкая система отопления. Она позволяла поднимать горячий воздух вверх по керамическим трубам – воздуховодам, встроеным в несущие стены.

Особый восторг у прихожан церкви Воскресения в Ольшанке вызывала роспись храма. Она была выполнена выдающимися мастерами.

Мария Алексеевна, дочь генерала, в 1843 году вышла замуж за историка и археолога, секретаря «Русской миссии» в Афинах Дмитрия Васильевича Поленова. Её сын Василий Дмитриевич Поленов (1844–1927) – знаменитый художник-пейзажист, профессор Петербургской академии художеств. Он часто гостил в имении Воейковых. Делал зарисовки, потом они послужили ему при написании будущих прекрасных картин.

Он принимал участие, давал советы по росписи церкви. Они были прекрасны и представляли собой большую художественную ценность. Они никого не оставляли равнодушным...

Невозможно не сказать хотя бы несколько слов о хозяйке имения Вере Николаевне Воейковой.

По воспоминаниям близких (в частности, библиографа Н. П. Хрущёва), Вера Николаевна была деятельным и разносторонне одарённым человеком, хорошей и требовательной хозяйкой. Она умела держать бразды правления в своих руках.

Многое, чем она жила и что импонировало её романтической юной душе в семье Львовых в имении Никольском, перенесла и усовершенствовала с особым изяществом и заботой в Ольшанке. Не была праздным человеком, любила трудиться, была богомольна.

Она организовала и содержала больницу и школу, что тогда не в каждом имении было.

В её доме была богатая библиотека. Особой её гордостью был заложенный и любовно выращиваемый парк. Здесь были высажены саженцы, выращиваемые в усадьбе Львовых. Ещё и до наших дней сохранилась

поросль тех редких, нигде в округе не встречаемых красивых деревьев.

Она заложила прекрасный цветник, проявляла о нём постоянную заботу. Цветник, оранжерея, парк были предметом её гордости. Много удивительного было в её имении: водяная мельница и пруд, овчарня с удивительной породой овец, конный двор. Её внучка Елена Дмитриевна – художник, человек одарённый, в доме и панно создала. Вообще это была творческая, деятельная семья. Явно не чета дядюшке из «Евгения Онегина» Пушкина – «...сидел да мух давил». В семье все трудились, все, потом и подросшие сыновья, были чем-то полезным, творческим увлечены...

Сам Алексей Васильевич собрал богатую библиотеку, коллекцию картин и гравюр, «баловался» стихами, писал поэмы. На бричке любил объезжать окрестности. Кто знает, возможно, бывал и в Уварове, оно к тому времени было уже известным селом...

И сыновья Воейковых Алексей и Леонид были творческими людьми. Они оставили о себе светлую и дорогую память. К примеру, Пушкинская научная библиотека, Тамбовский краеведческий музей хранят редкие исторические, краеведческие книги,

картины, гравюры. Собрание Л. А. Воейкова является одним из самых значительных составляющих музейных и библиотечных фондов. Всего 357 единиц хранения раритетов XVIII–XIX веков. Деятельность краеведа, хранителя, собирателя исторических, культурных ценностей России и теперь является примером сложной и важной государственной работой. Чрезвычайно богата его коллекция гравированных портретов. А собрание гравированных портретов Екатерины II не имеет равных.

В декабре 1886 года издан был первый том подробного словаря русских гравюр Ровинского и Воейкова. Он и сейчас бесценен для специалистов.

Умер Леонид Алексеевич 10 декабря 1886 года (по ст. стилю), похоронен на территории Тамбовского Казанского мужского монастыря. Могила не сохранилась.

Воейковы оставили нам большое, бесценное культурное наследие, но воспользовались мы им крайне плохо и очень медленно меняем своё отношение к наследию к лучшему...

Уже на седьмом десятке жизни Вера Николаевна без энтузиазма встретила «раскрипт» об отмене крепостного права. Началась «русская удалая вольница». Началась анархия, всё дозволено, тащи, воруи, грабь... В архиве Тамбовской области довелось видеть прошение помещицы Воейковой о вызове воинской команды для наведения порядка. Приезжали казаки, порядок плётками навели...

А Вера Николаевна после этого выделила «освобождённым» крестьянам землю в чистом поле и отселила туда свободолюбивых. Так образовалась Новая Ольшанка...

В преклонном возрасте Воейкова Вера Николаевна и мемуары написала – «Воспоминания». Книгу в 1903 году опубликовали её потомки. Мне не удалось её найти. Но судя по отзывам и изложению книги Хрущёвым Николаем Петровичем (он составлял опись книг библиотеки Воейковых, хранится та опись в Тамбовской областной библиотеке им. А. С. Пушкина), Вера Николаевна откровенно и беспристрастно описывает сво-

их родственников, знакомых, друзей, время, что делает ей честь. К слову сказать, спустя многие десятилетия мой дядя Михаил Васильевич несколько лет председательствовал в колхозе «Красное знамя», образованном в Старой Ольшанке. Не знаю, как уж он там руководил...

Помню, как бабушка моя, глядя на возвышающуюся церковь за лесом и рекой Вороной, с каким-то душевным подъёмом говорила: «На Авейковом (так в простонародье трансформировали фамилию Воейковых) рай земной! Невиданная красота!»

Конечно, от бывшего имения процветающего мало что осталось. Разрушенная церковь да запущенный парк. Но появилось самое главное – желание у людей восстановить бывшее. Пусть пока таких людей не очень много. Но всё начинается с малого. С самых активных и увлечённых. Многим из нас стыдно и горько за порушенное. Неужели в классовой борьбе нельзя было избежать рушить храмы, жечь иконы и книги?..

Начали это благородное дело восстановления бывшего супруги Васильевы. Им немало уже удалось сделать. Они нашли людей, увлекли их идеей. В оживающем храме началось бо-

гослужение, сюда пошли люди. Это уже очень важно.

Возрождением Ольшанки постоянно занимается глава администрации Уваровского района Александр Николаевич Бочаров. Здесь открыли музей, он постепенно наполняется экспонатами. Проводятся различные культурные мероприятия. Студенты Уваровского химического колледжа работают на благоустройстве парка. О бывшем имении в Ольшанке стала чаще писать пресса, это важно. Бог даст, сюда ещё заглянет высокое областное, и не только областное, начальство, да и поддержит доброе начинание активных людей.

Часто думаю, может быть, нам, прежде чем ехать в Лувр парижский и там восхищаться шедеврами, неплохо было бы и свои познать. Открыть хранилища, где многие годы лежат сокровища рода Воейковых.

В октябре 2021 года пришло обнадеживающее известие – храм-памятник в Старой Ольшанке передаётся из ведения Нижнешибрийского сельсовета Уваровской епархии. Надеюсь, что появятся инициативные люди, убедят ценителей старины и «общим миром» приступим к благому делу восстановления храма!

Сергей ПЕРШИН

Писатель, краевед, педагог,
с. Троицкая Дубрава (Тамбовский район)

Отец (рассказ)

Солнце то спрячется за лёгкое апрельское облако, то, оставив его, несёт тепло на истосковавшуюся землю. Семидесятые годы. Начало второй половины дня. По улице села, прижимаясь к домам и редким в то время палисадникам, уступив на время царствующей воде проезжую часть, идёт человек.

Мы привыкли к тому, что происходит каждый или почти каждый день. Встречающиеся с ним люди, здороваясь проходят мимо, не оборачиваются и не глядят с любопытством ему вслед.

Для них это естественно: в определённые часы на улице села видеть проходящего с работы и на работу учителя математики, моего отца, так же, как приходящему и уходящему солнцу, они не смотрят вслед – зачем смотреть и угадывать то, что и так ясно.

Уже далеко не первый апрель поглядывает на него сверху, встречая и провожая на работу и обратно. А был и особенный, первый, в том далёком 1944-м, когда он впервые, возвратившись по ранению с фронта в родное село к жене и двум малолетним детям, вышел первого числа на работу в школу. С тех пор пронеслось более двух десятков лет, и он уже не

двадцатипятилетний, а пятидесятипятилетний мужчина, у которого не двое, а десять разновозрастных детей.

В приятное ощущение весеннего тепла изредка врывается от непрогретой земли ветер, будоража газету с завернутыми в неё учебниками и тетрадами, постоянно сопутствующими этому человеку в то время. Ветер взъерошивает, тербит чёрные, тронутые седной волосы, охлаждает нагретый солнцем высокий красивый лоб, ласкает умные серые глаза.

Нет, он не был красивым, таким, какие бросаются в глаза при встречах: да, высокий лоб, выразительные глаза, но вместе с ними пухлые губы, узкий в переносице, раскрылённый вниз нос. Юношеская шея ступенями уходила вначале в одно, затем в другое плечо, но этот дефект не бросался в глаза и в полной мере был известен только ему одному, да ещё был отмечен на призывной комиссии в военкомате. Средний рост, широкие плечи, крепкая худощавая, подобранная фигура. Но как хорошее вино с годами становится лучше, так и отец – паутина старости не портила, а подчёркивала его красоту.

Война, сорок третий год, весна. К одному из домов прифронтового села подошли два солдата. Постучавший в дверь был лет двадцати пяти, с немного скуластым лицом, далеко не классической внешностью. Другой же, стоящий рядом, восемнадцатилетний, милый, был из тех, на которых задерживают взгляд. У вышедшей на стук пожилой хозяйки попросили поесть.

– Ничего нет, – был ответ.

И уже спустившись с порога, услышали:

– Молоденький, постой, сейчас тебе что-нибудь найду.

Выйдя на дорогу, милый протянул одну из картофелин угловатому, у которого всё как-то сжалось внутри.

Учительский институт, конец тридцатых годов. Около стенда с отличниками физико-математического факультета остановились две студентки, разглядывая лица хорошистов. Проходивший мимо студент Першин услышал, что разговор шёл о нём, запечатлённом на фотографии.

– А этот так себе, но глаза умные и красивые волосы.

Услышанные фразы настроили парня на размышления о себе...

С годами болезненное отношение к своей внешности не так остро. Начинаешь ценить то, что за ней, а не то, что в ней, хотя и продолжаешь встречать людей по одежке.

Рождённый на этой улице, он свой для живущих на ней и соседних, одни и те же корни вынесли их на землю, наделив неповторимостью. Старшие братья и сёстры с интересом смотрели на младшего, непохож он был на них и окружающих своим стремлением к знаниям. Его уход на учёбу в город был в порядке вещей. Не думал он, не предполагали другие, что в ближайшем будущем ворвавшаяся война перемешает все порядки и планы.

Деревенский воздух со свойственными ему запахами, особенно весной, тербит, расшевеливает крестьянскую душу, заставляет зудеть руки, напрягать мозг, настраивает на сезонные работы. Но не те руки и не те мозги были у отца. Пусть он вырос, как и все, у сохи,

его мозги и руки предназначались для другой работы, и учительская лишь частично оправдывала их предназначение. Нет, ему не чужд был этот весенний воздух, лес, река, люди. Ему дано было говорить людям, утонувшим в каждодневных заботах, о прекрасном, которое с нами и вокруг нас.

Природа, освободившись от снега, оживала, и пусть ещё не было видно на деревьях листвы, а воздух не был насыщен ароматом цветущих растений, весна чувствовалась каждой живой клеточкой. Солнечный свет, достигнув земли, не исчезал, отражаясь в уличных лужах, в море человеческих глаз, он проникал в темнеющую почву, в сероватые стволы деревьев, медленно возвращаясь зеленью трав и листьев.

В веренице крестьянских изб находился и его дом, на улице, вытянутой параллельно реке Цне. Каждому мил свой уголок, тот, где родился и возматерел, и глупо доказывать кому-то, что твоя родина краше всех. В красоту местности вплетаются прожитые дни, люди, события. Всё это через годы рождает воспоминания, и чем дальше уходишь в жизнь, тем явственнее, трепетнее виден родительский дом с прилепленным к нему двором, огородом с широкой тропинкой, отделяющей соседскую территорию, ведущую к лугу. Передняя часть, называемая поляной, летом встречает нас разномастными деревенскими телятами, глуповато посматривающими на идущих к реке. Берега реки, как и улицы, имели свои названия: Терёшкин Брод, Орешкин, Грушкино, озеро и т. д. Пойменный луг разделён рекой на две части: переднюю и потустороннюю, менее хоженную нами, со своими старичными озёрами, теклинами, помогающую весенней Цне обуздывать полую воду. Далее находился большой лес. Малый, который называли «посадки», появился рядом с селом в послевоенное время на прилегающем к нему песчаном поле.

В детстве казавшиеся таинственными луга за рекой, уже давно нами промеренные, превратились в жемчужины, ясные и лучезарные, и к ним мы спешим прикоснуться, будь это наяву или в воспоминаниях, так же, как и

ко всему, что связано с нашим детством, прошедшим на берегах Цны.

А жизнь проходит, и вырастает молодая поросль, сменяющая нас.

Остановившись на секунду, поправляя учебники и тетради, завернутые в газету, плотнее прижав их рукой к себе, отец посмотрел на окна стоящего рядом дома, в котором жил его друг детства, юношества, а теперь товарищ по работе, учитель физкультуры Иван Илларионович, и подумал: «Да, коллега, мы с тобой не такими были двадцать лет назад. Конечно, не такими», – повторил он. Работа в школе и ещё мероприятия, которые нужно проводить с населением, пронеслись перед глазами, как один день. Учителей школ пятнадцать лет назад обязывала власть проводить мероприятия с политической направленностью. Вспоминался недавний разговор с ним о детях:

– Ты знаешь, Ларионыч, какая была смертность среди детей сразу после войны? Заболел у меня восьмимесячный мальчишка, и нужен был пенициллин, это сейчас его полно, а тогда не было. Парень был крепкий, а тут простыл. Медсестра говорит, нужно лекарство, а его нет. Глядя на убитую горем жену и больного ребёнка, в надежде им как-то помочь, пошёл я в ночь в соседние сёла. Холод был, мороз с ветром. В Черняном не было, оттуда – в Горелое, там нашлось. Сорок вёрст отмахал, пришёл под утро... Не потребовалось, опоздал.

– А я, Пётр Игнатьевич, успел. Точно так же, как и ты, чтобы спасти старшего, и в Черняном, и в Горелом побывал, а оттуда в Перкино прошёл. Успел, помогло.

– Да, молодыми были.

Теперь же работа превращалась в обязательку. Всё чаще и чаще на вопрос: «Не уйти ли?» – он слышал ответ от жены: «А как ты детей будешь доводить, подумал об этом?» Думал, последние из детей учились ещё в школе, да и старшим нужна была родительская помощь. Как уйти от действительности? От неё не уйдёшь, а вот отойти можно, что отец и делал год от года по возрастающей, устраи-

вая праздник душе. Разжижал скомковавшуюся усталость горючим местного производства. Специалистов по изготовлению одного хватало на родной улице в лице богомольных старушек и бойких разбитных бабёнок.

Бывало, в дни получек, а иногда и в будни, охватывало волнение, рассыпавшееся по телу ознобом, оно не уходило, а, собравшись в единый поток, двигалось через голову к сердцу, ища в нём поддержку и понимание, и находило. Взяв управление телом в руки, ноги сворачивали с проторенной дорожки к дому, толкнув их к другому, где хранилось успокоительное средство, парализующее голову, дающее свободу всему тому, что называем душой. А душа, вытолкнутая на улицу алкоголем, беззащитна и гола, а если и прикрыта, то неестественными нарядами, увеличивающимися с каждой новой рюмкой. И вот тогда-то каждый встречный-поперечный видел его за версту, встречал и провожал долгим любопытствующим взглядом. Людские слабости сопутствуют каждому, и чем сильнее человек, тем явственнее высвечиваются они в часы душевной непогоды.

Около дома к палисаднику одним краем прижималась огромная лужа, которая весной достигала океанических размеров. И лишь в знойные и сухие месяцы лета можно было видеть то, что выбрасывалось в неё хозяевами прилегающих изб, а также живущими рядом мальчишками, с удовольствием швырявшими в неё пустые бутылки и кирпичи. Теперь же всё это покоилось на дне, вдавливалось проезжающими машинами и втапывалось прогоняемым по селу утром и вечером стадом дворовых коров и овец.

Жизнь – это океан, и в нём, многоликом, плывут одни в виде лодки, другие в облике корабля, у следующих вид вроде навоза, и все они, сосуществуя, создают единое целое – человечество.

Приходилось слышать: «Прожил не свою жизнь». А где она – своя?

Внешняя, видимая жизнь отца похожа на жизнь учителей его поколения, работавших в школах. Семья, школа, хозяйство, оза-

боченность хлебом насущным. А внутренняя жизнь, как и апрели, промелькнувшие мимо него, неповторима своим разворотом вод, большая часть которых не выплеснулась наружу, оставшись с ним. Много собралось в отце: от чувства поэзии и живописи, даром наделённого им природой, до умения выразить, преподнести их окружающим. Он умел сказать главное там, где другие ничего не могли говорить, теряясь в сложившейся обстановке, будь это школьное мероприятие или траурная процессия. Понимая мать, отец осознанно отдавал ей бразды правления в доме, где она была сильнее. Семья была её стихией, ему этого было мало, но содержание этого «мало» отнимало у него много времени. Мы ли создаём судьбу или она господствует над нами – не знаю, но итог – те, какие мы есть, или те, что были...

Видеть легко, понять сложнее, подогнать под своё мировоззрение проще, а если сможешь помочь – это святость. Помогал ли отец нам? Да, и словом, и делом. Порой говорят:

«Вот был у меня отец...» А у нас был и есть, он и сейчас советует, оберегая нас свыше...

Освещённый солнцем дом стоит на взгорке, спереди подпоясанный палисадником с клёнами и акациями, посаженными отцом и матерью, модными растениями в послевоенное время. В это место, обжитое нашими предками, отцу (ему казалось, уезжает навсегда) всегда приходилось возвращаться. Уезжая работать в Пичаевский район с молодой женой, он и не предполагал, что в начале войны обратно перевезёт сложившуюся семью и в срок четвёртом с фронта вернётся по ранению домой.

Дом, в который он не торопился с районных учительских конференций, задерживаясь у родных и знакомых, всегда ждал его. Здесь он сделал первые шаги, и здесь же ему пришлось пройти последние.

Дом – это уголок, где он родился и умер. Как сейчас слышу стук притоптывающего отца, стряхивающего в сених остатки грязи с ботинок, и вижу раскрывающуюся дверь...

Сергей КОЧУКОВ

Прозаик, краевед,
член Союза писателей России,
с. Лысье Горы (Тамбовский район)

Его звали Шлихтер

Есть в северной части Тамбова улица, носящая имя Шлихтера, и одноименная остановка общественного транспорта с таким названием тоже есть, однако далеко не все жители областного центра знают, в честь кого она названа, кем был человек, носящий эту фамилию, как сложилась его судьба и судьба его потомков. Постараемся в нашем небольшом исследовании восполнить этот пробел, тем более, семейству Шлихтеров довелось жить в переломные, порой трагичные периоды нашей отечественной и региональной истории. Судьбы их изобилуют историями удивительными, повороты их часто весьма неожиданны, а роль в тех или иных исторических событиях далеко неоднозначна.

Это касается прежде всего главного героя нашего повествования – Александра Григорьевича Шлихтера, который 100 лет назад возглавлял Тамбовский губернский исполком, в честь которого, собственно, и названа улица в Тамбове. Сегодняшние оценки его личного участия в делах губернии того периода часто носят полярный характер, изобилуют крайностями. Без претензий на истину в последней инстанции постараемся всё-таки разобраться, кем был А. Г. Шлихтер, какова роль его потомков в истории Отечества.

Родом Александр Григорьевич из вюртембергских немцев, дед его эмигрировал из Германии в Россию в 1818 г., и только отец в 1882 г. принял российское подданство. (Было время, когда Россия была настолько привлекательна для иностранцев, что миграция сюда из Италии, Голландии, Германии и др., начиная с петровских времён и до середины XIX века, носила едва ли не массовый характер). Он родился в 1868 г. в г. Лубны Полтавской губернии, отец был столяром, мать – из семьи разорившихся мелкопоместных польских дворян. Молодой Александр учился в гимназии, но бросил учёбу. После сдачи гимназического курса экстерном учился в Харьковском университете, откуда был изгнан за активное участие в студенческих волнениях. Позднее учился в Швейцарии в Бернском университете, который, по некоторым данным, тоже не окончил.

С 1891 г. Александр Шлихтер – активный участник революционного движения, делегат V съезда РСДРП в Лондоне в 1907 г., где однозначно принимает позицию Ленина, работает в революционных организациях Москвы, Санкт-Петербурга, в Финляндии, в период революции 1905 г. возглавлял стачечное движение в Киеве, неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Он становится ближайшим

соратником Ленина, их связывают отношения личной дружбы. Именно в доме Шлихтеров в Выборге скрывались от охраны Владимир Ильич и Надежда Константиновна в 1906 г.

В начале 1901 г. во время ссылки в г. Сольвычегорск Вологодской губернии заболел туберкулёзом лёгких и департамент полиции разрешил ему выехать в Самарскую губернию для лечения кумысом на три месяца, срок затем был продлён до выздоровления. Сотрудничал в социал-демократической газете «Самарский Вестник». (Приходится удивляться гуманности тогдашних царских властей – своему злейшему политическому оппоненту, открыто призывающему к бунту, они позволяют поправить здоровье кумысом в регионе с более благоприятным климатом!)

Практически все дореволюционные годы свою подпольную революционную работу Александр Григорьевич совмещал с исследовательской и научной деятельностью. Будучи под надзором полиции, работал в статистическом бюро полтавского губернского земства, в ссылке в Самаре, опять же с разрешения Департамента полиции, получил место в земской статистике. В период ссылки в Сибирь он выезжает в этнографические экспедиции, подготовил и опубликовал работы: «Экономическое положение крестьян и "иностранцев" Туруханского края», «Кустарные промыслы Енисейской губ.», «К вопросу о ренте город-

ских земель», «Современная община и аграрный вопрос». Одна из его работ была отмечена даже премией Императорского географического общества.

Во время проживания в Швейцарии Александр Григорьевич встретился со своей будущей супругой – Евгенией Самойловной (дев. Лувищук), также участницей революционного движения, впоследствии возглавляла Музей революции УССР. В их семье было три сына – Сергей, 1894 г. р., Артемий, 1902 г. р., Борис, 1904 г. р. Февральскую революцию семья Шлихтеров встретила в период ссылки в Красноярск. Там же их дети учились в гимназии, а старший Сергей поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета (вновь о лояльности царских властей, позволявших детям политзаключённых получать достойное образование!).

Чтобы сохранить хронологию событий жизни Шлихтеров, расскажем о старшем из сыновей – Сергее Александровиче. Разделяя в целом левые взгляды отца и симпатизируя большевикам, Сергей с началом Первой мировой войны встал на патриотические позиции «оборонцев», посчитал своим первейшим долгом защиту родного Отечества – России. Вопреки воле отца он со второго курса университета сбежал на фронт и стал вольноопределяющимся санитарного отряда.

Воевал достойно, не ограничивался только перевязкой и эвакуацией раненых. В июле 1915 года в передовых окопах Сергей узнал, что неподалёку противник прорвал нашу

оборону, и смог предупредить об этом соседнюю роту. Именно благодаря его сообщению наши солдаты смогли избежать окружения и плена. Сам медбрат был ранен в ногу, однако, невзирая на это, он умудрился вынести из-под обстрела настигнутого пулей офицера — командира роты. За свой подвиг Сергей Шлихтер получил Георгиевский крест (случай среди фронтовых медиков в то время уникальный).

20 сентября 1915 г., узнав, что несколько десятков наших раненых остались на ничейной территории под обстрелом немцев, он вызвался вместе с двумя товарищами пойти парламентёром к врагу. Эта опасная задача была выполнена, и раненые были вывезены на санитарной летучке в тыл. А Шлихтера за проявленную инициативу и героизм представили к медали.

Весной 1916-го Сергей вступил в команду пеших разведчиков и вместе с ней участвовал летом в знаменитом Брусиловском прорыве. 20 июня во время одной из атак он принял на себя командование ротой, оставшейся без офицеров, и вполне успешно справлялся с командирскими обязанностями. Сохранилась копия донесения об этом последнем бое Сергея. «Командиру батальона 266 полка. Я, разведчик 266 полка, доношу, что взял около 100 пленных и неприятельский перевязочный пункт. Мы остановились на опушке леса. В следующей линии окопов нет ещё неприятеля, поторопитесь с подкреплением. С. Шлихтер». За этот подвиг последовало представление его ко второму Георгию, но получить награду Сергей не успел – рана в горло оказалась смертельной. Вот ещё один из парадоксов – отец всю жизнь боролся с царизмом, а сын поднимает бойцов в атаку со словами «За Веру, Царя и Отечество!»

Сергей Александрович Шлихтер был не только отважным воином, но и не лишён таланта прозаика, поэта, публициста. Прибыв после ранения в дом родителей, он привёз рукописи своих фронтовых записок, которые изданы в Красноярске в 1917 г. отдельной книгой «На пороге жизни» (из писем и дневников студента-санитара).

Сергей Шлихтер был похоронен в Москве на вновь открытом Братском кладбище (ныне район ст. метро «Сокол»), где с 1915 года хоронили погибших на фронте офицеров и сестёр милосердия. На его могиле был установлен обелиск, которому суждено было остаться после ликвидации кладбища в 1932 г. и множества последующих реконструкций парка единственным из уцелевшим обелисков того времени. Уже в постсоветское время, не без участия живущих ныне потомков А. Г. Шлихтера, прежний сквер советских времён преобразован в мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны. Могила С. А. Шлихтера состоит под охраной государства как памятник истории.

Вернувшись из ссылки в Петроград, Александр Григорьевич включился в революционную борьбу, а с победой Октябрьской революции вошёл в состав первого ленинского правительства молодой Советской республики – Совнаркома – в качестве наркома земледелия, затем наркома продовольствия. Однако через неполных четыре месяца смещён с этих постов и заменен Цюрупой. Позднее направлялся для организации хлебозаготовок в Вятскую, Пермскую, Уфимскую и Тульскую губернии, а также в Сибирь и на Украину. В мае 1920 г. назначен председателем Тамбовского губисполкома. По мнению отдельных биографов Шлихтера, обстоятельства, связанные с быстрым смещением его с высоких постов в Советской республике, связаны с его мягкотелостью, со стремлением вести продовольственную работу среди крестьян мирным

путём, а не репрессивными методами. Отчасти они, пожалуй, правы. Вместе с тем документы говорят несколько об ином. Вот, к примеру, выдержка из доклада А. Г. Шлихтера на губернском продовольственном совещании в Тамбове 8 августа 1920 г. (буквально за две недели до восстания): «...в своей практической работой губпродком внёс расстройство в ряды кулацких элементов тамбовской деревни... Считаю нужным отметить именно эту черту работы Тамбовского губпродкома – взять в кулак кулацкий элемент, который преобладает в Тамбовской губернии, сжать его в тиски до такой степени, чтобы кулак считался с велением губпродкомовских приказов, как с чем-то таким, что является неизбежным, непредотвратимым само по себе...». Примерно в таких же тонах выдержана и изданная в 1920 г. брошюра Шлихтера «Система продовольственных заготовок», в которой с претензией на некую научность, с опорой на опыт работы в других губерниях автор, тем не менее, оправдывает и обосновывает грабительский характер продразвёрстки. Не эта ли политика, проводимая в том числе и А. Г. Шлихтером, послужила первопричиной вспыхнувшего масштабного крестьянского восстания – «Антоновщины»?

Отдельные авторы ставят Шлихтера в ряд основных «подавителей» восстания тамбовских крестьян. Здесь позволим себе не согласиться с данной точкой зрения. В самом начале восстания, а точнее 31 августа 1920 г., когда толпы возмущённых, ещё малоорганизованных и плохо вооружённых крестьян двинулись к Тамбову, А. Г. Шлихтер возглавил карательный отряд из срочно мобилизованных партийцев и рабочих Тамбова и двинулся им навстречу. Однако «крестьянский сброд» не разбежался, а наголову разбил красный отряд, вынудил их командира бесславно вернуться в губернский центр. Других свидетельств личного участия Шлихтера в военных действиях против повстанцев либо подписания документов репрессивного характера не имеется. Лишь телеграммы в Москву и просьбы лично к Ленину с просьбами прислать дополнительные войска и оружие и горячие заверения, что

и с бандами Антонова покончат и продразвёрстку в полном объёме выполнят.

Следует также учесть, что 1 февраля 1921 г. (самый разгар восстания) Шлихтер А. Г. был отозван в Москву и отправлен на работу в торгпредстве в Финляндии, затем в Австрии. Последнее упоминание его фамилии в Сборнике документов «Антоновщина» вообще относится к 11 декабря 1920 г. Таким образом, наводнение губернии регулярными войсками, оккупация восставших уездов, пресловутые приказы №№ 130 и 171, угроза применения газов и, наконец, жесточайшие репрессии против повстанцев и всего населения зоны восстания осуществлялись уже без его участия.

Кто-то из видных деятелей белого движения, кажется, Е. Н. Трубецкой, оставил о нём в своих мемуарах примечательную запись. «Слава Богу, что среди большевиков так мало таких честных, порядочных и умных людей, как Шлихтер, – иначе они были бы непобедимы».

По прошествии столетия вряд ли удастся сегодня восстановить доподлинно, кем, а главное, каким был этот человек. Однако, по отдельным воспоминаниям знавших его людей, есть основания предположить, что Александр Григорьевич был убеждённым революционером, свято верившим в идеалы освобождения всех угнетённых, в безусловно светлое и счастливое будущее. Революция же принесла кровь, неисчислимые жертвы и страдания, хаос братоубийственной Гражданской войны. А потом наступили годы насильственной коллективизации и раскулачивания, годы политических репрессий. О таком ли светлом будущем мечтал неисправимый революционный романтик А. Г. Шлихтер? (Да только ли он один?)

Уместен вопрос, каким образом А. Г. Шлихтер и члены его семьи, соответственно, смогли избежать арестов в годы сталинских репрессий? Ведь в 30-е годы была физически уничтожена большая часть старых революционеров-ленинцев, с кем готовилась и свершалась революция, а вот Шлихтер не попал в их число. (Здесь мы не находим нужным полемизировать о наличии или отсутствии ре-

альной оппозиции в стране в тот период, действительно ли заговор военных имел место. Это не тема нашего небольшого исследования). Тогда же было расстреляно практически всё руководящее ядро тамбовского военного и партийно-хозяйственного актива периода подавления «антоновщины»: Антонов-Овсеенко, Тухачевский, Уборевич, Какурин, Райвид, Аплук и многие другие. Одно лишь знакомство с «заклятыми врагами народа» таило в себе прямую угрозу ареста и последующего расстрела.

В 1934 году состоялся XVII съезд ВКП(б), делегатом которого был Александр Григорьевич и который называли не иначе как «Съезд победителей» – ведь вся повестка съезда была посвящена успехам первой пятилетки и планам партии на вторую. В историю этот партийный форум вошёл ещё и как «Съезд расстрелянных»: из 1966 делегатов съезда 1108 человек были через несколько лет арестованы, и около 900 из них были расстреляны как «враги народа». И в этот раз гроза прошла мимо. Отчего так? Может, потому, что к тому времени он был уже отодвинут на периферию политической жизни государства? Вряд ли. Киев – далеко не периферия, именно оттуда в те годы шли телеграммы в Москву с просьбами увеличить квоты на аресты и расстрелы на десятки тысяч человек.

О том, что угроза ареста в годы «Большого террора» просто висела над семьёй Шлихтеров ежедневно (точнее еженочно), вспоминал уже в 60-е годы младший из сыновей Борис. Ему тем более приходилось опасаться, ведь в конце 20-х его угораздило подписаться под каким-то троцкистским воззванием и отметка об этом имелась в его партийном послужном списке.

Пощадил Сталин А.Г. Шлихтера из-за того, что тот был видным и необходимым стране учёным (на тот период вице-президент Академии наук Украины, кандидат в члены Политбюро ВКП(б) Украинской ССР), из-за того, что тот был одним из ближайших соратников Ленина? Ни то, ни другое, ни третье. Вновь парадокс истории? Судьба, предначер-

танная свыше? Ныне уже не ответишь однозначно. Пережила семья эти страшные годы, и остаётся только порадоваться, что пережила.

Второй из сыновей Шлихтеров – Артемий Александрович – вступил в партию в 1919 г., воевал в Гражданскую, был на партийной и хозяйственной работе в различных регионах страны. По отзывам современников, был талантливым, красивым, необычайно волевым и целеустремлённым, любившим и умевшим работать человеком. С началом войны рвался на фронт, в сентябре 41-го назначен комиссаром формирующейся на Алтае 298-й стрелковой дивизии. В составе этой прославленной части принимал участие в Ржевско-Вяземской операции зимой 1942 г., а с лета того же года воевал под Сталинградом. В январе 1943-го дивизия действовала на острие клина советских войск, разрезавших группировку Паулюса на северную и южную части, принимала участие в окончательном разгроме фашистов в Сталинграде, за что ей было присвоено звание 80-й гвардейской. Артемий Александрович за личное участие в боевых действиях был награждён орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Сталинграда», его именем названа центральная улица в пос. Котлубань под Волгоградом. Полковник Шлихтер прошёл славный боевой путь от Сталинграда до Берлина и Праги, был награждён также орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, медалями за взятие Берлина и освобождение Праги.

В 1948 г. он вернулся в Москву, стал преподавать политэкономии в МГУ им. М. В. Ломоносова. Артём Александрович был одним из ведущих идеологов экономических реформ при Хрущёве. Его блестящие лекции в МГУ по политэкономии, по воспоминаниям многих его студентов, были одним из важнейших источников нового критического прочтения марксизма. Вот одно из них: «В это время лекции по политэкономии нам читал Артемий Александрович Шлихтер. Он же вёл и семинарские занятия в нашей группе. Студенты мехмата его очень любили, и это была взаимная симпатия. Он резко выделялся среди других преподавателей общественных дисциплин полной свободой своих суждений, открытостью для любых вопросов и обсуждений, да и просто умом. Конечно, он был убеждённым коммунистом, но свои убеждения он считал нужным обосновывать...». Артемий Шлихтер ушёл из жизни в 1962 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Не менее интересна жизнь третьего из братьев Шлихтеров – Бориса Александровича (1904–1973). Владел несколькими иностранными языками, с марта 1942 г. – на фронте, старший инструктор политотделов нескольких стрелковых дивизий по работе среди войск противника. Участник битвы за Сталинград, дошёл до Германии.

Вот лишь один эпизод из его боевой биографии. Четыре дня, как уже завершились бои

за Берлин, и Красная армия рванула на помощь восставшей Праге, а на востоке Германии всё ещё продолжали грохотать залпы артиллерии – это не сдавался германский гарнизон городка-крепости Бреслау. (Сейчас это г. Вроцлав в Польше). Мало кто знает, что Бреслау в 1945 г. стал настоящим «германским Брестом», немцы там сражались почти три месяца, до последнего. Их последний комендант подписал акт о капитуляции гарнизона и сбежал, не доведя до сведения своих солдат и офицеров приказ о разоружении и сдаче в плен. До последних сопротивляющихся гитлеровцев приказ их собственного начальства довёл последний парламентёр Великой Отечественной войны старший инструктор политотдела 181-й стрелковой дивизии Борис Александрович Шлихтер, один и без оружия явившийся в расположение немецких частей и убедивший гитлеровцев сложить оружие.

Вершись с фронта, Б. А. Шлихтер с ноября 1947 по август 1964 года работал в Государственной ордена Ленина библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) – старший редактор отдела плановой библиографии, главный библиотекарь, зам. заведующего отделом рукописей. Вот что писала о нём его непосредственный руководитель: «...качества организатора, навыки дипломата, исключительная способность располагать к себе любого собеседника вскоре сделали Бориса Александровича незаменимым сотрудником отдела. Он совершенно избавил меня от хозяйственных, ремонтно-строительных, снабженческих и прочих организационных хлопот. А в переговорах с вдовами и другими владельцами драгоценных рукописей он, повторю, был просто непревзойдённым мастером. Вместе с тем он, со своим происхождением и давним партийным стажем, стал одной из почётных фигур в парторганизации библиотеки – и это тоже было нам небесполезно».

А ещё Борис Александрович по своей работе в ГБЛ знаменит тем, что, будучи зам. руководителя отдела рукописей Ленинской библиотеки, спас булгаковское наследие, прежде всего рукопись «Мастера и Маргариты». Без

Б. А. Шлихтера публикация великого романа, судя по всему, не была бы возможна.

Старший сын Б. А. Шлихтера Сергей Борисович родился в 1931 г., окончил географический факультет МГУ и около 30 лет проработал в Институте географии РАН. Был известным специалистом по географии транспорта, географии инфраструктуры, экономической географии Мирового океана, проблемам экономической интеграции стран Европы. Первые 20 лет своей трудовой и научной жизни он провёл в Институте комплексных транспортных проблем при Госплане СССР, где занимался изучением особенностей размещения и функционирования транспортных систем зарубежных стран. Умер в Мюнхене в 2010 г.

Второй сын Эрнест Борисович (1935–2019) (близкие звали его Эрик, назван в честь вождя немецкого пролетариата Эрнста Тельмана) – учёный, химик-органик, профессор, соавтор книги «Мировая нефтепереработка: экологическое измерение» (М. 2010).

Из ныне живущих потомков Шлихтера есть сведения о Артемии Эрнестовиче

Шлихтере, 1966 г. р., который окончил РГУ нефти и газа, НИУ им. И. М. Губкина, о его сестре Татьяне Эрнестовне, которая в 1985 г. окончила геологический факультет МГУ. Т. Э. Шлихтер – общественный деятель, журналист, специалист в области экономики ТЭК. В 1998 г. – ведущий специалист Департамента координации проектов Федеральной программы энергосбережения и энергетической политики Минтопэнерго РФ, одна из инициаторов реставрации памятника Сергею Шлихтеру на Братском кладбище.

Вот такова история этой семьи, где переплелось всё – и революционная деятельность в Российской империи, и две мировые войны, и война гражданская, участие в общественно-политической жизни страны и активная работа на научном поприще. Собственно, это и есть наша отечественная история за последние 130 лет в контексте летописи всего одной семьи.

Примечание: При подготовке статьи использованы материалы открытых источников.

Виктор ОСТРИКОВ

Прозаик, скульптор,
член Союза писателей
и Союза художников России,
г. Тамбов

Гимн Художнику

Он не первый раз приходил на это место. Чем оно понравилось и почему, даже себе не смог объяснить. Чутьё художника, и всё тут. Приходил весной, летом, и вот наступила осень. Защемило внутри, захотелось покоя, уединения и осмысления уходящих лет. Кажется, эта точка и есть то самое решение, та настоящая правда в композиции.

Художник остановился посреди двора, огляделся: рядом стояло старое трёхэтажное здание, а к нему пристроены гаражи. Вот и решение: поднимусь-ка повыше, посмотрю. Колени, правда, подводят, но что тут поделаешь, такова профессия, всё для неё – и здоровье, и нервы.

Тяжело дыша, он считал ступени. Отдыхал на лестничных площадках и, наконец, вот третий этаж.

– Да, колени, колени, сношены не ко времени, – приговаривал он себе, и подошёл к окну. Стёкла грязные, давно не мытые, но посмотреть можно. Взгляд окинул двор и гаражи, что подходили одним краем к дому, а другим уходили к небольшим кустарникам. За ними пышные жёлто-золотые шапки деревьев. Между ними – пики тополей. Далее – ряд каштанов с растопыренными, разноцветными лапами листьев. Группами скопи-

лись берёзки, и, уже размываясь в воздушном мареве, уходили вдаль серовато-сиреневыми веточками ивы. Вся эта красота с двух сторон обрамлялась белыми коробками жилых зданий – как тяжёлая рама с удивительным багетом.

«Неужели архитектор так задумал? Или я так вижу? Чудо!»

Взгляд окинул всю эту красоту, просторы и далёкий горизонт, соединяющий небо с землёй. В сию секунду захотелось взлететь и покинуть этот муравейник из людей и конструкций.

«Почему с возрастом, – подумал художник – чаще появляется желание оставить комфортное благополучие и изведать неизвестные горизонты? Может, встречу тех, с кем судьба разлучила? О чём мечтал, но не исполнил? Задумывал, но не свершил?»

Его взгляд продолжал впитывать грандиозную картину, созданную природой и человеком.

«Да, завтра, завтра – не откладывая, напишу».

Спускалось легче. Ноги сами отсчитывали ступени. Никто не встретился и не спросил: к кому, зачем? Выйдя на воздух, оглядел гаражи, что подходили прямо к торцу дома.

За ними кустарник, жёлтые шапки старых деревьев, и всё.

«Как же меняется вид снизу и взгляд с высоты. Можно позавидовать нашим пернатым, они всегда там!» – и посмотрел в небо, закинув голову.

Мысли его возвысились, а тело осталось приземлённым.

«А душа наша где? – подумал художник. – Тоже там? Или в наших картинах? И сколько нам отпущено на реализацию данного дара Богом?» – думал, он, продолжая всё смотреть в небо.

«И отвечать, конечно, придётся тоже перед ним, – уже жёстко ответил сам себе. – Обязательно! А как же! – и представил ответ свыше:

«Ты какого валялся в постели? Лодырничал, ублажал тело, развлекался, и для этого ли Дар дан тебе Небесный? Искру творчества вселил – зря? Такое не прощают! За такое отвечают!»

– Ух ты! – неожиданно охнул художник. – Ну и мысли ко мне подлетели! Раньше об этом не думал! – и, нерешительно повернувшись, продолжая осмысливать, вышел со двора на улицу и неторопливо направился к центру.

Мысли бегали – то в мастерскую, то взбились на крышу гаражей, представлялось, как он поставит мольберт, налюбуется видом с высоты, затем сделает набросок углём, и – за кисть. Первый мазок, второй, а там ручеёк, и чем дальше, тем шире река красок – цвета, света, и всё разом соединяется тонкими нитями чувств самого художника. Ему дан Дар, он его не пропил, не продал.

«Как же я так к этим мыслям подобрался? – опять подумал он и глубоко вздохнул. – Неужели скоро Ответ? Там!»

И художник снова окинул взглядом высокое чистое небо. Вокруг суетился народ, бегали вереницей машины, а он всё смотрел и смотрел в неведомое пространство. Хотя был день, но он, как ему казалось, видел звёзды и себя среди них. Художник так задумался, что не заметил, как сел в автобус, доехал, вышел,

и только зайдя в мастерскую, огляделся. Все полки заставлены картинами. Вдоль стены пачками – уже законченные работы. Справа на мольберте – начатая, а за ним – ещё мольберт с новым полотном. Удивительно, сколько наворотил! Но где же главная, может, завтра? Конечно, завтра!

Шагнув к дивану, где к спинке прислонилась стопочка чистых подрамников, подыскал загрунтованный по размеру, сложил кресло и проверил, хватит ли красок в этюднике. Снял с вешалки любимый плащ, измазанный спереди красками, как весенний луг – цветами. Нашёл сумку с термосом, подумал – «Надо чай крепкий заварить, а теперь – позвоним!»

– Сынок, завтра отвезёшь меня? И захвати лестницу, чтобы достала на крышу гаража.

– Зачем? – удивлённо ответил тот.

– Потом объясню. Обязательно захвати! Выезжаем рано. Доставишь меня, а сам домой. Точку нашёл. Удивительную панораму!

Рано утром он был уже в мастерской. Проверил, всё ли подготовил. Оделся потеплее – плащ, вязаная шапка, короткие сапоги и, конечно, термос с крепким, душистым чаем. Всё, кажется! И здесь услышал, как подъехала машина и хлопнула дверца.

«Молодец! Вовремя!» – и вышел во двор, неся сумку и плащ.

– Сынок, возьми мольберт и закрой дверь. Ты лестницу взял?

– Да! И что за загадки у тебя?

– Подъедем, увидишь. Здесь недалеко, в городе.

Машина мягко тронулась, приминая осенние листья, как бы прощаясь с летом, влилась в поток, и через двадцать минут они были уже на месте, во дворе. Подъехали к гаражам. Художник открыл дверь, и тяжело переставив ноги, вышел, захватив сумку, и удивился: «А где жильцы?»

Вчера так же никого не встретил. Кто, невидимый, отвёл их, давая ему спокойно сосредоточиться и работать?

– Сынок, ставь лестницу к гаражам.

– А тебя не обругают местные? – раскладывая, спросил он.

– Нет, ничего страшного. Я аккуратно.

– А всё-таки спрашивал?

– Ставь, тебе сказал! – резко ответил Художник. – Мне виднее!

– Ну ладно, как скажешь, – не споря, ответил сын, прислонив к козырьку крыши гаража жиденькую раскладную лестницу, и сказал отцу:

– Лезь, а я подержу, вещи потом подам.

– Спасибо.

Подойдя и ухватившись руками, стал переставлять на перекладины негнувшиеся ноги. Наконец, кряхтя и ругаясь, влез. Сперва отполз на коленях к центру, встал и, повернувшись к краю, сказал сыну:

– Подними вещи и мольберт.

Через пару минут подрамник, стул, мольберт и плащ с сумкой лежали у его ног, молодому легче с этим справиться, и сын спросил:

– Ну что, я поехал?

– Езжай, после обеда жду. Лестницу не забудь! – и повернулся в ту сторону, куда смотрел вчера из окна третьего этажа. Солнце поднималось и чётко обрисовывало предметы. Быстро поставил мольберт. Водрузил подрамник с загрунтованным полотном. Одед плащ, что спускался до пяток, мятую тёплую фуражку, разложил кресло и, опустившись в него, стал перебирать тюбики красок, определяя точку горизонта своей композиции.

– Да! – воскликнул художник. – А ведь отсюда куда интереснее!

Плотные всплески золотисто-красных тонов, как океан, уплывали к горизонту, олицетворяя покой и вечность нашего бытия.

«И сколько же художников пытались передать эту красоту? – подумал он. – Сколько поколений пролетело на нашей грешной земле, и до сих пор предела нет, нет предела совершенству и мастерству!»

Струились небесные лучи, как на иконе. Справа холодные, утренние тени переливались на светлой архитектуре, напротив горело утренним прямым светом отражение, подчёркивая увядание осени. А небо – чистое, голубое, в серебряной дымке.

«Надо же, какой подарок преподнёс Господь к концу моей жизни!» – и осёкся.

«Почему так подумал? Вроде планы большие, на многие годы?» – обожгла его мысль.

«Хватит, пора и за работу, а то время потеряю».

Углём наметил композицию. Встал, ходил вокруг. Всё правильно, пора за краски – и сел к мольберту, взяв кисть и... оцепенел.

«Масло! Никак масло забыл!»

Поднял сумку, проверил содержимое, карманы плаща, огляделся и ощутил, как холодный пот пробежал по позвоночнику. Забыл, забыл за суетой приготовления, и полез в карман за телефоном, но и его там не оказалось...

– Вот старый. Вот склеротик! – резко, как всегда, за свои ошибки, он ругал себя. Вскочил – и к краю гаража, но его остановила высота. Спрыгнуть грузное тело и больные ноги не позволят. Слезть негде. Что делать? Осмотрелся, но как назло – никого. И вчера жители куда-то делись?.. Странно. Оглядел здание, стеклянные окна, что смотрели на него с равнодушием и отрешённостью своего предназначения – сохранять и оберегать жизни, что внутри, а не снаружи.

– Граждане! – в отчаянии крикнул Художник. – Помогите, помогите! – но никто не ответил на призыв. Поспешил по крыше гаража к первому окну, что на уровне головы, потянулся и постучал костяшками пальцев по стеклу. Почувствовал, как вспотел от напряжения, и ещё раз повторил. На стук за стеклом показалось лицо. Художник замахал руками, показывая на форточку.

– Можно Вас? Пожалуйста! – жалобно произнёс он.

Форточка медленно открылась, и в проём прозвучал строгий женский голос:

– Ты чё кричишь? А? – оглядывая его сквозь стекло и увидев мужика в грязном плаще, что висел до пяток, добавила уже строже: – За каким ... по крышам лазишь? Вот сейчас позвоню в милицию! – и запнулась. Нет, никак теперь полиция? Наплетут же, и не выговорить!

– Приедут и выяснят, кто ты! – и заново оглядела Художника сверху донизу, определяя – бомж или вор здесь лазит по крышам?

– Нет, нет, мамаша! Я художник! Решил, вон, – и показал рукой на мольберт – картину у вас написать, но масло забыл! – и уже со скорбным лицом добавил: – Мне бы чуть подсолнечного. Полстаканчика, а, мамаша?

– Да ему ещё и стаканчик! Алкаш! – и, высунувшись в проём форточки, посмотрела в ту сторону, куда показал Художник, потом голова скрылась и окно закрылось.

Он стоял в растерянности, не зная, что предпринять. Снова звать на помощь или... и в это время окно открылось, голова женщины неопределённого возраста показалась, задав вопрос:

– Ты это что, взаправду Художник? – и недоверчиво посмотрела на непонятную деревянную конструкцию, что стояла на крыше гаража.

Не ожидая такого поворота, он не сразу смог ответить, повернулся и побежал, как мог, переставляя больные ноги, к мольберту, путаясь в длинном плаще. Взяв подрамник, вернулся, показывая рисунок. – Вот, сделал набросок, а красками не могу. Нет масла. Забыл!

– Ну и что? – уже миролюбиво ответила та.

– Вы мне не одолжите подсолнечное масло? – И, боясь, что она сразу откажет, добавил: – Я вам целую бутылку куплю! Вот вам крест! – и осенил себя.

Они смотрели друг на друга – одна с подозрением, другой с надеждой, и, наконец, он услышал ответ:

– Да, есть у меня маленько. Мужу к обеде картошку пожарить. – И, вздохнув, добавила: – Как же быть?

Художник, чуть не плача, взмолился:

– Мамаша, да я Вам верну, верну, ей-богу! Ведь такая золотая осень только раз в жизни бывает!

Женщина была удивлена такому неожиданному порыву и, вздохнув, показала бутылку с подсолнечным маслом из окна. Там на дне колыхалось граммов сто пятьдесят ЗОЛОТОЙ

ЖИДКОСТИ, на которую готов был молиться Художник:

– Ладно, сварю я ему картошку, перебьётся с жаренным на сегодня. – И, улыбаясь, отдала бутылку.

Схватив её и крикнув: «Спасибо!», не оборачиваясь, он побежал к мольберту, неся в одной руке подрамник, в другой бутылку, а плащ развеялся с двух сторон, как крылья у птицы. Он готов был взлететь от радости и кинуться по золотым облакам наступающей осени.

Сел за мольберт, взял кисть, и тут же его рука, исполняя души приказ, разлила краски по полотну, не замечая, что в окно, выглядывая, улыбалась женщина, считая себя соучастницей этого события.

– Если бы не я! – торжественно повторяла она.

Её лицо сияло, наполняясь красотой, как наступающая поздняя осень, говоря о зрелости её... и художника.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Посвящается художнику Владимиру Сизову

Промучившись всю ночь, художник Владимир открыл глаза. Не спалось. Всё, о чём он думал в последнее время, смешалось в один долгий, насыщенный разными картинками бредовый сон.

– Ну и белиберда же сегодня навалилась! – проговорил он вслух. – Завтра надо точно решить, с чего начать.

Ему был заказ на картину с волками. Даниил Сергеевич – охотник, любитель природы, бизнесмен – хотел иметь на стене картину «Тамбовский лес и стая волков». Резонно! Хотя с ними, с волками, он никогда не встречался. Не везло! А в душе и не жалел, что не стрелял, пусть «охотники», как и он, правят лесом.

Художник окончательно проснулся, натянул трико и босиком подошёл к столу. Он давно собрал фото зверей, сделал набросок композиции и никак не мог начать. Что-то не

давало, а что? И так, присев к столу, задумался.

«Точно! – решил он. – Надо написать пейзаж с натуры».

Найти панораму глухих мест, не тронутых человеком.

«Трудная задача», – заключил он, постукивая фалангами пальцев по столу. И тут же позвонил заказчику.

В один из солнечных морозных дней собрался. На плечо – мольберт, в руки – сумку, коробку для полотна, раскладной стульчик, и вышел во двор. Там ждал джип. Даниил Сергеевич встретил его с улыбкой. Поздоровался, помог уложить вещи в багажник, и, удобно сев в мягкие сиденья, тронулись.

И вот асфальт закончился. Раскачиваясь на ухабинах, джип въехал в лес. Места для охотника знакомые, и он, петляя, всё углублялся в глухомань.

Тамбовский лес – это удивительная, богатая средняя полоса России. Левая сторона реки Цны – чернозём, правая – нескончаемый ковёр разнолиственного леса, болот, озёр и маленьких речушек. Природа вроде неброская, но настолько притягательна и мила, что любые душевные боли лечит, и сразу забываешь о них, попав в плен этой красоты.

Проехали ещё километров пять, пока джип не встал.

– Всё! – заключил Даниил Сергеевич. – Дальше такие сугробы, что машина не пройдёт. Пойдём пешком.

Выгрузившись и протопав по глубокому снегу, вышли к поляне:

– Ну как, нравится? Я сам это место люблю! – воскликнул заказчик и, положив на снег стул с сумкой, вскинул руки. – Ого-го! – раздался его голос, и эхо прокатилось по поляне. Отражившись от стены соснового леса, вернулось.

Художник глянул на Даниила Сергеевича и удивился ребячьему поступку.

– Ну что, здесь останешься?

– Конечно! – ответил Владимир и опустил мольберт, который изрядно нагружал плечо.

– Ну тогда я поехал. После работы заеду, часам к четырём, по свету, – и, пожав руку, повернулся и бодро зашагал к машине по уже топтанной дорожке в снегу.

Художник окинул взглядом поляну и заметил на снегу еле видимую тропу, что шла наискось через кусты. Сосновый лес старый, с глубокими тенями и голубоватой дымкой по верх игольчатой стены сосен. Верхушки, казалось, упирались в небо.

– В самый раз! – поддержал он себя, – и композиция широкая, и тропа, кажись, волчья.

Точно не мог сказать. Не хотелось топтать снег и нарушать идиллию неприкосновенности природы. В это время джип взревел и, попыхивая из выхлопной трубы, укатил за поворот.

Поискав несколько точек, пройдя то вправо, то влево, он утоптал место, поставил мольберт, разложил стул, но не сел. Закрепив подрамник, взялся за уголёк и глубоко вздохнул.

Какая же благодать! Вот так стоять, наслаждаться и, не думая ни о чём, смотреть, дышать чистым и морозным воздухом. Божественное состояние души! За такие минуты он благодарил Бога за данную ему профессию.

– Ну ладно, пора и работать. Зимой день короток.

Набросок вышел лёгким. Краски сами ложились в таинственный узор, где гуляют неуловимые бродяги. Правда, день был солнечным и этюд получался ярким и сочным.

«Ну ничего, в мастерской на картине уплотню до сумрачных красок, а волков дорисую», – подумал он.

Проведя кистью по полотну, он представлял, как вожак стаи вышел на край поляны и, остановившись, наклонил лобастую голову. Прислушался! Повёл ушами и, сделав несколько шагов, опять встал. Повернув голову в сторону художника, оскалился, показав белые клыки. Раскосые глаза блеснули недобрым блеском, не давая жертве ни единого шанса. Холодок пробежал по спине Владимира. Тем временем зверь с пушистой серо-жёлтой гривой, легко приминая снег, пересёк поляну. За

ним вышли ещё четверо и скрылись в густом подьельнике.

«Прямо как в кино! – поёжился художник. – Таинственно! Вроде была стая, а вроде и нет. Неужели они так и ходят? Окружив, тихо убивают и исчезают, как тени, оставив цепочку следов, а если метель, то и этого не заметишь».

– Хозяева! – вслух произнёс художник и огляделся вокруг.

Уже вечерело. Солнце закатилось за сосны, и они почернели. Стало прохладно. Всё! Этюд готов, и пора домой. Собрал этюдник, сложил кресло, а саму картину вложил в коробку, чтобы не смазать краски. Немного потоптался, согревая окоченевшие ступни, и потом закинул ремни этюдника на плечо, взял кресло, сумку, коробку и вышел на дорогу. Пока собирался и лез через сугробы до дороги, сумерки окутали лес. Сложив вещи горкой, он посмотрел на дорогу, которая стала похожа на серое полотенце.

«Нет, так ждать и стоять – замёрзну. Пойду лучше навстречу», – решил он. Опять взвалив на себя всё своё имущество, Владимир поплёлся по дороге. Сперва было легко. Потом ремни стали резать плечо. Ноги скользили по неровным обледеневшим ухабинам. Длинный плащ, что был накинут на тёплую куртку, стал путаться в ногах.

Опустив вещи и разложив кресло, сел. Успокоился, глядя в ту сторону, откуда должна показаться машина, но она не шла. Вынул термос из сумки и, открутив колпак, налил терпкого, с душистым настоем трав, крепкого чая. Внутри отозвалось теплом, и он расслабился. Вдруг ему послышался хруст снега. Он оглянулся.

Никого!

Показалось?

Но через минуту с другой стороны закачались ветви и чья-то тень скользнула между ними.

«Неужели волки?» – и холодок опять пробежал по спине.

Художник встал и засеменял мелким шагом, чтобы не упасть. В руках были этюдник, что волочился по снегу, да кресло, а остальное,

от волнения, он забыл. Изрытая от колёс дорога виляла, проваливалась, и он то падал на колени, то вставал, и наконец, устав, сел прямо на дорогу. В ушах будто жужжали пчёлки. Сердце колотилось. И вдруг он почувствовал, что со спины кто-то подкрадывается. Владимир резко обернулся и хотел закричать, округлив глаза, но никого не увидел.

– Это что? Шизофрения у меня? – И не мог пошевелиться.

Наконец, остыв от непонятного видения, упёрся руками об обочину и еле встал.

– Да где же эта машина? Он что, забыл обо мне? – и, потащив за собой этюдник, опять засеменял по ухабинам.

– Нет, с ним я никуда не дойду. Ноги и так не идут, болят колени, а здесь – волки преследуют, или ещё кто?

Остановившись, разложил ножки этюдника и так, посреди дороги, оставил его.

«Пусть стоит. Потом заберу!» – подумал и развернулся, чуть не упав на колени. Скользя, расставляя руки, пригибаясь и оглядываясь, поспешал по серой ленте, уходившей в темноту леса. Чем быстрее переставлял ноги, тем яснее слышал рык за спиной. Он резко оглянулся и ойкнул.

На него смотрели колючие глаза волка.

Холодок пробежал по спине, и ноги вошли в стопор. Попытался шагнуть, но не получалось. Глаза слезились от холода. Наконец, отчаявшись, сел на снег, закрыл ладонями лицо и приготовился к тому, что вот сейчас, сию минуту его начнут рвать клыки зверя. Сперва плащ, потом куртку, а далее и до тела доберётся, и так ясно представил – кровь течёт, кости хрустят, и он стал задыхаться.

Теперь ему казалось, что не на снегу сидит, а в бане. Тело горело, пот струился по спине, руки дрожали и, опустив ладони, чтобы глотнуть свежего воздуха, понял, что никаких волков нет, и ему всё привиделось. Мистика, и всё тут!

– Фу ты! Вот чертовщина какая! – художник встал, повернулся и скоро, как мог, засеменял. Ему всё равно казалось, что за ним следят. Там, из-за кустов.

– Он что, забыл обо мне? – ругаясь, вновь выпалил Владимир. Нашёл же себе заказчика, теперь исполняй. – И так, чертыхаясь, плёлся по дороге. Мороз пощипывал щёки, нос, и опять послышался скрип. Художник, оглянувшись, крикнул:

– Кто там?

Тишина.

– Я спрашиваю, кто там? – но лес молчал, и только эхо тонуло в густом переплетении ветвей сосен.

– Ужас какой! Вот тебе и этюд для заказчика! Машины нет, вещи оставил на дороге, и если за ним не приедут, то наверняка...

И тут по кустам скользнул луч. Стал ярким. Наконец показалась машина, освещающая пе-

ред собой дорогу, и упёрлась в художника. Тот, обмякнув, сел на дорогу.

Владимир, как во сне, услышал извинения Даниила Сергеевича:

– Я приехал домой рановато. Решил отдохнуть и заснул, а когда встал, то за окном уж темно...

Подняв его за руки, спросил:

– А где вещи?

– Там! – только и ответил художник.

Как его усадили? Как принесли этюдник, кресло и остальное, Владимир не помнит. Переживания потрясли его. Качаясь на сидении, он продолжал оглядываться, не бегут ли за ним, оскаливая пасти... хозяйева леса!

Юрий НАУМОВ

Отец девятерых детей, учитель, писатель, учёный.
Село Моршань Инжавинского района (1941–2014)

ЗЕМЛЯ МОЯ

Земля моя пахнет хлебом
После дождя обильного,
Земля моя пахнет полыньёю
После снега сытая и натошак,
Земля моя пахнет молоком –
Коровы пасутся у нас бугорком.
Земля моя, чем ты не пахнешь только!
Порохом, злом и враждою,
Убийством, ложью и кровью.
Пахнешь матерью, сына предавшей,
И сыном, продавшим мать.
Земля моя, счастье и слёзы,
Вся ты пропитана солью.
Земля моя, и я в ней чего-нибудь стою.
Земля моя побеждала врага,
А зло победить ты не в силах.
Земля моя! Почему ты молчишь?
Плачешь тихонько слезою пахучей,
То порою старушкой ворчишь,
Потупясь глядя на глупость невежды.
Земля моя, прошу тебя, помоги!
На этом свете и я не ангел,
Стараюсь исправить кривое дерево,
Подвязывая цепью ветви к стволу.
Земля моя, ты щедра, а вокруг
Не прислушиваются к голосу твоему.

Я сердцем к сердцу ложусь и ухо к тебе обращаю,
Чтоб вновь ты слезой родниковой
Омыла чёрствость мою и людскую.
Земля моя, прошу тебя, помоги –
До боли говорю, не болтаю,
Кровь свою не жалею, как и ты,
Иль всё это хлопоты, пустые мечты?
Земля моя, умой людей разуменьем,
Раз не слышат голоса твоего,
Убили чувства к тебе родные –
Тогда ведь погибель грозит!
Земля моя, рассуди меня и осуди,
Но знай: тебя я слушаю и понимаю,
Сколько дано разуменья тобой.
Земля моя, Любовь моя, Скорбь и Желание!

РОДНИК

(Из историй Коли Корнея)

Рассказ

Где-нибудь у самого подножия отвесной горы, заросшей травой, диким кустарником и колючими ветками ежевики, смотришь, сочтётся родниковая вода. Много светлого стремится на поверхность, но, к сожалению, не всё достигает цели...

Родник, о котором я здесь поведаю, нашёл Коля Корней, народный мудрец и сказитель. В своей жизни он имел два недостижимых интереса: руками плёл из ивняка разные причудливые изделия – тарелки, корзины, кошёлки, бакланы, саквояжи и даже мосты, а языком плёл столь же причудливые небылицы, напоминавшие детям сказки. Не один вечер провели односельчане на травке около дома Коли Корнея, когда он рассказывал истории так, что надрывали животы. Сказитель улыбался редко – только понюхивал табачок, набивая им свой крючковатый нос. Кошёлки, бакланы плели многие в деревне, но Коля Корней был в особом почёте. В своих плетёных корзинах он хранил воду, в плетёные тарелки наливал щи русские; поскольку жил Коля всё-таки бедно, то очень часто в его тарелке мясо проваливалось, а щи оставались.

Однажды этот немолодой уже человек, выросший чёрной, без малейшей седины, гривой, в картузе и синей толстовке поверх брюк, слегка повязанной старинным кушаком, отправился на санях-самоходах прокатиться по полям, по его словам, посмотреть зайцев, лис, повстречаться с волками. Отправлялся он зимой, когда поросил лёгкий снежок, а возвращался весной, когда всё на пути растаяло. Сани остановились, и Коля Корней пошёл по лужайкам пешком. По дороге устал и решил присесть, отдохнуть. Река ещё не сбросила скорлупы и стояла, важно храня подольдовую тайну. У самой реки под тяжёлыми навесами горы приютился родник, держа на плечах громадный груз. Тяжела гора, но светла вода в роднике, и нет ей преград на пути, а

если и встречаются, то бьёт водица, стремится вперёд, на волю.

Совсем неожиданно Коля Корней отыскал где-то лопату, вернее, она выросла прямо перед глазами. И ничего удивительного в том не было. Часто у него в сенях под полом гармошка играла; станет, бывало, её отрывать, а та уже в другом месте играет, и ещё красивей изливаются мелодии. Взял он лопату, выдавил капли родникового пота и стал потихоньку рыть. Камни плачут горькими слезами, пищат от прикосновения, а земля и глина поют песни, давая свободу родниковой струе. Сделал Коля Корней ямочку, где стала отстаиваться водица.

Автор иллюстрации Ольга Заякина (г. Новосибирск)

Сплёл из ивняка корзину и оформил родничок. Корзина впускала и выпускала водицу, а глину удерживала.

День разыгрался ядрёный: солнце светило, словно на Пасху. Попил Коля, слегка потянулся и пошёл себе домой.

Так, по преданию, появился родник Коли Корнея.

Родников в округе было много. Их рыли под горой собственного огорода. Но не всегда они оставались живыми источниками, которые могли бы удовлетворить утончённый вкус посетителей. Вода родника Коли Корнея имела своих почитателей. Здесь утоляли жажду местные пастухи.

Летом от ключевой воды зубы ломит, а зимой ключ дышит теплом. Он никогда не замерзает, а потому оттаивающая весной снежная лавина, срываясь, тянет за собой часть грунта, который и заваливает источник свежести и свободы. Вот так и затягивается родник, если не прикладывать к нему рук и желания. Но снова приходит или приезжает Коля Кор-

ней к источнику своему, чтобы освободить его русло. И забурлит изнутри фонтанчик лёгкой песочной пылью, засветится, раздвигая в стороны светлые крылья очищающейся воды. Посидит Коля, послушает бульканье, поразмышляет, нальёт в бидон воды и пойдёт восвояси.

Так вот и шла нелёгкая жизнь родниковая под натиском огромной лысоватой горы. А рядом неслась речка Караюшка, готовая подняться и затопить родничок, но не суждено было ей достать свежести источника. Бежит с тех пор один из редчайших ручьёв, приглаживая грязь, разметая на пути камешки. Тянется своей тонкой шейкой в большую многоводную реку.

Родники, стремительно рвущиеся из-под земли, и образовали реку. С годами русло её опускалось. Некоторые родники пробивались посредине тех возвышенных берегов, которые и называют в Черноземье горами, хотя они имеют высоту не более сорока метров от поверхности реки (всё здесь измеряется уровнем не моря, а реки).

У каждого родника есть своя гора, свои искатели, которые приоткрывают земляной покров и дают свободно биться сердцу. Ведь сама жизнь бьёт струёй, несмотря на вечные горы – большие и малые. Иногда можно встретить ключи и на равнинных местах, но больше любят они отвесные горы, вырываясь из-под тяжести их тесной груди. Любит родник также и свободу и несёт свою радость, счастье и горе, а как только заштормит река, начнёт захлёстывать своими мощными водами ручеёк, – сливается он с рекой, но после воды снова падают вниз, снова текут независимо, и бежит родник вдаль. Остановятся у родника путники – и заново посмотрят на мир.

МОСТ

1

После разлива Коля Корней собрался строить мост. Нет, не какую-нибудь громадину из камня и бетона, которая скуёт речку да бег

её замедлит. Слышал про каменные и бетонные чудеса, но сам к этому относился спокойно. Предпочитал металлической сохе деревянную, ибо она благороднее по отношению к земле.

Только речка вошла в берега, ещё ликуя мощью, а Коля Корней уже привёз щебня, пареного ивняка (такой долговечней), вбил колья, связал переходниками, как ободки кошёлки, и начал плести.

Представил, как раскинет его изделие плотно над рекой, как будут любоваться рыбы и люди тому, что может сделать человек.

Глаза опустились в раздумье. Волосы, чёрные и густые, напоминавшие струны вороной гривы, разыгрались по статным плечам.

Всё уже было готово к работе, как топор исчез. Словно сквозь пальцы проскользнул. Глядь – а топора нет.

– Вот те на, – промолвил Коля Корней. – Пропало дело. Что я без топора? Новый купить не на что.

Загоревал Коля Корней. Попил в роднике студёной водицы, утёрся рукавом, поправил картуз суконный и хотел было идти домой, как откуда ни возьмись огненная птица – переливается, над Колей насмехается:

– Мудрый ты старик и на язык острый, да не так далеко видишь.

– А почём мне видеть, птица-синица? В Бога я не верю, чёрту шапку не снимаю, людям помогаю, – он хотел и над птицей пошутить.

Та взметнулась вверх и исчезла.

Коля Корней заложил первую лепку из тальника, и в голове его перекрестилась мысль о новой истории. Тонкие длинные ветки в руках его мягко сгибались, и появлялся самый настоящий лепесток розы. Коля продёргивал ветку и продолжал гнать виток на полотне. У комелька он делал ножом срез, обнажая сердечко. Лет сорок назад отковал этот нож кузнец Мясцов, да с тех пор и служит карманной принадлежностью.

Рядом с Колей Корнеем лежал тальник разного калибра по длине и диаметру. Порой Коля вынимал табакерочку, вразумительно закладывая нюхательным табаком нос, проглядывая небесную даль. В карих глазах от-

ражалось голубое небо, и глаза казались тоже голубыми.

Вначале он плёл прямой ходкой. Плотно подгоняя одну ветку к другой, как бы наживлял крепёжную часть. А затем шёл вперёд. Иногда становился ногами на мост, словно на рессорах качаясь, и улыбался, потому что сплетённая часть прогибалась.

Узоры не были похожи один на другой, как и цветы, которые Коля Корней вплетал из мелких веток в ткань своего изделия. Главное, что заготовки его будто шлифованные были. Можно было подумывать, он снял лыко и прогнал их в прокатном станке.

Коля вновь задумывался над тем, что произошло. В голове он видел, что никто его топор и не брал вовсе, а тот сам ушёл точиться.

Подобно древнему ткачу, мастер пропускал нитку за ниткой сквозь свою основу и уток, и все они срастались в единое полотно. Плетёная ткань сверкала на солнце, как сверкало радостью лицо Коли Корнея.

Там, где он делал срез на комельке, в сердечник загонял колючую стойкую ветку и соединял один конец с другим в цельную нитку.

Незатейливым образом Коля Корней намётывал вышивание, захватывая узор снизу, и он в двойном окаймлении ложился на полотно ковра.

Это был крепкий мост с бортами – такой, что и пьяному опора.

Под вечер на пригорке появились ребята-тишки-озорнички. Один – Тимохин, парень охин, другой Ливят – носом в ряд. Спросили, как ни в чём не бывало:

– Дядь Коль, куда ж топор ушёл у ты сегодня утром?

– Дэт он, ребят, напиться ходил по водицу. А вам-то кто сказывал?

– Земля слухами пользуется, а мы с ней говорить умеем.

– Ну, коль хотите знать много, то малость узнаете. Топор лежал на траве, а проказники рядом. Пошёл я утром в вётлы тальничок приобрести, мосток эдок для моленных и простого люда позаботить. Нарубил, привёз тачку. Всё приготовил для дел. Хватись – а топора нет. Я и так, я и сяк, но его и след простыл.

– Куда ж он от тебя?

– И я про то. Куда ж топор забельшился? Тут как тут божья помощь. Птица-синица, серебряный ковёр, повела меня на ярманку и говорит: «Выбирай, Николай Корнеич, за труды любой топор».

Ребята прижались друг к другу, как ветка к ветке Корнеева моста.

– Я тогда ей так говорю: «Птица-синица, не надо мне ярманки, отдай мой топор». И он всплыл. Был остёр.

Вера БОГДАНОВА

Прозаик, член литактива Тамбовского
отделения Союза писателей России,
г. Котовск

ДЕТИ ВЕСНЫ

рассказ

Уже с утра по нашему дому бегали ягнята, стуча об пол своими каблучками. Они горланили, не переставая, запрыгивали прямо на кровати, жевали нам пальцы и носы, углы подушек, шторы, уши котов, всё, что напоминало им овечье вымя. В конце концов они разлили в прихожей ведро воды, и как бы нам ни не хотелось вставать, пришлось это сделать. Ягнята тут же кинулись бегать за нами, тыкаясь в ноги, как будто выбивая из них молоко. Загородку из досок, припёртую флягами, которую мы соорудили этим сорванцам, они сломали, порядком нагадив по всему дому.

Можно было бы оставить этих негодяев с овцами, но в котухе, где они сосуществовали с крупным рогатым скотом, порвала цепь корова, и мы боялись, что она их передавит, ремонтировать цепь ночью нам не хотелось. Поэтому пять здоровенных лбов тусовались за печкой всю ночь, периодически просыпаясь, чтобы позвать маму. А наутро эта банда решила-таки сбежать из заточения. И вот к чему это привело.

Я и мои братья с сёстрами одели шапки, засаленные фуфайки, достали из печки перепачканные золой, но весьма тёплые валенки и, взяв в охапку ягнят, понесли их на улицу.

Ещё вчера в полях лежал снег до самого горизонта. Он был серый и грязный, как

старый пододеяльник, которым накрывались всю зиму. И серые, тоже грязные, небеса сливались с этим покровом в одну тусклую унылую массу.

Но вечером хлынул дождь. Листы крыши гремели от ветра, словно по ним ходил великан, а яблони кошками скреблись в окна, по которым лилась вода, и сквозь стёкла мутнели очертания хмурого леса. Этот дождь продолжался всю ночь.

И вот сегодня это самое небо было такое ясное, такое синее, какое оно бывает только весной, когда оно просвечивает сквозь оголённые ветки и точно сияет своей глубиной. А ясное мартовское солнышко светило в каждой луже, в каждой капле, падающей с крыши. Внизу под окнами лежали обломки сосулков, словно руины ледяного замка. В общем, был один из таких деньков, когда хочется дышать полной грудью, бегать с неизвестной целью по полям, делать скворечники, строить плотины на ручьях и не заходить домой до самого вечера.

Я несла двух ягнят, и оба они выдирались из моих рук с отчаянной силой, их сердечки под мягкими рёбрами и тонкой шкурой бились часто-часто, а когда мы распахнули двери в овчарню, ягнята сами выпрыгнули из наших рук. Это было радостное событие.

После ночи неизвестности, когда овцы переживали, где же их малыши, а ягнята мучились раздумьями, почему рядом нету мам, наконец они могли прижаться друг к другу и побыть вместе.

Когда мы покормили скотину, подоили коров, накололи дров, растопили печку и поели, то, прихватив лопаты, побежали в луга. Там из-под каждого сугроба уже бежали новорождённые ручейки. И мы решили помогать этим ручьям добраться до речки.

Мы раскапывали русла, разгребая хлюпкую кашу из снега и воды, чтобы получился сильный поток, а потом бежали за талой водой. Все ручейки всегда бегут к речке, словно детёныши – к матери. И эти точно так же стремились попасть в реку, что текла под горой. Они были ещё не так сильны, только начинали расти, но уже были бойкие и смелые, и в них чувствовался молодой задор. Они упорно стремились к своей цели, и было чудесно видеть, как солнечные лучи играют в их весёлых глазах.

Расковыряв ручейкам дорогу до самой реки, мы с удовольствием наблюдали за счастливым воссоединением водного семейства, и отчего-то на душе было хорошо-хорошо, будто мы сделали какое-то доброе дело.

ИЮЛЬ

(стихотворение в прозе)

Хороши июльские дни! Когда ранним утром, едва продрав глаза, ты распахиваешь дверь и выходишь на свежий воздух. Розовеет восток, обозначая приближение солнца, а старый петух уже взобрался на вываливающийся забор и запел во всё горло.

В низинах разливается туман, как парное молоко из большого ведра. Отовсюду доносятся голоса птиц и однообразное жужжание насекомых.

Росистая трава так и просит обмахнуть об неё ноги, взбодрив сонное тело в её мерцающих брызгах.

Рядом вздохнёт корова, помахивая ушами, встанет, перележет на другой бок и, свернувшись, как котёнок, продолжит спать.

Потянувшись, ты бросаешь взгляд на огород. Уpletни от огурцов расползлись во все стороны. Их зелёные усы тянутся на забор и на большой подсолнух, склонивший тяжёлую голову.

Нарвёшь себе пучок лука для салата, пару огурчиков и полукрасный помидор, положишь их на скамейку у дома и пойдёшь доить корову.

Жалко её поднимать, да скоро проснутся злобные оводы, и она начнёт драться ногами да колотить хвостом. Присев на треснутый пенёк, станешь доить, уткнувшись головой в тёплый живот коровы. Звенят струи об ведро, а усатая кошка, задрав хвост, трётся об твои ноги и, провожая молоко внимательным взглядом, тоскливо мяукает.

Придя домой, ты с удовольствием жуёшь мягкий хлеб с тёплым молоком, а после, закинув косу на плечо, шагаешь в луга.

Тихо стоят травы, подёрнутые сизым налётом. На кончике каждого лепестка висит по капле блестящей росы. А на длинных перьях костра капли выложены рядком, в каждой из них – по маленькому солнцу.

Срезанные косой травы ложатся ровными пучками на сбритуую землю. И пока есть роса, ты упорно трудишься, укладывая мягкую зелень рядами. Спина у тебя мокрая, в глаза течёт пот, который даже некогда смахнуть. На руках вспузырились мозоли. И тут ты вспоминаешь, что дома тебя ждёт прохлада и много воды, а ещё один большой арбуз, который уже пора сорвать потому, что пятно, на котором он лежит, пожелтело, и от нажатия пальцами арбуз отлично похрустывает.

И вообще: работать целое лето, не переставая, – это всё равно, что съесть у спелого арбуза вместо сладкой мякоти одну зелёную корку. «Всё хорошо в меру!» – говоришь ты сам себе и возвращаешься домой.

А как хорошо бывает в жару, раздвинув длинную крапиву, наклониться над родником и зачерпнуть двумя руками хрустальную

воду, ощутить во рту её студёный вкус! Льётся ключевая вода сквозь пальцы, искрится. А родник журчит, и его струи бегут по камням, как резвые мальчишки.

Вдоволь насытившись прохладой родника, поднимаешься по высокому склону, набирая горстями душистую землянику. Рядом желтеет поле пшеницы, поросшее по краям синим цикорием и ромашками. Где-то мычит стадо коров да бранится пастух.

И ты, взяв травинку в рот, присаживаешься в тени деревьев, оглядывая простор. Вперёд манит полевая дорога, укутанная с двух сторон нависшими колосьями. Если подует ветер, на этом поле будут ходить волны, красиво двигая пшеницу туда-сюда. За полем пестреют луга, похожие на прекрасный сарафан.

Отдохнув так немного, ты едешь на своём скрипучем велосипеде, распугивая кузнечиков. А за тобой, как тёмные всадники, мчатся тени облаков.

После этой изнурительной поездки ты летишь к речке с ватагой деревенских ребят, плюхаясь с моста в тёплую воду, резвишься и кувыркаешься, а потом ныряешь на дно, где царят темнота и прохлада. И оттуда, из глубины, так радостно наблюдать за лучами солнца, что тянут к тебе свои золотистые руки. Ты уплываешь далеко-далеко, и, пока у помоста слышится плеск и громкий смех, ты медленно перебираешь ногами в прозрачной воде. Иногда, наполнив рот водой, ты разбрызгиваешь её вверх, наслаждаясь маленькой радугой в этих каплях. Ты плаваешь до тех пор, пока зубы не застучат, и, хватаясь за прибрежную траву, выползаешь на берег.

Здесь сильно пахнет речной тиной и кувшинками, что покрыли озеро своими круглыми листьями, оттого гладь озера похожа на стеклянный

стол, заставленный зелёными тарелками. У поверхности снуют мелкие рыбёшки. Сверкая, кружатся стрекозы, а в камышах скрипит утка. Над этой тихой заводью склонились ивы и клёны, которые вместе с небом, как в зеркале, отражаются в воде.

А как душист летний мёд! Он ещё не засахарился и перетекает из медогона в ведро толстым золотым слоем. Иногда мне кажется, что так же густо течёт жёлтое лето, пропитанное запахом цветов, ярким светом и сладким весельем. И так же, как и мёдом, хочется насыщаться летом, намазывая его ложкой радости на своё беззаботное детство.

А вечерами хорошо залезть на шпиль крыши, оглядывая округу. На проводах, как старушки на лавках, сидят ласточки и о чём-то оживлённо беседуют.

В траве трещат кузнечики. От столбов на двор падают длинные тени. Тихо заходит солнце, будто лодка заплывает в свою уютную заводь.

Вечер так же спокоен, как корова, когда она, полужакрыв глаза от удовольствия, медленно жуёт жвачку.

Кругом царит какое-то умиротворение, оно разливается по округе, как ласковая и добрая мелодия.

Автор иллюстрации Ольга Заякина (г. Новосибирск)

ДЕРЕВЕНСКИЙ ФОРСАЖ

(стихотворение в прозе)

Помню, как морозными синими сумерками, нахлобучив мохнатые шапки, я с моими братьями и сёстрами бежала с санками вниз к реке. Там, за лесом, был высокий склон, где мы любили кататься.

Вот солнце тихо спускается за горизонт, тени становятся длиннее, в носу щиплет, и щёки у нас горят от ветра. Но зато воздух такой свежий и чистый, какой бывает он лишь зимою в морозные дни. И мы скачем, перегоня друг друга, смеёмся и толкаемся, в общем, нам хорошо и весело.

Наст под ногами крепкий, как корка хлеба, когда он хорошо постоит в печке, сильно зарумянится и оттого разгрызается зубами с большим трудом.

А ещё снежный покров искрится, как новогодняя ёлка, и мы бежим по нему, будто на какой-то праздник.

Впереди темнеют стволы деревьев, они слегка поскрипывают от мороза, а где-то высоко на ветках стучит дятел.

И вот он, заветный склон. Тёмный и высокий, он нависает над тобой, как волна во время шторма. Забираться на него – сплошное мучение. Мы карабкаемся вверх подобно букашкам. Чтобы не скатиться вниз, нам приходится выбивать ногой небольшие ямки для ног. Взобравшись наверх, мы оставляем одного человека на горе, чтобы он подавал нам руку на самом козырьке, с которого, как с трамплина, мы собираемся слетать в своём безумном форсаже.

Санок у нас только двое. И те уже куда не годятся. У одних полозья скривились на бок, как вон та старая ветла, что повисла над водой и ветви которой вмёрзли в лёд. У других санок отсутствуют три доски, и сидеть на них очень неудобно, ощущая под собой металлический каркас. Но мы чуть не дерёмся за эти санки, спорим, кто «первей» поедет, а получив долгожданный транспорт, с удовольствием плюхаемся на него.

И вот, оттолкнувшись ногами, сжав сестру или брата покрепче, ты летишь куда-то

вниз с радостным визгом, санки втыкаются в сугроб, ты несколько раз переворачиваешься через голову. В рукава и за шиворот засыпается снег, лицо тоже в снегу. Все смеются над тобой, и ты тоже над собой смеёшься.

Мы ездим с горы стоя, лёжа, вдвоём и втроём, скатываемся кубарем, прыгаем вниз головой, как дельфины. Что только не делаем! Всё это продолжается до тех пор, пока кто-нибудь из нас не проваливается под лёд или не поцарапается об какой-нибудь куст или не потеряет валенок и окончательно не заморозит конечности, разыскивая обувь в снежных завалах.

На небе к тому времени уже загораются первые робкие звёздочки, они перемигиваются со снежинками, словно сестрички.

Дома мы накидываемся на еду, как будто не видывали её тысячу лет. Мы едим с жадностью крокодила. Котлеты, пироги, суп – всё вперемешку оказывается у нас во рту.

В печке трещат дрова, за приоткрытой дверцей видно яркое пламя, на которое хочется смотреть вечно. Оно сияет и плещется, будто золотой родник. А на полатах сидит кошка и лижет своего котёнка.

Мама нас уже передела во всё сухое и теперь трясёт валенки у порога. Снега в них больше, чем картошки в кастрюле, которая стоит на плите. Этот снег мы могли бы и сами вытряхнуть, но мы этого не сделали. И, как подобает настоящим раздолбаям, ещё вдобавок где-то на улице мы потеряли варежки и калоши.

Мама нас не ругает. Но мы любим её не за это. А за то, что она не ругает нас, потому что любит. Папа в другой комнате. И он нас за это поругает. Но мы за это на него не обидимся. Ведь он ругает нас, потому что любит.

Мы давно уже усвоили, что семья – это маленькое государство. В нём отец – это правитель, строгий, но справедливый, дети – народ, а мать – уполномоченный по правам человека, который в любом случае за нас заступится. И в этом государстве мы живём счастливо.

Сейчас это детство где-то далеко-далеко, за сотни дней от меня, за тысячи дел и поступков. И домик наш уже согнулся, и до-

рога к нему заросла травой. И нет уже всего этого: выросли дети, уехали в разные стороны, словно семена по ветру разлетелись. Всё ушло, и не вернуть этого, как не заехать на санках вверх по крутой горе, как не повесить назад упавшее яблоко, как не воротить дым из трубы... Мне и жалко тех ушедших мгновений, и радостно вспоминать их. В деревенской жизни много трудностей, крестьянская

жизнь грубая и тяжёлая. Но тогда, в том далёком детстве, было много и хорошего, радостного. И память об этих светлых днях детства всегда помогает мне в жизни, придаёт сил, делает меня счастливой, словно и там, на той большой горе детства, когда-то давным-давно были не просто забава и безделье, а что-то такое большое и важное, без чего просто нельзя прожить.

Елена ЧИСТЯКОВА
Прозаик, член Союза писателей России,
г. Тамбов

ПОЗОРИЩЕ

Слава греет, а позор жжёт

Едва приоткрылась дверь из сеней, и Мария Ермолаевна, развязывая полушалок, переступила порог, как с кровати раздался скрипучий недовольный голос мужа:

– Ну, наконец-то, заждался! А меня тут, гляди-ка, замордовали совсем!

Дед Савватей лежал ничком на постели, а дочь его, склонившись, осторожно снимала со спины отца марлю с размякшими горчичниками. На его слова ухмыльнулась только:

– Ничего, жив будешь! Курить меньше надо или вовсе прекращать своё вонючее увлечение. Ишь ты, жалуется он ещё, ябеда!

Однако дед не унимался:

– Всю ту неделю ходил, как старая божья коровка, в пятнах от банок, теперь – будто засохшая вчерашняя котлета, в горчице вывараканный лежу тут!

– Не гунди, Савватей, – Мария Ермолаевна поставила на стол пузырьки с лекарствами, – вот алтейка, чтоб легче отхаркивалось. Сейчас молока с мёдом, маслом и содой намешаю, – и добавила назидательно, – уж не молоденький, таскаешься всё, балагуришь, а ведь осень на дворе, зябко.

Дед Савватей гулко откашлялся, осторожно перевернулся, улёгся поудобнее, повыше в подушках и, сложив руки на животе поверх одеяла, глядя в пространство, спросил жену:

– Ну, чего там делается, на воле-то? Какие новости?

– Да встретила одну старую знакомую, работали когда-то вместе, так она буднично говорит, мол, внучка беременна, скоро родит. А они и сами не знают от кого, да и лет девчонке, поди, шестнадцать всего! Во дела! Какие времена настали – ни чести девичьей, ни законного брака! И родных, главное, не коробит это! Позорище! – возмутилась, покачав головою, Мария Ермолаевна, подавая мужу питьё.

Медленно, небольшими глотками, выпив горячее молоко, дед Савватей, откинувшись на подушку, утирая, разглаживая рукою усы и бороду, в раздумье произнёс, обращаясь к жене и дочери, сидящим тут же в комнате, за столом:

– Вот вспомнился один случай. Хотите расскажу? Пока чай попьёте – послушаете. Согласные? – и на утвердительный кивок супруги, – ну тогда... Начал.

РАССКАЗ ДЕДА САВВАТЕЯ

Было это в начале нынешнего двадцатого века, в ту пору я уже большенький был, подросток. Работал, как говорится, «на подхвате», «на побегушках», «вьюном вился» у одного зажиточного мужика, прасола Трифона Ферапонтовича Кособрюхова. Платил он мало, зато я сыт всегда бывал, глядишь, и мясца перепадало. А чего ещё-то надо? Чтобы голод не докучал, горячее хлебово да хлебца поболе. А родители мои рады-радешеньки, что лишний рот в люди пошёл.

Трифон Ферапонтович, хоть и не купец, но своё дело имел, первостатейный хозяин! Доставлял товар в город, непосредственно к купчихе третьей гильдии Парамошкиной Глафире Кузьминичне. Она владела лавками с незатейливым, но очень необходимым народу товаром. Хлебные – с калачами да баранками, с ситным да пеклеваным, своя пекарня и производила. Квасы варили да сбитни, рассольного во множестве да квашеного. Пару трактиров, рюмочные да закусовые содержала. Были и мастерские, к примеру, бондари, тару для квашеных овощей да яблок мочёных и всего прочего изготавливали. Кузня своя, а там всё – от подков и накладок на сундуки, от скобяного до замысловатых кованых ворот к оградам. Пошивочная, шорная, да и гончарная. Её коробейники по уездным городам, сёлам да деревенькам ходили со всяческим мелочным, народу нужным. Ярмарки свои и выездные насыщали товарами. На рынке, в больших обжорных рядах, торговали готовой, жареной, пареной пищей и за засаленными столами обедали заплонившие губернский город искатели работы, там дёшево можно было отведать требухи с хреном, похлебать горячего с куриными потрошками, да даже и пустые шти. У Глафиры Кузьминичны свои законные, за нею закреплённые места имелись.

Сдавала Глафира Кузьминична квартиры и дома в наём, с того немалый барыш.

Не скупились она на богатые подношения храмам, богобоязненная была, о душе своей пеклась. На нужды города не жалела,

а может, и пожаливала, да кто об этом знать мог? Богоугодным заведениям – странноприимным домам, домам призрения на содержание сирот, калек и убогих больных, нищих кормила у себя в дармовой столовой. Не забывая о подаяниях, развернулась Глафира Кузьминична основательно. Ну, это как уж водится. За благие дела ей даже дозволялось ездить по городу в своём экипаже, в пароконной коляске, обитой зелёным бархатом, с откидным кожаным верхом, как, к примеру, купечеству второй гильдии и уж первой, конечно.

По заслугам и дозволение, как говорится: «Всё по чину – кто кушает филей, а кто грызёт жилистую конину». Так ведь?

Да, впрочем, купчиха Парамошкина стремилась выше, готовилась перейти во вторую гильдию купечества, финансовое состояние позволяло.

Вот мы на нескольких подводах, гужом, чтобы часто лошадей не гонять, путь-то не близкий, тянулись к ней. Меня с собой брал каждый раз хозяин, хвалил за изворотливость и исполнительность. Возили мы молочное, огородину, битую птицу, крупы, мучку да маслице, овощи и другого съестного много чего, всё и не упомнишь. А ещё пеньку, щетину, да и пряжу, и полотно по сёлам скупали. А из города-то обратно разную дребедень по списку, по заказу. Ведь крепким хозяевам недосуг мотаться, да и от подворья не отойти. Вот мы уж и снабжали. Среди наших мужиков в ту пору гуртовщики-табунщики, погонщики скота знатные имелись, по России-матушке известные. Спросят, бывало:

– Где бы стоящих гуртовщиков найти, скот бы перегнать?

– Как где? Так в Тамбовской губернии, где же ещё, лучше и не сыщете! – отвечали сведущие люди.

Скот крупный рогатый, да и овец, да и табуны коней гоняли в города уездные, бывало, на скотобойню, но чаще всего подальше переправляли, аж за много вёрст от дома, в другие губернии. Продавали там или сдавали с рук на руки заказчикам. Деньгу в загашник – и по домам! Трифон Ферапонтович тоже

попробовал было этим промыслом заняться, пару раз и мы поучаствовали, да бросили. Морока! Бумаг много надо собрать, только по скотогонному тракту, прогону, двигаться, да и вообще уж с конца восьмидесятых годов, по железной дороге в основном, в телячьих вагонах скотину возили. В Тамбов оно, конечно, тоже накладно мотаться, зато вес в обществе и прибыль соизмерима труду, связи нужные заводились. А как же без этого-то? Никак!

Нет, что ни говори, тут чистое дело, выгодное с любой стороны. Ну, продолжу.

Дом у купчихи Парамошкиной просторный, двухэтажный, фасадом на торговую улицу. Во дворе коновязи, клетки, амбары для товара, сарай. В них погреба да ледники. Первый этаж весь – сплошные лавки. Там всё отдельно – мясное, рыбное, бакалея. На втором этаже, в левом крыле, апартаменты самой Глафиры Кузьминичны, а справа – комнаты для заезжих и в наём на длительное время проживания. Достойные люди селились. Всё продумано. Сама-то Глафира Кузьминична была раньше лавочницей, торговала потихоньку мелочью всякой, да удачно замуж вышла за купца Парамошкина, обаяла его своими тучными телесами, подкупила ласковостью да обходительностью. Лет через пяток он помер, стар был уже, наследников не оставил. Тут-то и пробил час Глафиры Кузьминичны, развернула она своё дело с размахом. Поставщиков старалась не менять, так надёжнее.

Вот мы и еживали к ней. Надо признать, выделяла вдова моего хозяина из всех прочих, глянулся он одинокой ей, благоволила. Но меня это не касалось, не моё собачье дело, вот как я рассуждал, а потому рот свой держал на замке. Был за это мил хозяину. Да и то сказать – меньше знаешь, крепче спишь, а я, намотавшись за день так, что косточки мои молодые гудом гудели, падал, где укажут, и тут же проваливался в крепкий сон.

У Трифона Ферапонтовича своих, кровных, помощников не было, все по найму. Его старшей дочери, Мане, только шест-

надцатый годок пошёл, сыну Гриньке – четырнадцать, ещё две дочки по двенадцати годов, близняшки, жена, да мать, да старая бабушка.

Большая семья, а положиться не на кого, бабье царство в основном. Любил со вздохом сожаления говаривать Трифон Ферапонтович:

– Семья-то большая, да хрен ли в ней толку!

Да-а-а! Что тут скажешь, верно!

Как-то по весне, в марте поди, пока ледок морозцы ещё держали, солнце в грязь дорогу не расслонявило, перед распутицей, решил съездить в город Трифон Ферапонтович. Было у него, помимо торгового, тайное дело, о котором пока молчал, а я-то знал. С одним купцом сговориться хотели, да детей своих поженить. Маню отдать за сына того купца. Трифон Ферапонтович наблюдал его промысел не один год – выгодное дело. Тот торговал кожами, овчиной, сын всегда рядом, вникал. Мне он, по честности, не нравился, вихлястый какой-то, да рябой к тому же, будто куры зерно клевали на нём. Но тут «шкурный», торговый интерес меж отцов был, а с лица-то воду не пить. Одевался, правду сказать, справно. Как отторгуются они – сразу в трактир, ознаменовать это событие, покутить, стало быть. Оба, отец и сын, в мягких юфтевых сапогах с «моршынкой» в пять-шесть колец, со вшитой по кругу в голенище верёвкой. В фуражках из валяной белой шерсти, в пиджаках, модных в ту пору. Мой-то благодетель Трифон Ферапонтович тоже не отставал, приглядывался, тянулся за богатыми. На договор или ужин к Глафире Кузьминичне, которая старалась уважить своих поставщиков, ходил достойно. Праздничные плисовые порты фабричной ткани, сюртук серый казинетовый, картуз, по старинке, сапоги со «скрыпом»! Там, между подошвой и стелькой, сухая береста проложена, или толчёный сахар насыпан, кто их, сапожников этих, поймёт. А шик у много, идёт и поскрипывает, сразу к нему всё внимание. Во как! Я-то в лаптях, аль в поршнях с онучами холщовыми, аль шерстяными, обвитыми поворозками, а в сту-

жу лютую – так в валенках. Голытьба, куда уж мне! Года через два сапогами-то разжился.

Дома, отдыхая, любил Трифон Ферапонтович в посконном походить, в пестряди домотканой, рубахе рассупоненной, в портах на гашнике, в онучах с оборами, аль по избе, застеленной половиками, его бабами тканными, просто босиком. Расслаблялся. А вот уж за ворота – ни-ни! В селе все должны знать о достатке его, что человек он богатый да достойный. В селе без этого нельзя, хоть кровь из носу, как говорится, а пыль в глаза пусти! И домочадцам своим запрещал неприбранными выходить на люди – только нарядными.

Из города, отторговавшись удачно, близким Трифон Ферапонтович всегда подарки привозил, никого не обижал. Особенно доченьке старшей!

Маня-то красавица, ладная девка, что фигура, что обличье – не к чему придраться! Да сноровиста, прытка, по дому всё успевала. Большие виды на неё Трифон Ферапонтович имел, да и любил сильно, сладкой жизни дочери хотел, достатка. Но и свой интерес грел в душе. Чуял я, купцом хотел он стать, в гильдию вступить, возвысить себя за счёт брака этого.

– Маня – мой капитал, – любил говаривать, и при этом губы растягивались в блаженной улыбке, глаза становились добрыми, увлажнялись от чувств нежных.

Подарки всегда выбирал сам, тщательно. В селе девки-подружки щупали, мяли в руках, только что не нюхали, глаза закатывали и охали, завидовали шибко, страсть как, рассматривая полушалки, шали с набивкой из ярких цветов и бутонов, сарафаны с воланами и прошвой, бусы-колодайки, шерстянки-юбки с кубовой набивкой, жакетки, кофты, плисовые пиджачки, душегреи. Загляденье! А козловые сапожки, тож со «скрыпом»? Оторочены красным бархатом, каблучок-рюмочка! Чудо!

Так вот. Ведомый торговыми делами и своим тайным интересом, спешил Кособрюхов в город на заранее намеченную встречу. А дома, между тем, случилось вот что. Истопили бабы баню, намылись все, а последней зашла

Маня, сказавшись занятою до поры, раньше, мол, недосуг. Баня уж изрядно простыла ко времени, когда, заперев дверь на крючок, девушка принялась раздеваться в предбаннике. Медленно, сгибаясь, постанывая, она кое-как стянула с себя одежду и положила руки на выпуклый свой живот. Поглаживая, старалась усмирить боль, которая приливами нестерпимо накатывала, бросая в жар всё тело.

– Господи, – вскрикнула несчастная, молитвенно сложив руки, – помогни, не оставь без милости твоёй! Матушка Пресвятая Богородица, прости прегрешения мои, вольные и невольные! Облегчи страдания мои!

Через силу, скрючившись в три погибели, Маня набрала шайку кипятка и выплеснула на пол, потом погрузила в кипяток нож, которым щепу готовили на розжиг. Вытащила из сарафана толстую суровую нить и, не в силах больше терпеть муки, упала, повалилась навзничь на пол. Простоволосая, с безумными от ужаса, неизвестности и боли глазами, закусив прядь волос, чтобы не кричать, после некоторых усилий разрешилась Маня от бремени, опросталась, произведя на божий свет сына. Перерезала пуповину и завязала ниткой на узелок у основания. Младенец лежал на полу рядом с Маней и хриловато попискивал-покрёхтывал. Немного передохнув, роженица встала на колени, с усилием поднялась на ноги и, принеся из предбанника чистую сменную свою рубаху, завернула в неё дитя.

– А чаво дальше? – подумалось ей. – А ни-ча-во путнава! – пришёл ответ.

Вскоре мать, озабоченная долгим мытьём дочери, вспомнив, что ей нездоровилось, пришла к бане, долго стучалась, а заглянув в мутное оконце и увидав дочь, да не одну, схватила с колоды топор и, шарахнув по двери, выбила её.

Что тут началось! Крик, вой! Мать рвала на себе волосы, ощутив, какую беду сотворила Маня. Придя немного в себя, она помогла дочери одеться и увела в дом, обескуражив там всех новым членом семьи:

– В сарахане на лифе ходила всё, вот и не видать было, што в тягостях, да и на сно-

сях тож неприметно было! – выла мать, вдруг присев к столу, припала головою на руки и запричитала: – Ой, чаво будить таперя, страшуся гадать! Ой, затычины мене не избегнуть! А то чаво жа, матерь-та завсягда винаватая, как ба ни повярнулася! Убила, убила, зарезала без ножа нас с тятенькой! Позор-та какой на весь наш род! – И, повернувшись к безвольно сидящей дочери, выкрикнула вопросом: – Кто мярзавец-та? А ну, сказвай живо мене!

Та, немного помолчав, поколебавшись, выдохнула тихо:

– Васька Бедяев.

Мать так и подпрыгнула:

– Кто? Бедяев? Он жа венчанай, дитё иметь, жёнка другим тяжёла ходить, а ён, кобель дранай! Ой, горе, горе! Стало быть, не возъмёт тебе, миром не уладить! Куды бечь, чаво таперя будить? – Мать вцепилась в свои и без того всклокоченные волосы обеими руками.

Терпеливо молчавшая доселе свекровка вскинулась от печи, взвизгнула, закричала на невестку, обвиняя:

– Всё ты, ты за девкай не усядила! Вот Триша возвярнётся, он тебе задасть, растряпёха! И куды глядела!

– Конешна, каму жа ещё, мене ответ дяржать! – обречённо тихо вздохнула мать.

Младшие дети, забившись в угол, не понимая ещё размаха беды, постигшей семью, жались друг к дружке, всхлипывали, поддаваясь общему настроению.

В это время старая бабушка, мать свекрови, до которой дошло, что случилось с правнучкой, заголосила:

– О-о-х! Да не наденисси ты, Маня, в ряднай нявестин шеломок! О-о-х! Да приговорила я тебе рогатаю кичку, а ты вона чаво удумала – умудрила-а-а! О-о-ох! Самолично шила тебе, обшивала златом-серебром свадьбошной наряд! Ждала часу, не помёрла, тярпела, а ты-та, ты! Иде у тебе девичий стыд?

– Замолкнитя уже, маманя, и так тошно! Девичий стыд токма до порога, преступила, так и забыла! – урезонила старушку-мать свекровь – и к Мане:

– Чем жа он табе глянулси, жанатай мужик? Нешта можна тах-та? И иде статакалися тольки?

– Он хорошай, бабаня, – пролепетала бледная, измученная Маня, готовая повалиться с лавки от пережитого.

– Хорошай! Поди-ка ты! Да штоба яво свяло да скорчило, повяло да покоробило, согнуло да скособочило, затрясло да выгнуло, перевярнуло да шлёмнуло, ушибло да прибило – такого необныкнавеннава-та-а-а!

От каждого её выкрика несчастная всё ниже клонилась с лавки, не смея, да и не имея сил перечить.

– Ну будя уж вам, будя, – плаксиво попросила свекровку мать девушки, – ничаво взад не воротишь! Гляньте, она еле жива, в постелю надоть полóжить, да и малец вона напрудил, завярнуть ба в чаво сухоя. Икаить, замёрз поди, закуляхтат ба в тёпленькая. Зыбка у нас иде? Принесть надоть да причапить, – и обращаясь к Мане, – сама, поди, из зыбки тока-тока вылезла, а уж таперя зыбай свою дитё. О-хо-хо, грехи наши тяжкия! В рай не пуцають.

Все промолчали на это, а чего скажеш-то, верно.

Наконец, «спустив пар», женщины немного угомонились, стали рассуждать здраво, по-деловому, захлопотали вокруг роженицы и младенца. Вскоре он спал, посапывал уже в колыбельке, а рядом, на постели, раскинулась-разметалась уставшая, обессиленная Маня. Сон не шёл, и когда семья улеглась на покой, погрузилась в воспоминания.

Как-то в самом начале лета, схватив туесок, побежала Маня через мосток к ближнему лесу, за земляничкой. Подоткнув подол, чтоб не вымок, перебираясь через ложбинки да буераки, подгоняемая обжигающей влагой утренних росных трав, она стремилась к знакомой полянке. Там, на солнечном припёке, будто яркие капельки, манили, дразнили и зазывали спелые землянички. А много-то как! Споро, одну за другой, встав на колени, принялась собирать ягоды Маня.

– Подругам нарошно не указваю заветное местечко! Ещё чаво, а как повадятся кажно

лето сюды бегать? А мене тады иде собирать? Нет уж, умоются – утрутся! – хитро рассуждала Маня.

Туесок наполнился быстро, влёт:

– Завтра аль послезавтра опять прибягу, пушай наспеют пока, – решила она.

А домой-то спешить не хотелось. За-метив неподалёку крупные цветы ромашки, принялась рвать их, да яркие гвоздички малиновые собирать. Веночек уселась плести, а как приспособила его на голову, то отправилась к пруду недалеко, за бугорком, поглядеться в воду. Хороша ли?

Там-то и повстречала Василия Бедяева, аж сердце захолонуло. Высокий, статный, хорош собой, нравился Мане, поглядывала она исподтишка на парня, да мала была! Не по Сеньке шапка! А года два, как Василия женили. Увидав его так близко, обмерла, встав как вкопанная.

Василий, облокотив о берёзку косу, умывался, опустившись на одно колено у воды. Увидев девушку, обрадовался, принялся «лить елей» ей в ушки. Мол, всегда её примечал да выделял из всех. Присели в те-нёчке, смеялись, балагурили. Он нежно гладил Маню по плечу, норовя заглянуть в глаза, приподнимая за подбородок стыдливо наклоненную девичью головку.

А поглядев в зеленюватые, наивные, лучащиеся нежностью глазки, наклонился и поцеловал, прямо в губки, пахнувшие земляничкой. Потом ещё, и ещё. Всё поплыло у Мани перед взором, и под его настойчивой рукой упала девушка навзничь, потеряв себя и честь свою. Так это и случилось.

Под предлогом сбора ягод ходила Маня на встречи с Василием ещё несколько раз, забыв осторожность и стыд. Вскоре начались затяжные дожди, вызвавшие потоки слёз из глаз Мани. Сидя в укромном уголке, она рыдала, горюя, что их встречи оборвались, так больше и не случившись. Выпытала потихоньку у подружек Маня, что уехал Василий в извоз, надолго. Сама же почувствовала недомогание, тошноту да помороки и поняла – понесла!

«Ох! Несчастливая моя головка, не избегнуть таперя беды! – с ужасом думала Маня. – Тятеньку жаль, как ба удар не хватил!»

Да, беда и богатого мужика обездолит!

Шли месяцы, и пришлось пересмотреть Мане свою одежду, поменять платье с воланом на свободный сарафан, поверх него – шушпан. А к зиме-то – дублёная шуба. Так незаметен был подрастающий живот. Встретила Маня как-то на Рождество Христово у церкви Василия. Шёл нарядный, порты с вытравленными вилюшками по синему фону, дублёный полушубок, на голове гречневик коричневый. Красавец прямо! Маня аж приостановилась, замерла! А Василий скользнул по ней взглядом безразличным и прошёл мимо. Сначала опешила, потом, поразмыслив, нашла оправдание любимому девушке. Шёл он в храм с женою, под «кренделёк», а вокруг родня, его мать с отцом, да жёнкины братья, да кумовья. Ох, как же тяжело на душе было у Мани! Так тяжело – и не передать!

Сон, наконец одолел, сморил бедную и, смежив веки припухших от слёз глаз, уснула несчастная Маня.

В трепетном ожидании приезда хозяйна прошло несколько дней. Детям и наёмным работникам строго-настрого было запрещено рассказывать о случившемся.

Маня за ворота до поры до времени не выходила. Вроде всё шито-крыто. Однако шило в мешке не утаишь, видно, прознали на селе о том, что родила Маня в девках и от кого родила. И полетел шепоток по селу!

Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол.

Как-то поутру, через несколько дней после родов Мани, мать отправляет Гриньку:

– Поди-кась, заруби кочета таво, клювачева. Сладу с им нету. Надысь, вона, башку пробил белому-та, назола! Ой, поторопись, чаво мнёсси, лапши натру. Ноня али завтра к утру тятенька, поди, приедить.

– Я на сборы больна скор, подвязалси да пошёл, – засовывая ноги в валенки, от порога шутканул Гринька.

– Табе-та об чём печаль, а я в сумленях вся, чаво будить, одному Богу видать!

Взгреить уж, об этим не сумлеваюся, о-хо-хо! Опляухами, поди, не обойдесси! А то чаво жа, мамка в этом деле завсегда виновная, как ба ни повярнулося, – жаловалась она сыну, со страху талдыча одно и то же, – ой, встряска, поди, ёмкая будить мене!

Но встряска случилась гораздо раньше приезда Трифона Ферапонтовича.

Гринька вскорости влетел в избу с выпученными глазами и заверещал:

– Маманя, бабаня! Гурьбою Васькиной жёнки братья бягутъ сюды! С дрекольем, а у старшОва-та – сляга! Нас прибить, поди, бягутъ!

В избе поднялась суматоха, случилась кутерьма!

– Метнись-ка, Гринька, заложу ворота, зачини калитку от етих бусурманов! – выкрикнула мать. – А ты, Маня, хватай дитё – да за печь, и сяди тама, гляди никшни! Прижукни!

Свекровь кинулась из избы затворять наглухо ставни, от греха, да столкнулась посередь горницы с мамкой своей, старой бабушкой, та шлёпала к столу похлебать тюри. Закружились, захороводили, не разойдутся никак!

– Сидели ба, маманя, до поры у сабе в закутку, куды прётися! Аль ня чуитя, бяда у нас?

Старушка переполошилась, вылупила подслеповатые глазки свои, всплеснула ручонками:

– Кака така бяда? Анбар горить? Али ворог вайной идётъ? Турак аль хранцуз прётъ?

Свекровь не стерпела, крикнула прямо в ухо матери:

– Ворог туташнай!

– Туташнай? Свят, свят! Откеля? Пряма отселя? Вотта жа, супастат! – старушка подхватила миску с тюрей со стола и скоренько засеменила, трусцой поспешила в закуток.

Маня сидела за печью на лавке ни жива ни мертва, прижимала дитё к груди:

– Да не надумаются они, нелюди штоля? Не насмелются, не-а!

Однако вскоре в избе все услышали гулкие удары в ворота, треск досок, брань и выкрики:

– Бяспутная! Гулёна! Влезла в чужой гарод! Прибить таку потаскушку мало! – и визгливый бабий голос: – Поостерегися, народ, брать из етава дому девку, с подвохом оне! В подоле, гляди-кась, принясутъ, не отмоисси тады!

И другие, более ёмкие да обидные, слова полетели через высокий забор Кособрюховых, достигнув ушей всех живущих в доме.

– Эта оне Тришу очернить норовять, пока яво в дому нету, – тихо вздохнула свекровь, разглаживая рукою запон на коленях, – на расправу скорыя, коль хозяин в отъезди!

– Набуздыкалися таперя самогону и куражаца, анчутки, – в сердцах выдала Манина мать, – вот приедить Трифон-та Ферапонтыч, он им задасть! Ишь ты, глумица оне будутъ, тварюги!

Старенькая бабушка в закутке тоненько завывала.

Маня крепче прижала дитё к груди.

– Прости, прости, тятенька роднай, беспутнаю мене! – Слёзы горячие, слёзы раскаяния текли ручейками по бледным от пережитого и страданий душевных щёчкам Мани.

Вскоре вроде стихло за воротами, будто ушли, отступились. Подождав несколько, Гринька осторожно приоткрыл калитку, взглянул. Никого! Сделав ещё шаг наружу, не отпуская всё же калитку, почувствовал на руках что-то липкое, вонючее. Батюшки светы – дёготь!

– Маманя! Нам ворота дёгтем испоганили! Опозорили, – закричал, врываясь в избу, парнишка.

– Ой! Чаво жа ета? Нам не перенестъ! – заголосила маманя, а свекровь решительно скомандовала:

– Ахи да охи не дадутъ подмоги! А ну-кась, Гринька, тащи скрябок, ножик там аль чаво другая бяритя и пошли ворота скрясти, да живея, покуда суседи не очухалися. – И добавила, погрозив куда-то вдаль: – Вот приедить Триша, юшкою умоитися, вороги!

Дёготь оказался на редкость вонючий, да липкий – прогонка осиновая.

Недаром говорится: «Где дёготь побывает, не скоро дух выйдет».

Несколько часов кряду мать, свекровь-бабушка и Гринька, подменяя друг друга и все вместе, с усилием скребли, счищали дёготь с ворот. Соскобленное относили за двор и закапывали. Народу в проулке было не видать, но чувствовалось, что из-за занавесок и подворотен, из-за углов домов и кустов глядят и многие потирают руки от злорадства, мол, так вам и надо – богатеи! Ох, недолюбливали, правду сказать, Кособрюховых в селе за достаток и желание жить по-богатому. И то сказать, а кому же это понравится?

Наконец управились. Ворота, издавая всё ж зловонный запах, выглядели тем не менее нарядно, как новые, свежеструганные.

Между тем Трифон Ферапонтович уже подъезжал к дому, каких-то пяток вёрст осталось. Поездкой был доволен. Вёз товар, востребованный в селе, заказы все выполнил, подарки семье, впрочем, как всегда. Приобрёл даже самовар ведёрный, латунный, прикупил стеклянные стаканы, чай хлебать, да часы на стену, ходики, с маятником и гирьками. Их выставляли по солнышку, приблизительно, стало быть. Неважно, главное – шик. Но ценнее всего то, что сговор состоялся, запили его от души, по рукам вдарили.

– Вот а уж обрадуются бабы мои, – не без удовольствия размышлял Трифон Ферапонтович, – выгодная партия сложилась, будить Маня моя купчиха, купеческая жана! Эта вам ни так сабе, чаво ни попадя! Понятию надоть иметь! А тама, гляди, и я подтянуса, Трифон Ферапонтович Кособрюхов – звучить ёмка!

Спустившись с пригорка, санный обоз из трёх подвод, похрустывая истончённым ледком, крошащимся под полозьями, вкатился в село. Лошади потянули веселее, замотали головами, помогая себе, затрясли гривами, чуя своё подворье, тёплое стойло и заслуженный покой.

– Тпру-у-у! – с удивлением Трифон Ферапонтович воззрился на свои ворота, сперва даже не признал. Белели они выскобленными тесинами, а снег перед забором вытопан, сплошное месиво грязное, оконные ставни наглухо закрыты. Лошади, учуяв неприятный за-

пах, принялись стричь ушами, раздувать ноздри, всхрапывать. Хозяину стало не по себе.

«Аль мой двор съезжим твориться, что всяк в него ломиться? Чаво жа эта, в толк не приму? Неуж-та бабаны померла, мене не дождалася, – будто пробежала в уме испуганная мысль. Любил он старую, её пестун был Трифон Ферапонтович. – Уезжал-та, дён десяток как, можа чуток поболе, так бодренька была, мельтешила всё по избе».

Резко да громко подолбил кнутовищем в калитку. Услыхал, как в избе осторожно скрипнула дверь, послышалось дыхание, будто кто-то разглядывал приезжих в щель.

– Отчиняй, давай, чаво куньдэпаисси! – недовольно прокричал хозяин.

Враз послышалась возня, ворота распахнули, и обоз цугом втянулся во двор. С тяжёлым сердцем вошёл в сени, с трепетом отворил дверь в избу Трифон Ферапонтович. Он обвёл ищущим взглядом горницу.

«Слава Богу! Все тут!» – пронеслось в голове.

Вдруг глаза выхватили в полутёмном углу, у разобранной постели, с потолка свисающую колыбельку.

– Это чаво жа? – удивлённо обратился к примолкнувшим домочадцам.

Свекровь решила взять удар на себя, выступив вперёд:

– Да эта, Триша, Манечка наша принясла детёнка. Пять дён уж как, в бане, самочинно.

– Не гневись, Трифон Ферапонтыч, всё ж кровиночка наша! Бес попутал девку! – осмелилась и супруга вставить словечко. – Што хошь со мной делай, не углядела! Так уж всё скрытно провярнула!

– Хто?– односложно спросил Трифон Ферапонтович жену.

– Так Васья Бедяев! Будь он неладен! Пропади он пропадом, гадёныш!

Насупился Трифон Ферапонтович.

– Гляди-ка! Всяка козявка лезить в букашки! Дярь-мо!– отчеканил с презрением. – Посля разбяруса уж, – пообещал с угрозой.

– А ворота? – выдохнул вновь вопрос хозяин.

– Так вот, – развела руками жена, – ноня громили, – она всхлипнула, – дёгтям мазали, матюгами крыли, дрекольем долбили. Позорили!

Со всей силы ударил кулаком по столу хозяин, будто всё для себя уяснил.

На удивление домочадцев не стал драться или кричать Трифон Ферапонтович. Пройдя к столу, сел, положив голову на руки, заплакал. Сильный, здоровый мужик рыдал, сотрясаясь всем телом, и никто не смел приблизиться в этот момент к нему, жались по углам. Оплакивал свои рухнувшие мечты и надежды, непредвиденное унижение.

Правду говорят: «Знал бы где упадёшь, там соломку подстелил». Эхе-хе!

Маня у колыбельки сына, заламывая руки, давилась слезами, не смея издать и звука.

Выплакавшись, утерев лицо большим носовым платком, Трифон Ферапонтович произнёс с необычайной тоской:

– Эх вы-ы-ы! Счастья сваю не поняли! Ба-бы-ы-ы! Рвалси, рвалси, лез, упиралси. Всё продумал, а вы подножку мене подставили! Так и останимси голью перякатнай. Не быть нам с достатком, потому как амбар крепок, да углы дюжа худы!

Он махнул в сердцах рукою и вышел из избы, хлопнув дверью. Тишина в горнице наступила такая, что, кажется, муха пролетит – громом покажется. Переживало семейство. Вернувшись вскоре, подошёл к колыбельке Кособрюхов, посмотрел хмуро, ничего не сказал. Походив по горнице из угла в угол, наконец выдал домочадцам решение своё:

– Отмыкайте скрыни – сундуки да укладки, собирайте Маню. В город повязу. Малец останется здесь, выпестуем сами. – Грозно оглядев всех, предупредил: – И ничаво не сказывайте мене поперёк! Решено! Баста! – И добавил: – затемно тронимси, меньше перясудов будить. По-зо-ри-ще!

Не посмела Маня перечить тятеньке, душа рвалась за сына, но не посмела. Её ли дело в «пузырь лезть», когда такого натворила.

Ещё до света, загрузив короб с одеждой, бельём, горбатый дорожный сундучок с наря-

дами, распрощавшись с близкими, умываясь горячими слезами, уехала Маня в город, в новую, неизвестную доселе, жизнь. Вот так-то.

Мария Ермолаевна с дочерью утирали слёзы, дослушав рассказ деда Савватая. Однако, напоив его лекарствами и чаем с малиной, всё ж принялись допытываться, чем дело кончилось, как судьба Мани сложилась далее. Помнит ли?

– Как сложилась? Да обычно. Привёз её отец к купчихе Глафире Кузьминичне Парамошкиной, та вошла в положение и оставила Маню у себя в услужении. Перед купцом, будущим сватом, пришлось извиняться, расшаркиваться, подарками ублажать его и сынка, нести околесицу, мол, девка больная, с червоточинкой. Что он, Трифон Ферапонтович, мол, не станет такому уважаемому человеку бракованную девку подсуропливать, хоть она и дочь. В общем, рассыпаясь мелким бесом, заискивая, утрясли неурядицу. Стала Маня горничной, убирала покои жильцов. Приобщалась к городской жизни. Ходила на променады с купчихой, зонтик за ней носила, да в церкву сопровождала, да по надобностям торговым. Поднаторела мал-малю в рыночных делах, хитринку приобрела, сметливость, смекалка появилась. А примерно через годок замуж выдала её Глафира Кузьминична за отставного унтер-офицера, человека немолодого, но достойного, имеющего собственный особнячок и приличную пенсию, по заслугам. Маню к делу своему приобщила, компаньонкой взяла, благо начальный капиталец у мужа её был, да и тятенька Трифон Ферапонтович подсобил, чем уж мог. Чувствовалось по всему, Маня в отца пошла хваткой, быстро смекнула, что к чему.

Внука Трифон Ферапонтович ей в город не отдал. Пригласил батюшку, окрестили мальчика, нарекли по святцам, Афанасием. Смыслённый рос парнишка. А с Васькой Бедяевым разобрался Трифон Ферапонтович по-свойски, наказал, одним словом.

– Поросычий хвост, – сказал о нём с презрением, когда соблазнитель упал на колени

перед Трифоном Ферапонтовичем и принялся мямлить и сопли-слёзы размазывать по роже, дескать – всё Маня, сама приставала. И это мужик? От кого порой девки млеют – уму непостижимо! Приглядеться бы надо, чего тот сердцеед стоит. А они в омут с головою! Торопыги!

Тот позор, который пришлось пережить, даром не прошёл. Подрастали близняшки, да кривотолки о непорядочности женского племени семьи Кособрюховых, лёгкости в отношениях мешали им составить партию, вступить в замужество. Что же вы хотите, враз не отмоешься, коль замарались, память долгая на плохое. Так уж в селе заведено было. Да-а-а!

Как говорится: «Пусти уши в люди, всякого наслушаешься».

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

первостатейный – очень хороший, перво- сортный (устаревшее, просторечное)

прасол – перекупщик, закупщик по деревням пеньки, холста и др. товара

казинет – старинная плотная полушерстяная ткань

поршини – обувь из одного куска кожи, собранная на шнурок и схваченная ремешком вокруг щиколотки

посконь – из конопли (мужс. особи) домотканый холст, посконина – женская конопля – матёрка, из неё волокна больше

пестрядь – полотно домотканное из нитей разного цвета

рассупоненный – (переносн.) расстёгнутый, раскрытый, освобождённый от того, что мешало. Супонь – ремень, стягивающий лошадиный хомут на упряжи (переносн.) – не подпоясанный

гашиник – плетёный пояс, подвязывали порты, понёвы. Есть слово в обиходе – загашник, класть деньги про запас в «загашник», за пояс.

онучи с поворозами (опорками) – тип портянок с тонкими кожаными или плетёными

шнурками, обматывали икры ног, опорки – рус. назв., общеславянское – поворозки.

бусы колодайки, колодушки – точёные деревянные бусы (тамб.)

шеломок – головной убор невесты (тамб.)

рогатая кика или кичка – головной свадебный убор жен. (тамб.)

шушпан, шушун – женск. верхняя одежда свободного кроя из грубого льна

гречневик – высокая муж. шапка с короткими полями, белая или коричневая. По форме напоминала гречневый пирог.

пОморочи – потеря сознания, помрачение ума

дреколье – оружие из дубинок, часто утыканное гвоздями (палки, колья и др.)

слега – жердь, то же, что и оглобля, только длиннее

нишкни – молчок! (тамб., ряз.)

прижукни – притихни! (тамб., ряз.)

набуздыкались – обпились, много выпили

юшка – бульон, здесь – кровь

отчиняй – открывай, отворяй (тамб., калужс., малорос., курск.)

талдычить – надоедливо повторять одно и то же

самочинно – самовольно

куньдѣпаешься – долго возишься (тамб.)

мельтешила – суетилась, мелькала перед глазами (тамб.)

извоз – крестьянский отхожий промысел, перевозка грузов лошадьми.

барыш, навар – просторечн. доход, материальная выгода (великорусский говор, позаимствовано из тюркского яз.)

зыбка – зыбать, колыхать, люлька (общ. название – колыбель). Подвешивалась к матице потолка, на спираль или гибкую слегу (очеп). Колыхалась вверх-вниз, а люлька (качка) – на крюк и качалась из стороны в сторону.

ничком – лицом вниз, на живот

навзничь – на спину

обжорные ряды – особенно в XIX веке на местных рынках отводились места с готовой пищей, где всегда дёшево можно было поесть пришлому человеку.

Владимир МОСКАЛИК

Поэт, г. Тамбов

УШЛИ МОИ СТАРИКИ

Бродит память по дому неслышно,
Стало меньше под крышей жильцов.
Стариковская парочка вышла –
Не найти ни следа, ни концов.

Голоса раздаются другие,
Светит в небе другая звезда...
Старики вы мои дорогие,
Вы ушли безвозвратно куда?

Нету мамы, смолк шелест халата,
На веранде отец не дымит...
И, вздыхая о том виновато,
Память каждую мелочь хранит.

Пляшет солнечный блик на портрете,
Может, шлют они весточку мне...
Видно, писем обычных в конверте
С того света не пишут родне.

Понимаю, что нету их больше,
Но не в силах привыкнуть к тому.
Дай мне с ними свидание, Боже,
Хоть ещё не давал никому.

Сколько мной не досказано было...
Ах, как поздно слова проросли!
Так они и ушли, и в могилу
Многоточье моё унесли.

ТЕЛЕФОННОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Встретились. Понравились друг другу.
Но, увы, сменил сердечный жар
Бесконечно пущенный по кругу
Телефонно-разговорный жанр.

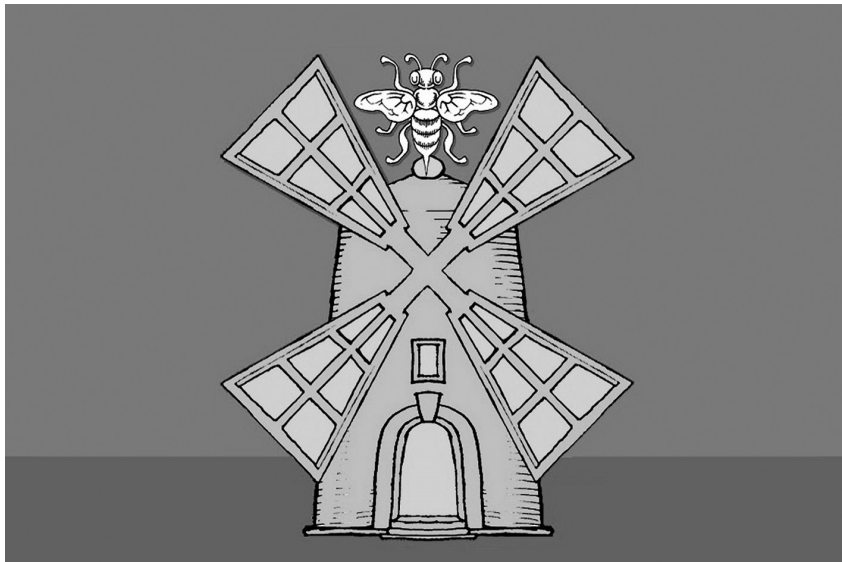
Этого ему хотелось разве?
Этого хотелось, разве, ей?
Так вот в разговорах и увязли
Телефономаны наших дней.

Вместо поцелуев и объятий
И заветной близости сторон –
Две поврозь холодные кровати
И прижатый к уху телефон.

НЕДУГ

Я молился стократно на дне –
Жадно, в пояс.
Боже правый, сруби на корню
Мою болезнь.
Прицепилась, нет сил оторвать –
Впору палкой
В ишемию, треклятую мать,
И в мерцалку!
Терапия избыла ресурс,
Шанс растаял.
На тебя вся надежда, Иисус,
Не остави!
Пусть нажитые мною грехи
Кровью смоет,
Когда ангел Твой с лёгкой руки
Грудь мне вскроет.
Бьётся птицею страх в ней, знобя,
К стенке пятя...
Я молился, без фальши любя
Лик с распятья.
И когда уходил в пустоту,
В тьму немую,
Льнул я грешной душой ко кресту,
Льнул к Нему я.
Всё прошло, мой недуг отсечён,
Вновь в пути я...
Видно, что-то мне всё же зачёл
Врач-мессия.

ГОЛОСА ЖЕРДЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

Во многих городах и районах Тамбовской области созданы и активно работают литературные объединения, кружки, которые заняты важнейшим делом – они собирают творческих людей, дают им возможность поделиться творчеством и обрести круг читателей. Большое внимание уделяется и работе над словом, чтобы каждый самобытный автор совершенствовал стиль, рос над собой и добивался новых высот. Нередко начинающий автор, работая в районном объединении, постепенно оттачивает мастерство, публикуется в солидных литературных изданиях, вступает в Союз писателей России.

Сегодняшний номер альманаха «Литературный Тамбов» мы недаром решили посвятить теме малой родины, ведь именно в глубинке подчас рождаются самые честные, точные, красивые и глубокие строки. Мы хотим ознакомить наших читателей с творчеством земляков, объединённых в литературные организации районов, и открывает эту рубрику подборка авто-

ров Жердевского района, где совсем недавно создан и плодотворно работает литературный клуб «Парус» при межпоселенческой центральной библиотеке района. Руководит им известный поэт, популяризатор культуры Михаил Волчихин.

– Основная цель нашей работы – привлечение читательского интереса к творчеству поэтов и прозаиков Тамбовщины, развитие творческой сре-

ды для организации культурного досуга жителей района, поиск и поддержка молодых талантов, пробующих себя в литературных жанрах, – говорит Михаил Васильевич. – В наш литературный альянс вошли местные поэты, барды, любители словесности. Мы рады всем, кто любит и ценит искусство прозы и поэзии. Главное условие, открывающее двери для новых членов «Паруса», – желание участвовать в популяризации художественного слова.

Члены объединения принимают участие в районных культурно-массовых мероприятиях, областных конкурсах и фестивалях.

Редакция альманаха «Литературный Тамбов» призывает литературные объединения Тамбовщины активнее рассказывать о себе, делиться итогами работы, планами на будущее. Мы ждём информацию о работе литобъединений, а также подборки стихов, прозы, заметок и статей краеведческой тематики на нашу электронную почту littambov@mail.ru.

Василий КРАСНОВ

Поэт, краевед, член литактива
Тамбовского отделения
Союза писателей, г. Жердевка

СЧАСТЬЕ

За тридевять земель пойдёшь –
Конечно, счастья не найдёшь.
Оно, родимое, под боком,
Его лишь надо разглядеть –
Дом у пруда, деревьев медь –
Недремлющим, сверлящим оком.

Оно чужое, то есть наше.
Наверно, не бывает краше
И горше своего гнезда.
Душа, как Финист-сокол, бьётся,
А что ей, глупой, остаётся –
Желать иль сгинуть в никуда.

Нельзя в России быть пророком,
От них проблемы лежебокам,
А зрячим – головная боль.
Нас снова поджимают сроки.
Не до истории уроков.
Зачем на раны сыпать соль...

Ведь на извечные вопросы
Не стало меньше нынче спроса –
Он постоянным будет впредь.
Нам не до жиру – кровь из носа –
Идти вперёд без перекосов,
Но где она, в России, твердь...

* * *

Павлинье перо обронила заря
В остывшего озера лик темноокий.
Тамбовщина. Осень. Конец сентября.
Как ржавые лезвия, листья осоки.
Луны недокованный тусклый бердыш
Опять занесён надо мной для удара,
Да глупая кроха – летучая мышь –
Зачем-то раскинула крылья-радары.
Ах, если бы можно в охапку сгрести
И этот закат, и его отраженьё,
Чтоб в тёплую избу навек принести,
Не встретив совсем твоего возраженья.
И руки испачкав в малиновый цвет,
И охрою бледные щёки измазав,
Забывать, что наутро наступит рассвет,
Что солнцу не будет, как людям, приказа.
А после упавшую в невод звезду
Подвесить в углу вместо старой лампадки.
Забывать про корысть. И не требовать мзду.
И рыбой не биться в последнем припадке.
А просто курить, протирая стволы,
На шомпол нанизывать дымные кольца
И думать, как люди ничтожно малы,
Коль нет за закатом прийти добровольца.

* * *

Иду сквозь бой перепелиный,
Росы сбивая жемчуга,
Где купиной неопалимой
Зари окрашены стога.

Где на сорочьей перепалке
Две бойких кумушки сошлись
И, словно древние весталки,
Соединяют даль и близь.

Холстом отбеленным по лугу
Туман невидимой рукой
Расстелен, и сова упруго
Усугубляет непокой.

А в небе – не орлиный клёкот,
Не августовских звёзд поток,
А конницы небесной топот,
Что утекает на восток.

И я, по пояс погружаясь
В туман, шагаю вдоль реки.
Нигде совсем не отражаясь,
Земным законам вопреки.

И только жаворонок ранний,
Буравя трелью небосвод,
Меня под сердце песней ранит
И камнем в травы упадёт.

* * *

Ни кола ни двора. Только боль,
Что крапивой глухой проросла.
Здесь земная открылась юдоль
И по кругу меня понесла.

От отцовского сада – лишь пни.
От колодца – зловещий провал.
Ты меня, моя память, распни,
Чтобы лучшее не забывал.

Как болото кулик – уголок
Поля Дикого я не хвалил.
Двадцать лет для деревни – не срок,
Чтобы выбиться напрочь из сил.

Отчего лишь на грани беды
Мы стучимся в закрытую дверь?
Ни живой и ни прочей воды
Не напиться мне в доме теперь.

Не проверить оконных глазниц,
Уперевшись по-детски в стекло.
Сколько милых, доверчивых лиц
Здесь ютиться под крышей могло.

Ветер сыплет листвы канифоль.
Ни крыла за спиной, ни весла.
И в душе моей боль, только боль,
Что забвенья травой проросла.

* * *

Алым бархатом драпирована,
На востоке заря встаёт.
И, созвездиями подкована,
Ночь из облака влагу пьёт.

Чёрный шлейф её развевается,
Ускользает за край земли.
Ночь, конечно же, притворяется,
Что исчезнет навек вдали.

А заря, словно красна девица,
Расцветает румянцем щёк.
И туман над долиной стелется.
Он исчезнет в короткий срок.
Превратится в росу холодную,
Сизым облаком проплывёт
Над рекою неполноводною,
Что давно в никуда течёт.

Над забытым убогим кладбищем,
Где всего лишь звезда одна.
Над когда-то обильным пастбищем,
Над колодцем, что был без дна.

Над стернёю, немного колкою,
Паутину собравшей вновь.
Там, где перепел с перепёлкою
Разговаривают про любовь.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Всё явилось будто ниоткуда.
 Ширь небес и дали глубина –
 Непередаваемое чудо,
 Без границ и мыслимого дна.

Свет дневной божественно струится,
 Плавно перекрашиваясь в ночь.
 Лебедь чёрный, лебедь белый – птицы,
 Два крыла познания точь-в-точь.

В двоевластье их неутомимом
 Мирозданья плещется река,
 Необъятна и неповторима,
 Как любовь, как вечность, как строка.

* * *

Без гончарного круга, вручную
 Землю вылепив, точно сосуд,
 Мастер вынул заслонку печную
 И творенье представил на суд.
 Засверкали созвездий заклёпки.
 Месяц долькой лимонной завис.
 Молодой, неуклюжий и робкий,
 Он глядел ошарашенно вниз.
 Там волна океана качала
 Отраженье земное его.
 Это было планеты начало:
 Ни людей, ни зверей – ничего!

ТРОИЦА

Перекрестившись, кружку кваса
 Он залпом выпил, а потом
 Потрогал кисть, поправил рясу
 И страх оставил за бортом.
 Доска, пропитанная грунтом,
 Девицей красною ждала.
 Вся без задоринки, без шпунта,
 Тиха, как ангел, и светла.
 И было первое касанье –
 Мазок – божественнейший вдох.
 Бессмертное произрастанье
 Творения сквозь тьму эпох.
 Монахи в келью заходили,

Шептались за спиной, дивясь
 Тому, в какой тогда был силе
 Андрей – иконописи князь.
 А он, измученный постами,
 Стеснялся лишний раз вздохнуть,
 Между землёй и небесами
 Прокладывая людям путь.

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Я знают точно: близко этот храм.
 Он с новым рядом, только чуть повыше.
 Он неподвластен бурям и ветрам.
 И пенье певчих явственно я слышу.

Звучат прекрасных женщин голоса,
 И вторят им суровые мужские,
 И замирают звёзды в небесах,
 И отступают думы не мирские.

Я столько знаю о его судьбе,
 Что мне бывает от раздумий больно.
 Он прожил век, как праведник, в борьбе,
 И сгинул, как другой в первопрестольной.

Нет, он не умер, он всегда со мной –
 В тиши архивной, в суете обычной.
 Он мне бальзам от всяких параной.
 Мне с ним легко, как за стеной кирпичной.

Он в вышине, невидимый, парит.
 Он видит чудо там, где было пусто,
 И поимённо всех благодарит.
 Никольский храм – моё седьмое чувство.

Он слышит женщин чудных голоса,
 Он видит лица страждущих и сирых...
 Наш старый храм ушёл на небеса.
 Наш новый храм, спаси и сохрани их.

* * *

Едва закат присел на корточки,
 Кипящей лавою дыша,
 Ко мне с небес впорхнула в форточку
 Отца умершего душа.

И стало мне немного боязно,
Когда, поправив нимб-венки,
Она спросила как-то горестно:
«Ну что, соскучился, сынок?»

* * *

При подведении итога
Пути земного своего
Душа предстанет перед Богом,
Не опасаясь ничего.

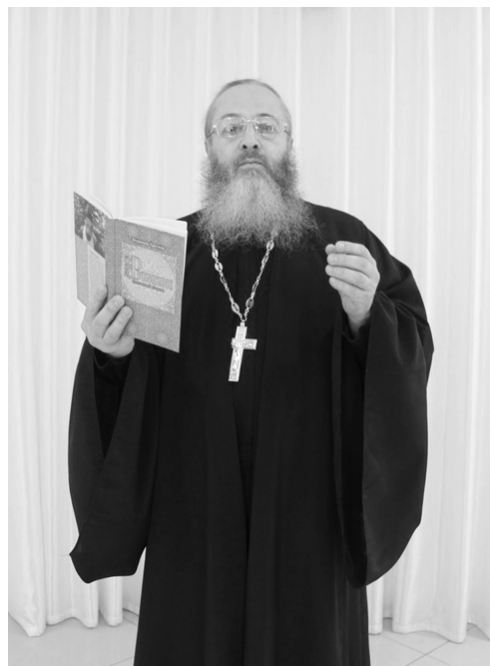
Земную сказку сделать былью
Она, конечно, не смогла.
Её истрёпанные крылья,
Как два изломанных весла.

По ветру или по теченью
С другими не держала путь.
Хотя случались приключенья
Такие, что не продохнуть.

Себя, родную, не любила.
Всю, без остатка, отдала.
Но совесть – честности мерило –
На всякий случай сберегла.

* * *

Я не люблю старинных сумрачность аллей.
В них времени разлит сомнительный елей.
Здесь в полудрёме лип мне слышится «тегі»,
А каждый ветра всхлип, как «Боже упаси...»
Шуршание листвы под каблучками. Ночь,
Похожая на лёгкую вуаль. Точь-в-точь
Была у Натали. На постаменте – лев...
Всё это улеглось меж кольцами деревьев.
А в дальнем тупике, где возвышался грот,
Как встарь, сводя с ума, весенний птах поёт.
И солнце проводив, от страсти юн и слеп,
Над кронами шустрит лесной кулик – валь-
дшнеп.
Здесь невысокий клён, как несмышлёный паж,
В акацию влюблён. На ней плюща плюмаж,
Что накрепко обвил колонн беседки стать.
Так хочется её по имени назвать!
Порхают мотыльки остатками кисей.
Внимает ясень им – царевич Елисей.
А может, Эрос он, – Психеи господин,
И парк старинный – сон. А я во сне один
Листаю книгу дней, ушедших и чужих,
И про себя молюсь вполголоса за них...

о. Владимир КРЮЧКОВ

Поэт, победитель I Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой, настоятель Никольского храма села Сукмановка Жердевского района.

ШКОЛЬНАЯ ЗИМА

Ноябрь декабрю посох свой
Всё никак не уступит,
В осенней дремоте застыли мои города.
И теплится мысль,
Что зима в этот раз не наступит,
Она же – увы! – наступает внезапно всегда.

Не ждали её мы,
Не думали и не гадали,
Что после осенних дождей
И занудливых фраз
Неоновым светом зажгутся холодные дали,
И выпадет снег,
Получивший сезонный приказ.

Опять, как полвека назад,
Застеклило все лужи,
И белые шапки до глаз нахлобучат дома.
Ну, что тут поделать? –
Мы рады нежданной стуже,
Ведь с Севера школьная наша вернулась зима...

ПОЗВОНИТЕ УДАЧЕ

Разыщите мне место, где нет суеты
(Всё равно – будь то лес иль степная равнина),
Чтоб туда не проникла, сжимая мосты,
На резиновых лапах стальная скотина.

Отыщите мне двери, где нету замков,
Их приветливый скрип лучше всякой сонаты,
Да найдите мне город, где нет дураков
И в котором любовь поселилась когда-то.

Доверяясь осеннего солнца лучу,
За далёкой мечтой, за забытой отрадой
Я на облаке сизом туда полечу
И туманом белёсым на окнах осяду.

Постучавшись прозрачною каплей в стекло,
Встречу радость в однажды покинутом доме.
Позвоните Удаче, чтоб мне повезло!
Но молчат фотографии в старом альбоме...

* * *

*«Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю».
(Владимир Высоцкий)*

На Родине так часты лихолетья,
Но не смирится русский человек.
«Я не люблю!..» из прошлого столетья
По нерву мчится в двадцать первый век.

Я верю оголившемуся нерву:
У каждого Поэта скорбный крест,
И хоть живу я в веке двадцать первом,
Я подпишу твой гневный манифест.

Я подпишусь обеими руками,
И повтореньем вряд ли оскорблю.
Но что творят над Родиной и нами
Я тоже никогда не полюблю!

ЭЛЕГИЯ

Сижу один. В камине – угольки,
Берёзовые пряди у окна,
Никто не отвечает на звонки –
Ни брат, ни сын, ни друг и ни жена.

Вечерний город мчит свои огни,
Целует дождик грязное стекло.
Допита осень. Жду другие дни
И верю, что мне в жизни повезло.

Чего мне боле? Пушкинской строкой
Спрошу свои утраченные дни.
Ненарушим молитвенный покой,

Погасли у камина угольки,
А может, есть пред осенью вина?
Никто не отвечает на звонки –
Ни брат, ни друг, ни сын и ни жена.

* * *

В просторах этой осени волшебной
Не все ещё рябины догорели.
Приветствую беспутных и блаженных –
Художников, поэтов, менестрелей.

Имеющих чутьё, глаза и уши
Приветствую! Пускай мне отзовутся.
Приветствую юродивые души,
Которые за грош не продаются.

Да будут ваши осени волшебны,
Да будет радость – рано или поздно,
Да будут ваши души совершенны,
Такими, как Господь когда-то создал...

РУССКИЙ СНЕГ

На ветках спящих бахрома
Изящным кружевом застыла.
Какая чудная зима!
А Рождество какое было!

В снегу по пояс тополя,
Умчалась прочь тоска-кручина.
Сто лет не видела земля
Таких щедрот от Бога-Сына.

Пусть где-то, далеко от всех,
Морской прибой шумит упруго,
Но нам милее русский снег,
Мороз-трескун, метель да вьюга!

СТРЕЛЫ РОБИН ГУДА

Не зная смартфонов и игр новомодных,
Мы в детстве играли в стрелков благородных.
Не знали усталости детские руки:
Отточены стрелы, натянуты луки.

Весь день, подражая стрелкам Робин Гуда,
Мы метко разили врагов отовсюду.

Теперь наша жизнь, как стрела на излёте, –
Всё с каждой секундой слабеет в полёте.
Коль в цель не попав, упадёт на опушку,
Её не подхватит Царевна-лягушка.

Жалеть будет поздно о тщетной охоте,
Ведь эта стрела может согнуться в болоте.

Но будет успех (так поют менестрели),
Коль ты похлопочешь о выборе цели –
О воле Господней, о Божьем порядке:
Такая стрела попадает в «десятку»!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наш век во Вселенной – ничтожная малость,
И время летит, а не плавно течёт.
Не сколько исполнилось – сколько осталось.

Для нас теперь важен обратный отсчёт.
Не трогает то, что так было любимо,
И нет больше грусти о лунных ночах.
Чем жил, что любил – то скользит теперь мимо,
И мир окружающий тесен в плечах.

Из старости в юность колышется мостик,
А сердце устало от мыслей и фраз.
...Опять примерещится хрупкий подросток,
Что пречет игрушки подальше от глаз...

Михаил ВОЛЧИХИН

Поэт, лауреат III Межрегионального
поэтического конкурса
им. Майи Румянцевой, г. Жердевка

В ОСЕННЕЙ РОЩЕ

Отшумела листвой
И открылась до самой глуши.
Я пишу не спеша.
Так, наверное, пишут прошения.
Упаси меня, Господи,
От запустенья души.
Страшно быть одному,
Но страшней ещё опустошение.
В твоей роще осенней
Пронзительная тишина,
Точно замерло всё на земле,
Ожидая решения.
Обнажи мою душу,
Пусть будет обнажена.
Обнажённость её
Воспрепятствует опустошению.
Ты меня отдаёшь
На простой человеческий суд,
По дорогам брести,
Собирая колючки да ямины,
Наполняй меня, Господи,
Я твой открытый сосуд,
В твоей роще опавшей
Стою за твоим подаяньем.
Что для ближних своих
Я успею ещё написать?
Что отпущено мне? –
Даже если останусь мишенью,
Удержи меня, Господи,
Голосом быть в небесах
На земле, где живу

И где мучаюсь за прегрешенья.
В светлой роще твоей,
Словно в душах во время поста,
Что руки не поднять
И в расход не пустить на поленья!
Наполняй меня, Господи.
Страшно, когда пустота
Иль когда не твоё,
А чужое вокруг наполненье.
Наполняй меня радостью,
Что разливает рассвет,
Долгожданным дождём,
Под которым ликует ватага,
И печалью полей,
Где остался родительский след,
И предчувствием слёз
От предчувствия духа святого.
Наполняй меня рощей,
В которой теперь тишина,
Тайной тёмных ночей
Вместе с тайной поведанной вечера.
Наполняй меня женщиной,
Пусть она мне не жена,
но однажды любовью
Со мной оказалась повенчанной.
Наполняй меня речью,
А если пошлешь тиражи,
Как послал эту рощу
В осенний расцвеченный вечер,
Упаси меня, Господи,
От запустенья души –
Ни к чему тиражи,
Если их и наполнить-то нечем.

БЕРЁЗЫ

Я поклонник рябины и скромной ветлы,
Что растёт в деревьях за порогом.
Но весной у деревьев мы белим стволы,
А берёзы побелены Богом.

Как и нам в человеческом нашем лесу,
Где такие же клёны и вишни,
Одному отпускается по ремеслу,
А другому – по промыслу свыше.

Мне бы свет от берёз на стихи расписать,
Это нерукотворное чудо, –
Все деревья растут от земли в небеса,
А берёзы – как будто оттуда.

Мне бы так, чтобы свет исходил от страниц,
И не надо быть в мире великим.
Если где-то и есть отражение лиц,
То в берёзах – не лица, а лики.

ДОМ НОСКОВЫХ

Коллекционерам Ю. и Е. Носковым

Когда будете в доме Носковых,
Подивитесь, как неукротим
Их семейный порыв поисковый
В собирательстве местных картин.

От порога, правей и левее,
Как сподобил Божественный перст, –
Не жилище, а сплошь галерея
До высоких домовых небес.

Посветлеет в душе от такого
Золотого замеса в семье,
Где наследуют дух Третьякова
На талантливой нашей земле.

Знают дело не шумно, не броско,
Хоть полотен по дому не счесть.
Нет в коллекции Клода и Босха –
Афанасьев с Туктаровым есть.

Айвазовский иль Венецианов...
Из московских, тамбовских, тверских... –
Нет художников провинциальных,
нет прописки у мастерских.

И не только с полями и рощами,
Да с притихшей рекой подо льдом –
Среди избранных наша Тамбовщина,
Где такой удивительный дом.

Мой возвышенный тон – не рисковый,
Не рисковый оценочный такт.
Когда будете в доме Носковых,
Убедитесь, что именно так.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

А. Пласткову

За плечами с вещмешком –
По России да пешком.
А потом при всякой встрече –
Одинаковые речи,

Что, наверно, от усилий
Ног не станет ни шиша –
Изотрутся по России,
Как графит карандаша.

Даже и на керосине –
Не прогулка по России.

Будет палец у виска
С меткой на безумие.
Будет серая тоска
По большой изюмине.

Всё закончится смешком,
Мол, мотался за лишком.

А во мне, чтобы стишок
Не утратил силу,
Жажда просто до кишок –
Глубже знать Россию.

ОКА

И широка, и глубока,
Издалека течёшь в далёко,
Я полюбил тебя, река.
Ока, ты, может быть, от ока.

Была душа у Иртыша,
И волки гнали меня к Волге,
И Цна бесценно хороша...
Но эти разговоры долги.

Пока нам утро – на двоих,
Пока другим – другие сроки,
Дай волны вольные твои
Собрать в волнующие строки.

ПОХОЛОДАНИЕ

Ближние мои и дальние,
Разве нам свет немил,
Разве на похолодание
Мы обрекаем мир?

Холодом тянет с сервера
Через проводники,
Точно с верховий севера
Тронулись ледники.

Точно в белёсо-синее
Небо любовь ушла.
Роща красива в инее,
Роща, но не душа.

Падаю, как в процессию,
Думая, что расту, –
Градусы не по Цельсию,
Градусы по Христу.

Как мы живём неправильно!
Как в полевой тиши
Тайно парит проталина
На бугорке души!

Хочется роду-племени
Наперекор зиме

Вымолить потепление
Общее на земле.

«ЗИМНЯЯ ВИШНЯ» (отрывок)

1
Мы нынче не пляшем
И даже не пишем,
Мы нынче по нашим
Скорбим по погибшим.

А ежели затемно
Пишется срочно,
Тогда обязательна
Чёрная строчка.

Нас нынче не трое
И даже не семеро.
Мы траурным строем
Проходим по Кемерово.

Вопят даже камни
Во время прощанья.
Мы все двойниками
Себя ощущаем.

Никто не во благе,
И храм не разрушен.
Приспущены флаги,
Приспущены души.

Но давит на горло
Манси и мордвину,
Что горе, как гору,
Уже не подвинуть.

Спросите в Рязани,
Торжке иль Находке:
За что наказанье,
Что дети уходят?

Общественный розыск
Причин оптимален.
Россия вся в розах,
Да жаль – поминальных.

Такое не вышло,
Такое не на год,
Ведь «Зимняя вишня» –
Из нажитых ягод.

Ну, как нам простится
За всё, что нечисто,
За горечь бесстыдства,
За горечь бесчинства?

Что перед Всевышним
Мы жертвуем так
За «вишенки» с «вишнями»
Жизнями деток!?

2

«Мы вместе от Крыма до Крайнего Севера» –
Написано в небе и краской по жести.
Мы вместе во время трагедии в Кемерово,
Как вместе бывали во время нашествий.

Мы вместе в священных трудах и при знамени,
В торжественных шествиях и против нечисти.
«Мы вместе!» – звучит как призыв и признание
В любимом и многострадальном отечестве.

Мы вместе от Магадана до Выборга.
Закончились «Вести» – пройдите по блогам.
Мы вместе, Россия, и нет у нас выбора
Ни перед миром, ни перед Богом.

Нам лица погибших в домах не обрामить,
Но в марте останутся чёрные вмятины,
Как мы оставляем зарубки на память.
Простите нас дети, простите нас, матери.

Поднимем склонённые в горести головы,
А в небе, где тучи растаяли беглые,
Над жертвенным городом кружатся голуби.
Может быть, ангелы – белые, белые...

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Памяти Ю. Началовой

Который день не свыкнемся с бедой
В Воронеже, Тамбове, Барнауле...
Тебя назвали Утренней звездой
Иль, как июль, именовали Юлей.

Улыбчивая, светлая до пят,
Талантливая в области свечений.
Печален на планете звездопад,
Но не настолько, если он вечерний.

Услышали Сан-Ремо и Париж,
Монтевидео, Хельсинки, Манила...
Как голосом ты музыку творишь.
Ну, что же ты с собою натворила!

На сцену восходила, не юля,
И вдруг на полуслове замолчала.
Ты сильная – могла бы и с нуля –
Началова, да не начать сначала.

Привыкнется, подёрнется бельем,
И, как бы ни была звезда опрятна,
Прилюдно потрясут твоим бельём –
У нас на звёздах обожают пятна.

Не торопись, красавица, постой –
Концертный зал заполнен, словно улей.
Тебя назвали Утренней звездой,
А та, что в небе, наречётся Юлей.

Такая в мире существует власть,
Такое свойство звёздной ипостаси:
Ты высоко взошла и сорвалась,
Но свет не исчезает – он остался.

У ДРУГА

А. Перепёлкину

Я друга навестил. Его б на пьедестал.
Нет, он не генеральствовал, он просто
Четырнадцать детей по жизни воспитал,
Иначе говоря – герой отцовства.

Мой друг максималист. В базаровском пальто
Расхаживал, нося свою фактуру.
Он говорил себе:
– Ты гений иль никто, –
И грыз перо, ломясь в литературу.

Я друга навестил. Обычный сельский дом,
Где сотни фотографий по обоям.
Мы долго говорим об этом и о том,
И нам приятно вспоминать обоим.

Во-первых, о друзьях, о дружбе, во-вторых,
О временах, о судьбах наших, в-третьих.
Он говорил потом:
– Ты в «песнях ветровых»,
А я, как видишь, умещаюсь в детях.

Поэзию свою не взял на абордаж,
Тут гениальность, стало быть, не к месту,
Но это не была студенческая блажь –
Махнул рукой и отдал всё семейству.

Мы расставались с ним. Он вышел за порог,
Слегка уставшим и легко одетым.
Сказал полушутя:
– Я догрызу перо,
А ты купи мороженого детям.

УВАРОВО

Е. Кудрявцеву

В руках с Вороною-рекой,
Простушку – в облике,
Рифмую с облаком легко
На белом Обловку.

Кипят и пенятся сады –
Готовят варево.
Я сеял некогда следы
Свои в Уварово.

Где захолустье вдоль реки,
Оград зазубрины,
Где старой дружбе вопреки
Я был возлюбленным.

Теперь оглядываюсь вновь
С улыбкой Вицина:
Как быстро кончилась любовь,
Как дружба выцвела.

Грущу о прошлом налегке,
о том ли, кроме ли,
что на Вороне на реке
мы проворонили.

БЕРЁЗОВЫЙ УГОЛ

Войдите однажды в сосновую глушь,
В березовой вставке
Свидетельство о сочетании душ
На память оставьте.

Войдите, как входят в торжественный дом
К зиме или к лету,
На белых стволах завяжите вдвоём
Красивую ленту.

Лесник объясняет со знанием дел,
Что из норматива
Когда-то при высадке в этот предел
Сосны не хватило.

И тут, на слиянии сельских дорог,
По-русски небросок,
Возник удивительнейший уголок
Из белых берёзок.

А кто-то решил, как поставил печать,
Что в райское место
Приедут любовью себя повенчать
Жених и невеста.

Теперь, по прошествии множества лет,
Считайте, по сути,
За каждой из этих завязанных лент
Завязаны судьбы.

Чтоб не было бракоразводной возни,
Чтоб для норматива...
В лесхозе тогда, заключает лесник,
Сосны не хватило.

ВОЕННЫЙ ГОРОДОК

Военный городок –
Дома к рядку рядок.
Грустит под вечер улица пустая.
Ау, авиаполк,
Какой же в этом толк,
Что безвозвратно улетела стая?

Определили курс
Из Жердевки на Курск,
И не поспоришь, если это свыше.
На курские леса
Их сбросят небеса,
А я твержу: они не соловьи же.

Как прежде, чередом
Стоят за домом дом,
И в каждом доме светится изнанка.
Былое время чтут,
Но не пора ли тут
Поставить вроде памятного знака!

Я не большой ходок
В военный городок –
По переулкам путаюсь устало,
Но город приумолк,
Когда авиаполк
Поднялся в небо, словно птиц не стало.

НЕ ПИШЕТСЯ

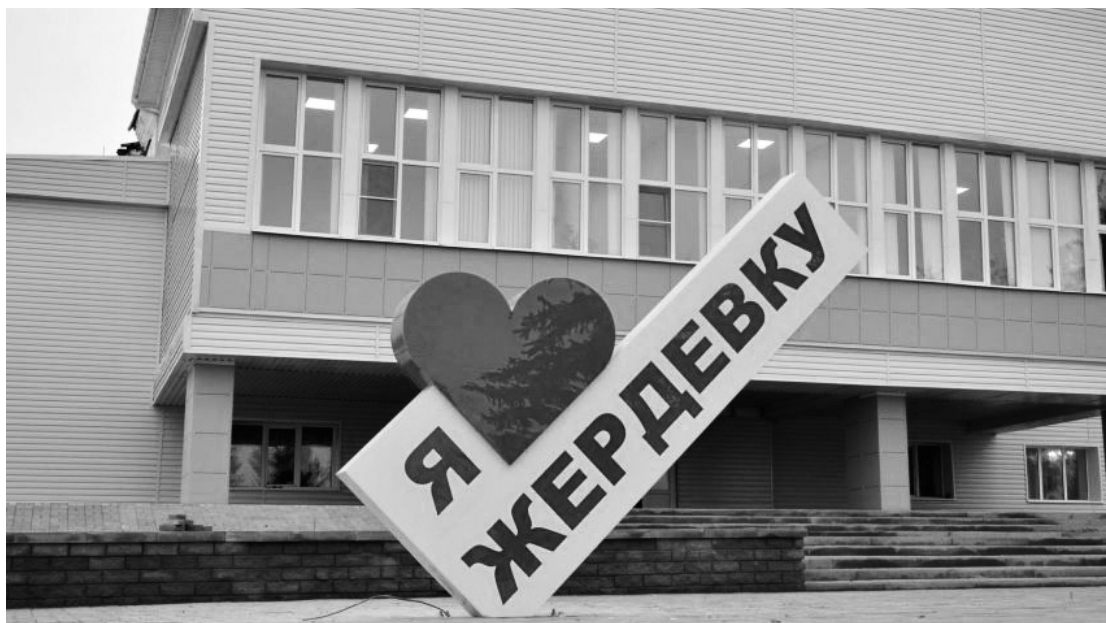
Который день уже не пишется,
Брожу иль падаю в постель,
Как будто в доме после пиршества
Моих бесчисленных гостей.

Как будто под печенье с килькою,
Под старомодный анекдот
За вечер вычерпали лирику
На десять месяцев вперед.

До мути вычерпали, дочиста,
А после выдали в глуши
Очередное одиночество
По состоянию души.

Сказали: вот тебе поэтому
И для того, чтобы потом
Шумело пиршество поэтово
На весь литературный дом.

Сказали: вот тебе околица,
Твоя отчизна на мели,
Где надо сызнова наполниться
Любовью неба и земли.

Андрей АВРАМЕНКОВ

Прозаик, журналист, уроженец Луганска,
автор книг о военном конфликте на Донбассе.
Проживает в Воронеже.

ЗАЩИТНИК

(рассказ)

За окном было светлым-светло. Лучи солнца отражались от ледяного снега, попадали в комнату, слепили глаза. Сергей открыл окно и сделал большой глоток воздуха. Мороз приятно ударил в грудь. Парень был разгорячённый, измотавшийся, выжатый. Комната казалась ему жаркой Сахарой.

– Ты бы хоть футболку одел! – бросила Юля, вышедшая из душа.

Литвинов закрыл окно, лениво дошёл до кровати и тяжело бухнулся на неё.

– Давай одевайся. Времени нет. Мне пора.

– А как же чай? – иронично заметил Сергей. – Ты же вроде на чай звала.

– Серёжа, ну ты чего. Мне нужно Максюшку из садика забрать. И так опаздываю.

– Да помню я.

– Ну вот. Пойдём, проведёшь меня немного. Одевайся.

На улице было около двадцати градусов мороза, и Сергею не очень-то хотелось туда. Он сполз с кровати и начал натягивать утеплённые джинсы, а после них – футболку и свитер. Юля была уже вся при параде.

– Пойдём уже. Что ты там возишься?

– Чуть рюкзак не забыл.

– Ну потом бы забрал. Не оставлю же я его себе, – она удивлённо подняла бровь.

– Да тут вся техника рабочая, – объяснил Сергей. – Мне без неё – никуда.

Она неопределённо махнула рукой.

Они спустились на лифте и вышли в большой двор длинной многоэтажки. Он пустовал: ни людей, ни машин. В городе, пережившем боевые действия, народу всё ещё было мало. Центр большого донбасского города, а никого нет. Они выбрались к проезжей части, постоянно поскользываясь на твёрдом снегу. Сергей аккуратно поддерживал Юлю под руку, но она, казалось, не обращала внимания на этот жест заботы. Вообще эта девушка была довольно скупой на эмоции, считал Литвинов. Она пропускала мимо себя ухаживания, её это мало волновало. Вскоре Сергей пришёл к выводу, что ей особо и не нужны отношения, кроме физических. А он вёл себя так, как будто они были нормальной парой. Пытался, по крайней мере. Не хотелось заморачиваться над отношениями, накручивать себя. Его, в какой-то степени, они также устраивали. Литвинов пребывал в затяжной депрессии и не хотел лишать себя даже такого неполноценного общения.

Он провёл её по направлению к Театральной площади. Они попрощались возле большого супермаркета, и Сергей повернул и пошёл вверх, к центральному рынку, где была остановка общественного транспорта.

По улице шли два патрульных с автоматами. Он визуально знал их, так как приходилось часто бывать по работе в центре города. Солдаты его, конечно, не помнили, и проводили долгим взглядом. Человек с рюкзаком на пустой улице вызывал подозрения: а вдруг диверсант? Но они не подошли. Ноздри слипались и, чтобы согреться, Литвинов поднял воротник свитера. Почему так холодно? А может, холодно не на улице, а в душе? Думать про их отношения с Юлей он не желал. Всё само как-нибудь будет.

К остановке подъехала белая «Газель», и Сергей отправился на восток города. В автобусе удалось чуть-чуть согреться, но пальцы на ногах по-прежнему страдали. Почему ботинки не греют?

– Дружище, хочешь выпить? – спросил один из немногих пассажиров. Потрёпанного вида мужичок показал бутылку водки из-за пазухи.

– Не-а, спасибо.

– А я вот выпью.

– Дело твоё.

Он ещё раз глянул на мужичка. «Не, не буду», – отмахнулся про себя Литвинов.

В квартире было холодно, сквозило из окон, рамы дребезжали, батареи почти не грели. Приходилось ходить в свитере и нагревать жилище газом. Несмотря на это, Сергею здесь нравилось. Это была квартира друзей, которые уехали от войны в Польшу. Они разрешили пожить здесь. Возвращаться, судя по всему, в ближайшее время не собирались. Денег Литвинов не платил. Он не раздумывал, когда поступило такое предложение, потому что жить с родителями в его возрасте в однокомнатной квартире было уже чересчур. Теперь он сам себе хозяин. Конечно, родители продолжали заботиться о нём. То мама придёт и приготовит поесть, то понадобится помощь и инструменты папы, чтобы починить смеситель в ванной или проводку.

Ему было совсем не скучно жить одному. И всё благодаря загруженности на работе. Писать в газете приходилось много – интервью, репортажи и даже аналитика, хотя и довольно

слабенькая, но необходимо учиться. И постоянно вокруг много людей. Разных. Интересных и не очень. И каждый со своим прибаблом. Коммуникабельность помогала находить Литвинову общий язык с ними. Он научился смотреть вглубь, по глазам определять, что за человек перед ним. Встречались порой очень нехорошие глаза. Это касалось в основном воевавших ополченцев. Такое не проходит бесследно. Но у большинства глаза всё-таки были светлые.

Укрывшись одеялом, Сергей смотрел на YouTube ролики про политику. По всем каналам, и российским, и украинским, говорили про противостояние России и США, про Украину и войну в Донбассе. И столько шума и лая стояло в студиях, что становилось тошно. Неужели специально так делают, чтобы тема набила оскомину, чтобы все раздражались, услышав про войну на юго-востоке? Часто высказывались люди, абсолютно не знакомые с регионом, даже чуждые ему. «Что ты знаешь об этих улицах? – в сердцах вспыхивал Сергей. – Ты нам-то расскажи, как тут живётся!» Литвинов не отрицал право людей на своё мнение, но он всё равно искренне возмущался, когда видел неадекватное отображение действительности на телеканалах. «Выродки», – думал с презрением он, глядя на то, как бывшие луганчане из Киева поливали грязью родной город. На экранах замечал он много знакомых лиц. Нет-нет, да и позлорадствовал, когда узнал, что одной коллеге-журналистке разнесло снарядами квартиру. Теперь она писала посты в интернете, собирала деньги на новое жильё. Вся бедная и несчастная. Так поблагодари же свои любимые украинские войска, кинься им в ноженьки, расцелуй, избавили родимые украинцы от проклятого советского прошлого – разнесли квартиру в ненавистной «хрущёвке»! Вы же за это и ратуете! И тебя должно быть жалко? Побирайся на киевских вокзалах! Конечно, она не побиралась. Пристроилась на всеукраинском медиаресурсе и поливала луганчан и дончан грязью.

Когда накал страстей в душе достигал максимума, Сергей переключался на музыку

из девяностых и нулевых. Старые любимые группы, обычная попса. Тогда он не воспринимал её всерьёз, относился к таким песням пренебрежительно. Но почему так хорошо, переслушивая их сейчас? Сердце немного успокаивалось, и можно было почитать. Последнее время Литвинов отошёл от художественной литературы и обратил свой взгляд на публицистику, мемуары, биографии.

Впечатлила его автобиография Махатмы Ганди. Освободитель Индии, сторонник ненасилия – сатьяграхи. Сергей, глядя на происходящее в Донбассе, много думал об альтернативном пути истории, о существующих методах борьбы. И настолько противоречивые чувства у него всё это вызвало. С одной стороны, «добро должно быть с кулаками», когда на тебя нападают, ты должен защищаться. О какой сатьяграхе (ненасилии) может идти речь здесь, на славной родине героев? Однако Ганди смог освободить Индию от власти вездесущих англосаксов с их многомиллиардными капиталами, сделав её независимой без военных действий. Сам при этом погиб, как мученик. Наверное, сатьяграха и мученичество стоят рядом. В христианской традиции Ганди был бы очень большим святым, одним из самых великих. Наверняка. Или освобождение Индии – это просто удачное стечение внешнеполитических обстоятельств? Великобритании после Второй мировой войны было просто не до неё. Можно ли так сказать? А что же тогда ненасильственная борьба Ганди, которую он вёл несколько десятков лет? Неужели она неважна? Или всё-таки она и была основой, фундаментом? Сергей хорошо понимал, что личность в истории – это краеугольный фактор. Возможно ли было применить сатьяграху в Донбассе? А ведь если задуматься и вспомнить, то всё и начиналось с мирных демонстраций. Но что остаётся, когда по твоему городу начинает лупить артиллерия? Бежать или сражаться? И если вернуться к автобиографии Махатмы Ганди, он ведь принимал участие в бурской войне. Не стрелял, но был медиком. Знал, каково оно – на поле боя. Трусом его называть точно было нельзя.

В общем, много размышлял Литвинов на эту тему в свободное время. Благодаря работе его было мало. Только и делал, что успевал мотаться по разным редакционным заданиям и ходить к Юле.

На выходных он купил много всего – продуктов, пару бутылок пива и роллы. Юля жила небогато, и Сергей относился к ней с жалостью. Она же не замечала ни жалости, ни заботы. Но Литвинову это и не надо было. Он получал удовлетворение от того, что помогал тем, кто нуждался.

Муж Юли бросил её больше года назад. Виталик нашёл себе богатую любовницу, которая перетащила его полностью к себе. Он забыл о семье, когда увидел кошелёк Маши. Любовница занималась то ли бизнесом, то ли была при власти. У неё был двухэтажный дом. Он и до войны-то такие просторные комнаты и хороший ремонт видел только по телевизору, а сейчас, в пострадавшем от боёв городе, его это особенно впечатлило. Зачем Маше понадобился водитель маршрутки, остаётся непонятно. Но факт остаётся фактом: Юля осталась одна с маленьким сыном Максимкой, который недавно пошёл в садик.

Поскольку Виталик, оказавшийся редкостной тварью, никак не помогал брошенной семье, Сергей чувствовал ответственность. Он, будучи тоже, мягко говоря, небогатым, старался хотя бы раз в неделю побаловать продуктами Юлю и её сына. Мальчишке он иногда покупал недорогие игрушки, чем вызывал у мальчика счастливую улыбку. Сама мать, как казалось Литвинову, этого и не замечала. Ребёнок её интересовал в незначительной степени.

Юля открыла дверь, увидела Сергея с пакетами, замахала руками, приглашая в квартиру. Всё время она куда-то торопилась, была резкая и суетливая, что иногда дико его раздражало.

– Привет! Максим, дядя Серёжа пришёл!

Из комнаты выбежал мальчишка, сначала весь радостный, а потом застеснялся – он ждал, что, может быть, дядя Серёжа принёс ему подарок. Литвинов заулыбался и вручил малому «киндер сюрприз». Максим запрыгал

от радости, избавился от обёртки, съел весь шоколад и достал из пластмассового яйца игрушку. Это был космический корабль, но сделанный грубо, плохо покрашенный и хлипкий на вид.

– Да, в нашем детстве игрушки были лучше! – бросил Сергей.

Отнеся продукты на кухню и сложив их в пустой холодильник, он приготовил всё для роллов, налил в бокалы пива и принёс ужин в зал. Они смотрели фантастический фильм про Человека-паука. Ели роллы, пили пиво. Малой игрался на полу, постоянно пытаюсь привлечь к своей игре и взрослых. Юля командным тоном обрывала его, и малыш, расстраиваясь, возвращался в свой маленький детский мирок. Сергей не понимал Юлю, но не вмешивался. Кто он такой, какое имеет право?

Зазвонил её мобильный телефон. Литвинов напрягся. Он не любил, когда кто-то ей звонил в его присутствии. Так он чувствовал себя ещё более чужим, чуждым этой обстановке.

– Да, мам. Хорошо всё.

Он прислушивался, делая вид, что смотрит фильм. Она подошла к подоконнику и посмотрела на ночной город.

– У меня Сергей в гостях.

Звук динамика хороший, Литвинов слышал всё, что говорила мама Юли.

– Какой Сергей?

– Да знакомый. Я тебе о нём не рассказывала.

– Дочь, какой знакомый? Я что-то не пойму. В такое время? Уже вечер.

– Ну и что.

– Ты в своем уме? Ты замужня женщина! – возмущалась мама в трубку.

– Что ж мне теперь... Виталя же...

– Ничего, доча, ещё вернётся. Ты меньше на мужиков всяких бросайся, а то Виталий потом тебя назад не примет, скажет, зачем ему такая...

– Мама!

Сергей почувствовал, как будто его, как в мультиках, ударили большим молотом. Тревожный звоночек. Там, судя по всему, мама не

сильно адекватная и с реальностью дружить не хочет. И Юля всё это покорно выслушивала и даже соглашалась, кивала, поддакивала с расстроенным видом. Интересно посмотреть на папу. Небось такой же...

Она повесила трубку и начала убеждать Сергея, что всё нормально. А ему внутри было паскудно. Не за себя, он уже и не ждал нормальной жизни, но за неё.

– Ты прикалываешься? – не выдержал он. – Ты на полном серьёзе это всё?

– Ну, мама говорит, что он вернётся. Я, если честно, и сама так думаю.

– Это ещё почему?

– Ну он постоянно звонит мне и жалуется.

Сергей чуть было не прыснул от смеха. Что происходит, и как он здесь оказался? Театр абсурда. Взгляд его упал на одинокого ребёнка, играющегося с космическим кораблём на полу. Смеяться расхотелось.

– Он жалуется мне на неё. Говорит, что она не уделяет ему внимания. И денег перестала давать. Даже попрекать моего Витальку начала, что он толком ничего не зарабатывает.

– Тогда точно вернётся, – иронично заметил Литвинов, но Юля этого не поняла.

– Думаешь? Хорошо бы было. А то мне без мужика в доме невмоготу.

Не стал Серёга говорить что-то типа: «А я не в счёт?» Не в счёт. Это и так понятно. Ты, по сути своей, для Юли только половой партнёр. Временный. Как говорится, для здоровья. Скоро, если верить прогнозам мамы и самой Юли, домой вернётся «родной человек». Литвинова это не удивляло и не обижало, не задевало. Нет. Он поражался тому, насколько взрослые люди глупы и наивны.

* * *

В начале февраля в жизни Литвинова произошло радостное событие – приехал друг. Лёня, как и многие, уехал с семьёй, когда началась война. Сначала оказались в Харькове. Ни родителям, ни Леониду устроиться на нормальную работу не удалось, перебивались случайными заработками. Так прошло несколько

месяцев. Потом Лёне позвонили друзья из Киева и позвали его работать на один всеукраинский телеканал. Конечно, он обрадовался и согласился. В столице жизнь для Леонида и его семьи наладилась.

И теперь, спустя столько месяцев, он решил приехать в родной город, посмотреть на квартиру и поведать оставшихся друзей.

Серёга заволновался, когда в назначенный день Лёня не вышел на связь. Сердце его было не на месте, предчувствия – мрачными. Что-то было не так. Литвинов решил, что на следующий день попытается узнать, где его друг. Но этого не потребовалось, Лёнька сам написал: «Я дома, приезжай».

От сердца отлегло. И уже через полчаса старые друзья встретились. Они устроились в зале, опрокинули по стопке коньяка. Литвинов, казалось, сиял. Давно он не был таким счастливым.

– Ну что ты, Лёньчик, рассказывай!

– Ох как я сюда добирался, Серый... Это просто какой-то!.. Наши, украинские, блокпосты я нормально прошёл. А вот ваш...

– Что такое?

– Начали меня допытывать, кто я, куда и к кому еду, кем работаю, – Леонид тяжело смотрел в пол. – Ну я, дурак, и сказал, что на телевидении. Так ты понимаешь, я же не журналист, как ты, я ведущий развлекательных программ. Меня вообще вся эта политика стороной обходит, понимаешь? Но им это, видимо, без разницы было. Начали смотреть мой ноутбук, нашли старые фотографии города. Спрашивают, зачем они мне. Говорю: «Ну это же память». Долго мурыжили. Я понял, что попал. Приехала за мной машина, вышли несколько человек и забрали меня. Повезли в бывшее здание управления СБУ.

– Ну да, в Министерство госбезопасности.

– Да. В общем, везут меня, и главный их ведёт расспросы. Всё то же самое. Одни и те же вопросы. Потом говорит: «Ты не против, если я на украинском буду говорить?» Не против. И давай он по-украински всё сначала спрашивать. В общем, привезли меня, при-

вели в кабинет к какому-то начальнику. И давай я заново всё рассказывать. Нет, общались вежливо, не били, не грубили. Я понял, что это связано с моей профессией, с тем, что на телевидении работаю. Ну и спрашивает меня начальник: «Ты фотографии города хранишь, значит, любишь Луганск?» Говорю: «Люблю». И он предложил на них работать. Говорит: «Давай ты будешь нам информацию сливать». Серый, а я же ничего не знаю! Какую информацию? Он: «Ну какие там в Киеве настроения, может, что интересное сможешь узнать». Ничего конкретного. Я согласился, что мне ещё оставалось. Начальник взял все мои данные, номер телефона, электронную почту, адреса. Не знаю, что теперь делать.

И они выпили ещё по одной стопке.

– Лёня, не переживай, всё будет нормально. Ты ничего плохого не сделал.

– Серый, да я-то знаю. Я обычный ведущий, – раздосадованно произнёс он. – Что мне дальше-то делать? Сотрудничать, сливать информацию? Оно мне надо? А если не буду, то меня самого сольют украинским спецслужбам, как агента сепаратистов.

– Да, ситуация, – Литвинов тоже пригорюнился.

Он перестал счастливо сиять. Встреча с другом была не такой радостной, как он себе представлял. Что же это за время такое? Нет радостных, хороших новостей. У всех всё не очень.

– Лёня, не парься, ничего они тебе не сделают.

– Ты так думаешь?

– Ну, расстреляют, как собаку бешеную, – попытался пошутить Литвинов.

– Не смешно, Серёга.

– Согласен, совсем не смешно. А мы тут... живём.

– Знаешь, я, наверное, сюда больше не приеду.

Пасмурная погода не добавляла хорошего настроения. Казалось, что уже два года над головой только тучи. И не было этому конца и края. И вот у друга тоже неприятности на ровном месте.

– Да ерунда всё, давай лучше выпьем, – предложил Сергей.

Благодаря опьянению немного отпустило и сердце успокоилось. Вокруг всё было таким же плохим, как и раньше, но внутри стало немного лучше.

– Со мной на канале Женька и Рафик работают.

– Да, я что-то такое слышал. Как они?

– Люто ненавидят Россию, а с ней и вас.

– Ну и дураки, – ответил Литвинов.

– Каждому своё. Здесь тоже Украину не любят.

– И есть за что, – парировал Серёга. – Ладно, давай не про это. Как там родители?

– Да ничего, постарели как-то резко за это время.

– Главное здоровье. А его не напасёшься. Привет им передавай. Как на личном фронте?

– Да нормально. Встречаюсь с одной девушкой.

– Только с одной? – усмехнулся Литвинов.

– На двух у меня уже денег не хватит, – Лёня только сейчас понял, как ему не хватало этого юморного общения с другом. – Она не киевлянка. Приехала откуда-то с Западной Украины. То ли Хмельницкий, то ли Крапивницкий, то ли ещё какой-то город.

– А ты с Донбасса. Как вы с ней уживаетесь?

– Да, знаешь, нормально. Она адекватная.

– Это хорошо. Многие там нас на дух не переносят.

– Да, есть и такие. А у тебя что с личной жизнью?

– А у меня её нет. Вся моя жизнь – общественная, – хмыкнул Сергей. О Юле рассказывать смысла не было, ведь он для неё всего лишь временный вариант.

Всю ночь они разговаривали и пили. После непродолжительного сна Литвинов ушёл домой. Помятый, с похмельем, с пересохшим горлом. А на душе всё равно стало легче. Друг всё-таки приехал.

* * *

На улице потеплело. Снег растаял, весь город стал серым и грязным, деревья прятались в утренних туманах. Наступала весна. Природа – чудная вещь, как она влияет на настроение. Поздней осенью и зимой начинается депрессия, а весной и летом всё как-то проходит, может, не до конца, но по крайней мере ты можешь разделить свои проблемы с солнцем, деревьями и заросшими луговыми травами холмами. Остаётся надеяться, что это не свежие холмы и под ними никто не похоронен. Тот, кто буквально ещё недавно мечтал, строил планы, ссорился с соседями из-за ерунды, целовал любимого человека в губы... Весна пробуждала и давала силы, весна воскрешала, весна – это Христос, даривший надежду всему человечеству.

А ещё весной люди снимают громоздкую зимнюю одежду – шубы, тулупы, ботинки с толстой подошвой, толстые пуховые штаны. И поступь твоя становится уже не такой тяжёлой, ты летишь по улицам, тебе легко и приятно, ничего тебя не обременяет, не приковывает к земле. Главное, чтобы полёт не был вызван взрывной волной.

Настроение испортилось из-за Юли. Когда Сергей пришёл к ней домой, она плакала. Он не стал торопиться с расспросами. Разделся в коридоре, повесил куртку на вешалку. Заглянул в комнату, Максима не было. Литвинов принёс для него небольшую мягкую игрушку. Видимо, мальчишка был у бабушки с дедушкой.

Юля сидела на кухне с трясущимися руками, пила холодный чай. Она не смотрела на Сергея, лицо опухло от слёз. «Опять какая-то фигня с мужем», – подумал Серёга. Вариантов тут, честно говоря, было мало.

– Я не знаю, что делать, – хмыкала девушка. – Наверное, придётся квартиру продавать.

Литвинов не вмешивался в ход её мысли, не закидывал вопросами.

– А за сколько её сейчас продашь? За копейки. Да и кому она нужна в это время? Может, занимать придётся. А у кого занять такие

деньги? Серёжа, – подняла она на него глаза, – у тебя есть деньги или богатые знакомые?

У журналиста был только богатый жизненный опыт, а деньги к нему зачастую не прилагаются. Только испорченные нервы.

Он покачал головой.

– Вот и у меня нет. Я не знаю, как мне теперь быть.

– Так ты скажешь, в чём дело-то?

– Я ходила к гадалке. Она мне и сказала, что Виталик обязательно вернётся. И она права, я вижу, как его ко мне тянет. Понимаешь, он всё равно вернётся ко мне и Максиму. Гадалка всю правду говорит и про меня, и про него. Всё видит.

– М-да, – Серёга не питал иллюзий по поводу умственных способностей Юли. – Так, а плачешь почему?

– Понимаешь, она сказала, что Виталику грозит большая беда!

Он сдержал смехок. Сергей не хотел проявлять к ней неуважения. Пусть глупая, но Юля неплохая. Она не заслуживала, чтобы над ней потешались. Литвинов, скорее, чуть не засмеялся из-за довольно предсказуемых слов гадалки. Классическая схема.

– Она сказала, что Виталька погибнет. На нём порча. Но она может его заговорить, спасти. Для этого нужно несколько тысяч долларов, и процесс этот небыстрый, нужно начинать уже сейчас. А где я такие деньги возьму? У меня только квартира есть.

Юля была в отчаянии. Сергей понимал, что помочь девушке он ничем не мог. Объяснять, что это всё бред, не имело смысла, она не поймёт. Как люди ведутся на этих мошенников, он не понимал. Деньгами помочь – тоже не вариант. Состоятельные знакомые, конечно, были, но далеко. И они, естественно, не дадут такую сумму. Да и вся ответственность за долг легла бы всё равно на него. И это при том, что они даже толком и не встречаются, а так...

Литвинов взял её за руку, крепко сжал, давая понять, что, мол, я с тобой. Сам смотрел в окно, на серые пейзажи Камброда. Не Лос-Анджелес, не Сан-Франциско, а какое всё красивое! Кривые, разрушающиеся домики,

разбитые дороги, изрытые воронками от мин, пустующие гигантские заводы. Родная нищета. Как же всё это дорого!

Побыв ещё немного с Юлей, он ушёл. Чувство, что он лишний в её жизни, никогда не покидало.

* * *

Снаряды продолжали ложиться на город. Время от времени «освободители» с украинской стороны напоминали о себе.

Произошла очередная трагедия. Военные Украины разнесли двухэтажный дом в старом городе, недалеко от одного из заводов. Произошёл взрыв, дрогнули стены, обвалились перекрытия и потолок рухнул вниз, стёкла разлетелись на мелкие осколки. Жилище дымилось. На место выехали семь пожарных машин и несколько автомобилей скорой помощи. А также правоохранители.

Сергей отправился туда, чтобы сделать фотографии. Он старался никому не мешать. Вообще Литвинов был не из тех наглых журналистов, которые бесцеремонно достают людей и тыкают микрофоном или диктофоном в лицо. Нет, он всегда был спокоен и просто наблюдал за происходящим, чтобы потом описать это в репортажах. Часто окружающие даже не догадывались, кем он работал. Его могли выдать только фотоаппарат или диктофон, но даже их Сергей не всегда доставал.

Сотрудники МЧС разбирали завалы. Приехал джип с военными, они покрутились немного и уехали.

Позже на место ЧП приехал мэр Маноллис Пилавов. Литвинов знал его и уважал, так как это был один из тех чиновников, которые остались в городе с прежних, довоенных времён. Мэр рассказал журналистам, что в результате происшествия пострадали два человека. По словам медиков, мужчина 1967 года рождения получил 85% ожога тела, он находится в реанимации. Женщина 1971 года рождения пострадала меньше – у нее ожог в 15%.

Пилавов отметил, что это был дом 1916 года постройки, его общая площадь составляла 417 квадратных метров, здание явля-

лось памятником архитектуры и защищалось законом сначала Украины, а теперь народной республики.

– Вот так украинские войска воюют, – грустно развел руками Пилавов. – Не только с нами, жителями города, но и с историей, нашей общей. Но им она не нужна, у них теперь новая.

Когда-то в этом доме находились мастерские художников. Они творили здесь, писали картины, делились идеями о новых произведениях и будущих выставках, которые принесут славу. Потом дом стал жилым, но дух творчества из него не ушёл. Однако украинская ракета всё-таки выбила его.

– Здание будут восстанавливать? – спросил Сергей.

– Пока что точно нет. Сейчас не до этого. Может быть, когда-нибудь, – развёл руками мэр.

– А что будет с людьми, которые здесь жили? – поинтересовалась журналистка с местного телеканала.

– За них не переживайте. Найдём, где разместить на первое время. А там будем с каждой семьёй решать в индивидуальном порядке. Постараемся помочь по максимуму, – ответил Манолис Пилавов.

Сергей встретил своего знакомого Руслана, который работал в прокуратуре.

– Очередное уголовное дело против укров? – скептически спросил Литвинов.

– Ага. Ну, ничего. Надеюсь, когда-нибудь они за всё ответят. Кто в живых останется.

– Главное, чтобы мы в живых остались, а то не перед кем им будет отвечать.

Чёрный юмор... он всё же юмор и немного помогает.

– Ладно, дел невпроворот, Серый. Давай!

Журналист махнул рукой на прощание. Руслан хороший парень, нервный только, дёрганый. Стал таким после одного из обстрелов, когда снаряды падали рядом.

Семьи, оставшиеся без жилья после уничтожения дома, разместили в профилактории университета. Через несколько дней после обстрела Сергей решил сделать небольшой

репортаж, съездить и посмотреть, как живут люди.

Комендант профилактория, молодая симпатичная девушка по имени Люба, рассказала, что здесь живут восемнадцать человек.

– Им предоставлены кухня и столовая, микроволновая печь, холодильник, есть для них посуда. Также люди обеспечены постельным бельём, у нас есть горячая вода. Если у них какие-то вопросы, то подходим и решаем по возможности. Но вроде особых проблем нет, – рассказала комендант.

Сергей походил по комнатам. Действительно, люди были обеспечены самым минимальным комфортом, но он понимал, что долго жить в таких условиях они не смогут. По словам Любы, пострадавших селят по семьям, поэтому в комнатах живут от одного до пяти человек. На первом этаже разместили двух инвалидов.

– Некоторые благотворительные организации и просто люди уже приходили и оказывали помощь питанием, вещи приносили, – эмоционально сказала комендант.

Литвинов попытался поговорить с кем-то из потерпевших, но они наотрез отказывались разговаривать. Есть такие, не всем охота разводить болтологию. Сергей это принимал.

– Лучше бы принесли что-нибудь полезное для людей, а не ерундой занимались, – кинул ему человек в зелёном камуфляже. Возможно, отец семейства. И такую позицию людей можно понять, им не нужны сейчас вопросы журналистов. Они сами хотят узнать, как теперь жить дальше.

Несмотря на неприветливость пострадавших, Литвинову всё-таки удалось пообщаться с представительницей одной из семей, которых после взрыва поселили сюда.

– Нам нужны вещи, хочется, чтобы нам помогли с едой. Очень бы хотелось, потому что я одна целыми днями, муж на работе, а у меня трое детей и тяжело управиться, – посетовала женщина. На руках у неё был маленький мальчик, всего три месяца от роду. Другие двое – постарше, и за ними нужен глаз да глаз.

– Как повезло, что нас тогда не было дома. Я Господа благодарю, – в таких ситуа-

циях нервы сдают, женщина сдерживает слёзы. Серёге это было не надо, он хотел уберечь её от этого. Это для телевизионщиков важна картинка. Плачущая женщина с ребёнком на руках. Кого это оставит равнодушным?

– Ну, ничего. Всё же хорошо, вы живы, здоровы. Вон детвора балуется.

Серёга протянул сто рублей. Большой суммы просто не было. Женщина отвлеклась, взяла деньги и начала рассказывать, что жить в профилактории тяжело.

– Я просто физически не успеваю всех обстирать, помыть, уложить, накормить, тем более мы живём на втором этаже, а кухня находится на первом. Постоянно приходится бегать со всеми детьми.

«Хорошо, получилось отвлечь», – улыбнулся про себя Литвинов.

– Никто из вынужденных жильцов профилактория не знает, сколько времени они пробудут в этом временном жилье, – рассказывала она.

Женщина показала свою комнатуху, где теперь живёт с мужем и тремя детьми. Для пятерых человек помещение очень тесное, возле стен по углам стояли четыре кровати, большой шкаф, тумбочка и столик с микроволновой печью. Конечно, такие условия не могут удовлетворить потребности большой семьи, но это лучше, чем оказаться на улице. «У них нет уверенности в завтрашнем дне. Как и у всех нас», – горько подумал журналист. Вообще, по хорошему, властям стоило бы дать пострадавшим семья пустые квартиры или дома, которых в городе довольно много. Может, кто-то подумает, что это несправедливо по отношению к настоящим владельцам. Но трудные времена требуют непростых решений. Возможно, этим семьям помогут родственники. Серёга надеялся, что у них всё будет хорошо. Новый день, новый луч света, новая надежда. Новая весна.

А мужчина, получивший сильные ожоги, скончался в реанимации. Ему не надо будет искать новое жильё. Он получит последнее пристанище – сосновый гроб и небольшой участок земли.

* * *

На улице продолжало теплеть. Масленица уже прошла. Впереди ждал большой праздник – день рождения. Серёга не хотел праздновать его. С родителями, может быть, посидят чуть-чуть, и всё. С годами ощущения от праздников притуплялись.

«Как изменился я за это время!» – думал Литвинов. Он вспомнил, как часто они смеялись со школьными друзьями. Дети. Наивные, глупые, искренние и жизнерадостные. Эта жизнерадостность с годами, особенно с годами непростыми, тяжёлыми, трагичными, улетучивается. Не остаётся того лёгкого мироощущения. Беззаботность и безделье проходят. Приходится самому принимать решения, от них иногда зависит жизнь.

Как тогда, в большом посёлке, недалеко от линии разграничения. Неожиданный, или всё-таки ожидаемый, обстрел. Раздался первый взрыв, Серёга припал к земле, быстро осмотрелся и, пригнувшись, добрался до стены большого ангара. Снаряды падали не так уж далеко. Но кто их знает. Его коллеги бросились в другую сторону, он потерял их из вида. Вот так и пришлось сидеть больше получаса, прислонив спину к тонкому, горячему от летнего солнца металлу. Конечно, стена не спасла бы даже от пули. Сердце колотилось, голова болела, живот крутил как никогда. Когда всё прекратилось, они продолжили свою журналистскую работу. В тот день никто не погиб, но загорелись поля.

И смех как-то уходил из жизни Литвинова. И лёгкое мировосприятие уходило. И молодость уходила. За надежду он хватался обеими руками, но и она покидала его. А жизнь без всего этого продолжалась. Но разве нужна она такая?

Однажды Серёге довелось поговорить об этом с одним старым солдатом, воевавшим всю жизнь.

– Да так у всех. Это нормально. С этим можно жить, малой.

И Литвинову не стало легче, но стало спокойней. Действительно, так у всех. Он не первый и не последний, кто переживал такие

эмоции. «С этим можно жить». Серёга надеялся, что это правда.

* * *

У Юли дела обстояли всё так же печально. Она переживала, металась, суетилась.

– Я уже заняла денег, Серёжа, – рассказывала девушка. – Отнесла. Но мало, конечно. Я понимаю. Мама обещала помочь. Но там сильная порча на Виталике. Гадалка говорит, что без её помощи до следующего года он точно не доживёт.

Они пили чай на кухне. Вбежал маленький Максим.

– Дядя Серёжа, поиграем?

Литвинов не успел ничего ответить.

– Максим! – прикрикнула Юля. – Не видишь, что нам некогда! Взрослые важные темы обсуждают!

– Да мне несложно.

– Ой, да забей ты! Ему и так не скучно!

– Ну, мам!

– Макс, сладкое не получишь, если будешь надоедать!

Серёга решил не вмешиваться. Он посмотрел на полные обиды детские глаза, без слёз, но жалобные, молящие о внимании и любви, смотрящие на маму, как на идола, богиню, которая, безусловно, никого не любит. Но малыш поймёт это только спустя много лет, хотя всегда будет чувствовать это.

Ребёнок убежал в другую комнату после того, как Юля топнула ногой.

Их отношения зашли в тупик. Они уже просто общались, стали друзьями. И Литвинову не хотелось, и она, борясь вместе с гадалкой за мужа, перестала обращать на это внимание.

– Так что я по-прежнему в отчаянии.

Она снова начала лепетать про продажу квартиры, лучшего мужа на свете Виталика, который изменяет ей с другими, о доброй гадалке, посланной светлыми силами. И говорила, говорила, пока её снова не начало трясти, слёзы капали вниз, лицо покраснело.

– Я квартиру уже выставила на продажу на сайте объявлений. Но за два дня пока никто так и не позвонил! Дорого, что ли? А если так

никто и не купит? Серёжа, что тогда? Получается, Виталик погибнет из-за меня! Из-за того, что я не смогла снять с него порчу. Понимаешь? Я виновата буду.

– Слушай, а дай мне её адрес, – неожиданно перебил Сергей.

– Зачем?

– Да хочу с ней поговорить. Что она мне нагадает на мою беспокойную жизнь.

– Сейчас.

Юля трясущимися руками написала на листке блокнота адрес и телефон.

– Сначала позвони, она только по записи принимает. И скажи от кого. А то чужих не пустит.

– Да, хорошо. Я, наверное, пойду.

– Ага, давай, – она ничего не предложила, не намекнула. Да и не до того сейчас было.

«Ну, стало быть, я тут не нужен уже совсем. Обидно, но ожидаемо, – скривил лицо Литвинов. – Но ей надо как-то помочь».

Он решил поговорить с этой гадалкой. Сделал всё, как сказала Юля. Позвонил, записался. Но перед этим он набрал своего знакомого Руслана, который работал в прокуратуре, и изложил ситуацию.

– С этим что-то можно сделать?

– Ну, нужно заявление от неё, – ответил он.

– Она не напишет, она же не считает себя пострадавшей.

– Да, верно. Тогда от тебя. Ты свидетель мошенничества.

– Рус, я как-то... Думал, без всего этого...

– Что, мусорнуться – запахло? – засмеялся прокурор.

– Да не в этом даже дело. Не хочу жизнь человеку ломать.

– Понял тебя. Только такие, как эта гадалка, другим людям жизни ломают. И их ничего не смущает.

– Спасибо, Рус. Ну ладно, давай.

Гадалка Марья Семёновна жила в частном доме в районе автовокзала. Её домик не пестрил богатством, но был добротным, ухоженным. «В целом скромненько», – отметил

Сергей. Он не мог знать, что двухэтажный особняк с широкими балконами и коваными воротами, расположенный через два дома, принадлежал сыночку гадалки.

Пожилая женщина сдержанно приняла парня. Она осторожно относилась к новичкам. Сначала требовалось хорошо узнать его, войти в доверие, прощупать болевые точки, а уже потом раскрывать на деньги по полной.

Лицо у неё было неприятное. Брови и рот злые, глаза тёмные и глубокие. Но манеры не грубые.

– Тебя что-то тревожит, мальчик мой? Я загляну в будущее. Любовь, карьера.

– Да, понимаете. Меня беспокоит одна девушка...

– Стало быть, личная жизнь, – понимающе кивнула старушка.

– Ну как бы да, – спокойно продолжал Сергей. – Одна девушка постоянно ходит к гадалке и выносит деньги. А та накрутила ей такого и требует огромные суммы. И я вот хотел бы, чтобы от неё отстали.

– Молодой человек, что вы ко мне пришли? – она всё сразу поняла.

– Я хочу, чтобы вы отстали от Юли. Она себе места не находит. Бабушка, какие тысячи долларов? Что ты ей понарасказывала? Разве так можно? – Сергей не хотел ругаться. Он старался говорить вежливо.

– Ну не тебе меня учить! – её лицо стало агрессивным, его черты обострились.

– Я не учу. Просто отстаньте от Юли.

– Я сама решу, – она с хитрецей улыбнулась. – А знаешь, сколько у меня знакомых воевавших ребят имеется?

– Я не сомневаюсь, бабушка. Я пришёл не угрожать вам. И вы мне не угрожайте. Я знаю всё руководство республики. И могу устроить вам очень большие проблемы. Но я пришёл просто поговорить. Попросить, чтобы ты отстала от Юли.

Он старался говорить спокойно, но всё-таки разнервничался. Конфликтные ситуации – это не его стихия. Но пошёл на это ради брошенной мужем женщины с маленьким ребёнком на руках. И оно того стоило.

Потому что на свете есть вещи, за которые стоит бороться. И не всегда кулаками, можно и словами. Но эти слова кто-то должен был произнести. Сергей нашёл в себе силы это сделать.

Марья Семёновна оценивающе смотрела на него.

– А ты кто такой?

– Это неважно. И, поверьте, у меня знакомых во всех ведомствах достаточно.

– Сынок, не ругайся, я тебя поняла. У меня же семья, дети и внуки. Должна же я как-то помогать им, – она сменила тактику, поняла, что с Серёгой нужно по-другому, давить на жалость. – Мне показалась, что Юля твоя богатенькая. Всё-всё. Я отстану от неё. Обещаю. Будет звонить, трубку не буду брать. Особенно после такой её подставы, – она злобно цыкнула.

Литвинов встал из-за стола и начал уходить. Потом повернулся и сказал:

– Неужели у вас совести нет? Времена такие тяжёлые, а вы своих же людей кидаете на деньги.

– Своих? Кто из этих своих меня и мою семью будет содержать, а? Когда времена лёгкие были? – огрызнулась она. – Поживёшь с моё, поймёшь.

– Никогда я вас не пойму.

Серёга шёл по улице Оборонной по направлению в центр, обдумывал разговор. Всё прошло вроде не так уж плохо. Он, конечно, разволновался, день был испорчен, но кто ещё вступится за эту глупую, но в целом хорошую девушку. Возможно, потом наступит чувство удовлетворения, а может, и нет.

Почти два месяца Юля не звонила. Наверное, разбиралась со всем этим, поняла, что произошло, потом злилась на Литвинова за его бесцеремонное вмешательство. Потом она набрала и сказала:

– Хочешь встретиться завтра?

– А как же муж?

– Он уехал в Россию на заработки. Мы сейчас даже не общаемся.

Сергей долго ничего не отвечал, а потом произнёс:

– Удачи тебе, Юля. Будь счастлива.

Наталья БАРАНОВА

Член литактива Тамбовского отделения
Союза писателей России, г. Тамбов

Наследство бабы Зины

Жить в деревне – это искусство. Здесь чужаки редко когда принимаются с распротёртыми объятиями. Если у тебя фамилия звучит странно, или молишься не справа налево, а слева направо, то прижиться в деревне трудно. С этим проблем не было, и мы решили купить домик в деревушке Кулебяково, что в пятидесяти километрах от города. Когда-то здесь было имение барина Давыдова, чья усадьба – величественное здание в два этажа с мощными колоннами – стояла на высоком берегу реки Челновой. Красота этого места, где сливались две реки – Челновая и Цна, удивляла первозданной нетронутостью. Рассветы над слиянием потрясали красками и туманами. В деревне было много брошенных домов, которые стояли с заколоченными окнами – хозяева уехали в города за другой жизнью, многие продавались, но мы выбрали дом Зинаиды Николаевны. Честно сказать, это был не дом, а домишко, построенный в середине прошлого века: маленький, с красивыми резными наличниками на окнах и сиренью в палисаднике. Домик стоял как бы на полуострове: вдоль всей улицы, внизу через дорогу протекала Челновая, а в огороде струился маленький ручей, когда-то бывший речкой, – Гнилая Тягла. Эту часть улицы всего в десять домов ещё со времён переделки соб-

ственности называли Горлохватовкой. Когда сто лет назад крестьяне делили земли своего барина, то хватали друг друга за горло.

Баба Зина заломила за него цену, как за небольшой дом-особняк. Витька – мой муж – торговаться не умел, только и сказал:

– Бабуль, да за такую сумму можно на соседней улице хоромы купить...

– Ииииии, сынок... я ж тебе не усадьбу продаю, а соседней.

Ничего не поняв, но поверив в мудрость бабы Зины – её возраст говорил о наличии таковой, – ударили по рукам и уже через неделю поняли, как нам повезло с покупкой домика с соседями в нагрузку.

Справа жил дед Степан – весёлый, разговорчивый. Он приходил каждое утро, садился у дома на лавочке и ждал, когда мы выйдем. В деревне деда давно никто не слушал, а потребность в общении у него была большая. Так мы узнали о всех жителях деревни: кто на ком женился, кто когда родился. Но не информированность деда была главной ценностью, а то, что у него всегда всё было: нужна лопата – пожалуйста, клещи – нате вам, проволочку – прикрутить нужную вещь в хозяйстве – сколько угодно. Мы, как городские жители, были не готовы к жизни в деревне, так что дед оказался кладом.

Второй клад жил слева – Антонина. Она-то и была нашим главным приобретением.

Через неделю мы окончательно переехали и почувствовали вкус деревенской жизни. Вместе с нами вкус почувствовал Грэй. Наша собака была умной, голубоглазой и любопытной. Её любопытство привело во двор Антонины, где на вольных хлебах жили две курицы и петух. Таких чудес наш пёс отродясь не нюхал в городе. Даже не все люди догадываются, что от собак бегать нельзя, а уж куры и подавно, поэтому, увидев голубоглазую собаку, они испугались и побежали прятаться под крыльцо дома. Грэй знал: когда бегут, надо ловить.

Скандал на улице начался неожиданно. Мы сидели в гостях у Антонины, которая по случаю нашего переезда приготовила пирог, запивали козьим молоком и слушали истории из жизни теперь уже родной деревни. Вдруг истошно закричала курица.

– Снеслась! – воскликнул мой муж – небольшой знаток деревенской жизни с курами.

– Ой, батюшки, беда! – Антонина сразу поняла, что случилось неладное. Она быстро выскочила из-за стола и побежала во двор.

Оказалось, что любопытство Грэя зашло слишком далеко – он захотел не только понюхать, но и надкусить.

Куры под крыльцом орали, петух, не зная, чем помочь, бегал кругами по двору, истошно голосил. Суматоху дополняли крики Антонины. Она махала руками и топала ногами на собаку, боясь подойти поближе – вдруг тяпнет? Грэй не обращал на неё внимания, пытался достать кур. На крики подоспел дед Степан и взял в свои руки процесс спасения – ругался строгим голосом, но и его Грэй не слушал, продолжая вгрызаться в добычу под крыльцом. Пришлось подключиться нам: Грэя тянули за лапы, он отбрыкивался и рычал – требовал продолжения банкета. Через некоторое время битва была окончена: куры проиграли, петух остался вдовцом.

Из-под крыльца, улыбаясь в усы, вылез довольный Грэй. Ругаться было поздно, дело сделано.

Антонина молча ушла в дом, а дед Степан, задумчиво глядя на Грэя, сказал:

– У нас в деревне строго... куры погибли – собаку долой.

– Как это – долой?! – Витька не сразу понял трагичность момента.

– А так, проснулся утром, а она мёртвая... один один... ничья. В деревне – оно как? Набедокурил, тут же тебе быстренько следствие, суд и приговор приведён в исполнение. Жалобы по инстанциям писать не принято, осудят.

– Строго у вас тут.

– Строго, но справедливо. Да, вы не бойтесь, Антонида у нас такая – ей хоть дом подпали, она ж поджигателя и пожалеет. Сегодня у Тоньки самый чёрный день в жизни. У неё ведь как заведено? Ни одна живая душа трагически не погибает. Живут столько, сколько Господь отмерил. В прошлом году курица померла, думали – от болезни, а вскрытие показало – от старости и ожирения. А месяц назад Антонида козу Анфису в добрые руки отдала. Измучилась она с ней, уж больно бодливая да строптивая... Другая бы терпеть не стала, прирезала, а Тонька не может лишиться жизни – не она дала, не ей забирать. Вчера козу вернули назад, сгальная оказалась. Антонине, оно конечно, морока, но вы теперь всегда будете с молоком.

Вечером на семейном совете, куда был приглашен и Грэй, мы решили, что жить в деревне придётся долго, и чтобы не потерять репутацию, собаку и соседку, надо срочно покупать кур и везти с поклоном Антонине. Авось простит.

– Гулять так гулять, – сказал Витька. – Берём десять штук, самых красивых, и петуха в придачу. После сегодняшней битвы вдовец не выживет. Грэй свидетелей не оставляет...

В окно постучали, это был дед Степан:

– Соседи! Вы там чего затихли, испугались ответственности за содеянное? Выходите, Антонида на лапшу зовёт в знак примирения. Заодно и поминки справим. Лапша, чтоб вы знали, из петуха очень душистая да наваристая.

Права была мудрая Зинаида Николаевна – домик оказался дорогим приобретением. И самым ценным в покупке были соседи.

Поздно вечером на лавочке сидели Степан и Антонина. Они смотрели на светящиеся окна дома новых жильцов и каждый думал об одном и том же: «Дай Бог здоровья Зинаиде, хороших соседей оставила нам в наследство».

КАК МАУГЛИ И СИЛЬФИДА УТОМИЛИ НИКИТКУ

В маленьком селе Ковылкино не было культуры. Не сказать, чтобы совсем... летними тёплыми вечерами на скамейке возле своего дома дед Матвей играл на гармошке, а баба Паша красивым голосом подпевала. Послушать импровизированные концерты собирались все соседи. И это всё: ни тебе оперы, ни балета, ни спектаклей заезжих артистов. Заезжать было некуда: сельский клуб закрыли на ремонт лет десять назад и забыли открыть. Основную культуру в массы нёс телевизор. Телевизор – это окно в большой мир, запахнутое двадцать четыре часа в сутки. Смотри что хочешь: папа хотел футбол, мама – сериал про Марию, дедушка – фильмы о милиции. На Никитку ширины окна не хватало. Но однажды по телевизору показали цирк, и это оказалось потрясением для мальчика. На следующий день кошка Маруся против своей воли стала наездницей, а дворовый пёс Мухтар – резвым скакуном на арене цирка во дворе дома.

Через неделю Маруся перепрыгивала со шкафа на шкаф, а Мухтар приносил обувь со всей деревни.

– Глянь-ка, мать, какие способности у нашего сына, – сказал отец, разглядывая дырявую калошу, которую нашёл утром на крыльце. – Подрастёт, будет девок дрессировать.

– Тебе бы только посмеяться, а ведь сын растёт, и ничего, кроме деревни, не видел, а где-то большая жизнь... искусство с цирками и театрами. В Москве, вон, эскалатор есть... Катаются себе целыми днями... счастливые.

– А у нас мотоцикл в сарае, вот починю и будем кататься...

– Да ну тебя, я ж серьёзно....

– Если на серьёзе, то на зимних каникулах свозим Никитку в Москву, пусть посмотрит на культурную жизнь, авось научится отличать оперу от балета.

– Тебе бы всё шутки...

К поездке в Москву готовились заранее – это вам не в соседний городок съездить. Можно было и в областной центр, что в ста километрах от деревни, но там тоже не было цирка, а уж балета тем более.

Родственники в Москве удивились звонку и просьбе родственников из деревни, но когда им сказали, что те едут одним днём и ночевать не будут, то сильно обрадовались и пообещали купить билеты в цирк, в кукольный и Большой театры. Москва – дело дорогое, поэтому нечего долго рассусоливать, надо успеть за день то, чего москвичи не могут позволить себе за несколько лет.

До Москвы добирались больше суток. Первым по списку шёл кукольный театр и спектакль «Маугли». Умаявшиеся с дороги родители к концу представления прекрасно выспались. Никита держался до двух третей второго отделения, но и его сморили приключения мальчика Маугли.

Следующим по списку культурных достопримечательностей столицы шёл цирк. Слоны, тигры и верблюды, которых Никитка видел только по телевизору, потрясли мальчика. Тигры прыгали через горящее кольцо, ходили по канату, выполняли все команды дрессировщика агрессивно и как бы нехотя. Огромные неповоротливые слоны вставали на задние ноги и, хоботом обхватив красивую, всю в блёстках дрессировщицу, поднимали высоко вверх. Наверно, ей было страшно, но она улыбалась.

– Господи! Что вытворяют, – причитала мать, – я бы ни за какие деньги не согласилась...

– А тебе бы никто и не предложил, у тебя таких ног нет, – неудачно пошутил отец.

Обидеться мама не успела – на арену выскочили лошади: длинноногие, в гриве не

ВЕДРО

было репъёв, и шкура лоснилась под прожекторами. Это вам не Орлик деда Тимофея! Вокруг них бегали мужчины, которые на полном скаку запрыгивали на лошадь, делали сальто и спрыгивали. А один, особо шустрый, пролез под брюхом лошади, ловко вскочил на спину и стоя промчался мимо Никиты аж два раза.

«Вот бы мне так!» – подумал Никитка.

– Глянь-ка, мать, на сына. Лошади ему понравились больше, чем слоны. Да и то... где в деревне взять слонов? Боюсь, Тимофею Орлику предстоит много работы.

Потом были собачки, клоуны, акробаты и фокусники. К концу представления Никитка определился с главной целью в жизни – когда вырастет, работать будет в цирке. Если не получится дрессировщиком, то уж клоуном обязательно, на худой конец акробатом – делать «мостик» и «коробочку» он уже умеет.

Когда вышли из цирка, отец сказал:

– Ну что, сын, гулять так гулять... Пошли посмотрим, как цари жили, – в Кремль.

Два часа ушло на царь-колокол с пушкой, корону царя и брошки царицы. Последние силы покинули Никитку на балете «Сильфида». Он успел только спросить: «Это спектакль для глухонемых?» И уснул.

Искусство в большом количестве утомляет: будь ты мальчик из деревни Ковылкино или дядька, перелетевший океан для встречи с прекрасным, который спал в соседнем ряду.

Никитка возвращался домой нагруженный впечатлениями по самую макушку.

– Нет, – решил он, – балериной я не буду – нужна партнёрша, а где её в Ковылкино взять? И артистом за ширмочкой не хочу, меня же там никто не увидит. Остаётся цирк. У бабы Нюры коза есть, у деда Тимофея лошадка Орлик. Это, конечно, не тигры, но работать можно.

К дому подъезжали уже ночью. Деревня спала и не подозревала, какая судьба ожидала деревенскую скотинку.

О таких, как Василиса, раньше говорили: сто лет в обед будет. Сто не сто, но много... А что делать? Живой в могилу не ляжешь. Жить долго хорошо, но не к чему. Из родных одна внучка осталась, и та в деревню пятый год глаз не кажет. Остальные давно померли, только её Господь никак не приберёт. На всю деревню три древних реликта. Да и деревни, почитай, нет. На дальнем конце улицы Манька свой век дотягивает. Вместе в школу ходили, потом на заработки в большой город ездили, но не прижились там... вот и доживают в деревне, которой нет. Третий – дед Тимофей. Один жених на двоих, как он сам смеётся, ходит навещать – Маньку по чётным, Василису по нечётным дням. То лампочку вкрутит, то воды натаскает, а иной раз – просто так, поболтать. Заодно и столуется у них. Самому то лень готовить. Мужики – они такие: будут сидеть на сухомятке, но шей себе не сварят.

Василиса посмотрела в отрывной календарик, что висел на стенке, – число было шестнадцатое, Тимофея можно не ждать, придётся самой лезть в погреб, картошка закончилась. Она надела телогрейку, сапоги – обувь на все случаи жизни, – повязала платок и вышла во двор. Коротко гавкнула собака. Это Мохнатка показала, что сторожит никому не нужный сарай.

– Ты чего это, Мохнатка? Не признала хозяйку? – Василиса погладила собаку и открыла дверь в сарай. Света здесь не было. А кому светить? Когда-то жили большой семьёй, чего только ни бегало по двору и ни мычало в сарае: корова, кролики, куры, гуси. В колхозном стаде овечки ходили. Теперь нет ни семьи, ни живности, ни сил держать хозяйство. Ей одной много ли надо? Мешок картошки, ну огурчиков солёных, капусты квашеной. К разносолам за всю жизнь не привыкла, а теперь и подавно не укусить. Не по зубам и не по деньгам.

Василиса шагнула в сарай, осветила себе фонариком и, не глядя под ноги, пошла в темноту, к лазу в погреб. За долгие годы, что жила одна, она научилась экономить силы и

рассчитывать каждое движение, когда доставала из погреба картошку, соленья. Чуть зазеваешься – и останешься в погребе. Жди, когда Тимофей придёт или Манька-подружка хватится. Сначала она привязывала толстую верёвку к ручке двери, потом спускалась в погреб, тянула за собой верёвку, на конце которой болталось ведро. Затем набирала картошку в ведро, вылезала из погреба и тянула верёвку наверх. Сегодня она проделала это ловко, но захотела ещё баночку с грибами достать, да и огурчиков не мешало бы... Второй раз спустилась вниз, наполнила ведро банками, вылезла и потянула верёвку. Тут-то ведро, которое служило ей десятки лет, оплошало – не выдержало нагрузки, дно вывалилось. Банки рухнули вниз, в погреб, хорошо хоть Василиса удержалась. Она пнула ведро и расплакалась от бессилия.

– Господи! За что ты меня наказываешь, – причитала она. – Все нормальные люди давно уже с Тобой разговаривают, отчёт дают, а я всё по погребам скачу.

Мохнатка подошла к ней и облизала мокрое от слёз лицо, пожалела.

Она поплакала, вроде легче стало. У женщин всегда так – боль и обида слезами исходит. Решила, что на сегодня приключений хватит.

– Вот придёт завтра Тимофей и натаскает банок из погреба, – сказала Василиса собаке. – И тебе будку подправит. Крыша давно течёт. Хватит под порогом скитаться, если собственный дом есть.

У неё от одиночества появилась новая привычка. Она теперь со всеми разговаривала: с мышами, которые грызут что ни попадя; с «ходиками» – эти вечно отстают; сама с собой, если что-то вспоминалось, а рассказать некому. Иной раз и кошке приходилось выслушивать хозяйку. Всегда в доме жили только коты, с ними проблем меньше, но со временем Василиса поняла, что кошки лучше слушают. Вот и сейчас – пришла домой, сварила картошку, но в тишине невкусно кушать. Она посадила перед собой кошку, налила молока в мисочку и начала жаловаться:

на одиночество, на старость, на ревматизм – последнее время совсем одолел. Вспомнила о ведре, которое подвело.

– Думала, этому ведру сноса не будет. Видать, у всего есть предел, что у человека, что у железяки. Жила, росла, старилась, а оно всё при мне было. Помню, мать корову подоит, а часть молока надо в колхоз сдавать. Детей-то нас пятеро, чем кормить, если молока не будет. Голодно жили, только молоком и спасались. Вот и разбавляли его водой, чтобы себе побольше осталось. Несла, бывалыча, в ведре разбавленное молоко, тряслась, как осиновый лист. Вдруг поймают, срам-то какой! Они ж там мерили жирность и на бумажке писали, чьё молоко какой жирности. Бумажка потом на стене в правлении висела. Вот однажды мать разбавила молоко, я отнесла в колхоз, а на бумажке потом написали, что молоко у Коржовых жирное. Домой неслась, от радости ног под собой не чуяла, ведром махала, а домой прибежала, кричу матери: «Лей ещё воды, наше молоко самое жирное!» Вот так вот и жили...

Кошка пила молоко, наверное, внимательно слушала, но по ней было не видно.

Василиса продолжала: – А потом ещё помню. С мужем Ванечкой, ещё когда женихались, встречались у колодца. Конспирация такая. Отец детей в строгости держал, гулять вечерами не пускал, а днём некогда, вот и придумали, что встречаться будем у колодца. Собираюсь за водой, а мать и говорит: «Что это ты, Васька, так часто за водой бегаешь? Эту ещё не испили».

– А как только Ванечка сватов прислал, так я о воде и забыла, теперь это была братова обязанность. – Василиса рассмеялась, вспомнила, как брат Андрей бегал за ней с коромыслом, кричал, что не мужское это дело – за водой ходить. О чём с девками у колодца разговаривать?

– В деревне ведро наиглавнейшая ценность: и корову подоить, и воды испить, а состарится, так картошку копали, опять же ведрами ссыпали в мешок и считали, сколько ведер накопили. Больше или меньше, чем в прошлом

годе. Мешки-то у всех разные, а вёдра одинаковые. Вот и мерялись с соседями, у кого урожай лучше. А если уж совсем никуда негожее становилось, так не выбрасывали. Спросишь, почему? А жаль было. Никогда не знаешь, как и что в хозяйстве пригодится. Вот и сегодня, думаешь, я его выбросила? Так нет, на колышек, на ограду повесила. Пушай висит, авось пригодится. Опять же жаль, столько всего с ним было. Помню, в войну наши быстро отступали, мы и опомниться не успели, как враги уже по деревне шли. Кто пешком, а кто на лошадях. Магьяры – нация такая. Мы о таких и не слыхали. Это тебе не немцы. Те всё больше на мотоциклетах. А лошадей-то поить надо. Вот один магьяр заскочил во двор, схватил ведро, что сушилось на ограде, и побежал по улице. Мать так и ахнула, где теперь ведро взять – разруха кругом? А вечером пошла к колодцу, а там вёдра со всего села валяются. Мать своё-то и взяла, приметное было: бок чуток вмятый.

Кошка закончила с молоком и сидела, гостей намывала.

– Чего это ты, Мура? Гости нынче не будет, не старайся, не наш день.

Только проговорила, как стукнула дверь, в тёмных сенцах зашебуршало, и на пороге появился Тимофей.

– Привет, Вася. Знаю, знаю, нетвой день – Манькин, но у тебя щи вкуснее, да и дело есть.

– За щами завтра приходи. Сегодня картошка в «мундире».

– А с чем картошка?

– С языком. Остальное на дне погреба. Я тут маленько «управилась». Не стала тебя ждать до завтра, сама в погреб полезла. Ведро

с банками тянула, а дно не выдержало, вывалилось. Огурцов не жалко, а вот ведро теперь только выбросить, да больно жаль. Как память.

– Зачем выбрасывать? Для моего дела как раз сгодится. Сейчас его приспособим, ещё послужит.

– Что за дело?

– Ты ж знаешь, я праздники люблю. Каждый день листаю календарик. Сегодня, глядь, а там твои именины. Вот, принёс яблоньку – росточек тоненький. Давай посадим возле дома, а чтобы ненароком не сломила, наденем на него ведро, пусть охраняет. Урожая, может, и не дождёмся, но деревце будет расти и мир радовать.

Яблоньку сажали с радостью. Потом долго сидели на порожке, смотрели на новую жизнь, и каждый думал о своём.

Василиса: «Приедет внучка, а яблонька её встретит. Если весной, то цветами, если летом – красными яблочками. Это как привет от меня. Она догадается».

Тимофей: «Может, к Маньке пойти? Щи – они везде щи...»

Он поднялся:

– Так ты меня завтра жди. Прямо с утра. Дел много: в погребе порядок навести, дверь в сарай перекосило, подправлю. И щи... по расписанию. Он засмеялся и пошёл со двора, а Васька осталась сидеть на крылечке. Рядом примостилась Мохнатка, на коленях мурлыкала Мура. Всякая животинка любит ласку. У неё как раз две руки: левой гладила собаку, а правой почёсывала за ушком у кошки.

– Ну что, родненькие... Не зря говорят – есть жизнь после смерти, что у человека, что у железяки. Будем жить, ждать весны... и Тимофея.

Марина ЕРМАКОВА

Поэт, лауреат литературных конкурсов,
член Союза литераторов России, г. Тамбов

ПОЛЕ ДИКООЕ

Поле дикое. Бичей
Свист протяжный здесь скитался...
Ветра плач и песнь ночей...
Видно, дух мне твой достался.

Дух лесной и дух степной,
Топей непролазных омут.
Дух водицы ключевой,
Поклоненье чернозёму.

Средь дерев плутала я,
Во лугах твоих бродила.
Вольно-дикая земля,
И во мне твоя есть сила.

КРЕПОСТЬ ТАМБОВ

Храпит конь ретивый, сверкает река.
Лесисты и топки вокруг берега.
Роман Боборыкин на Цну посмотрел:
– Тут крепость построить мой станет удел.
Не пустим ворогов на земли свои.
Валы возведём, да и выроем рвы.
Поселим служивых и смердов сюда.

И крепость воздвиглась... посад, слобода
Стрелецкая, рядом Пушкарская... Вот
Уже Полковая поодаль растёт.
Крестьяне с соседних губерний идут
И вскоре Покровскую здесь обживут...
Была эта крепость надёжным щитом.
И городом стала торговым потом.
Вот так и возник на реке Цне Тамбов.
А было вначале лишь сотня дворов.

ТАТАРСКИЙ ВАЛ

Степи, степи девственные дикие,
Горьковатый дух раздольных трав.
Ветры, ветры буйные, вселикие
Разгулялись, зов веков поправ.

Клевера, овсяники, нивяники...
Перевиты вязью чабреца.
Вслед кочевникам и редким странникам
Сыплется полынная пыльца.

В ковылях синеют колокольчики,
То молчат, то будто бьют в набат.
Сторонятся вала и погонщики.
Русь за валом! Ведай, супостат!

Не ходи на Русь! Оставь сомнения.
На Святую, воров, не ходи.
Валовые всюду заграждения,
Ров за рвом, ворову не пройти.

Будь сильна, Великая Держава.
А с тобою – твой народ и слава.

МНЕ ЛЮБЫ ЗОРИ

Мне любви зорь закаты и восходы,
Когда в их небывалой красоте
Потянет кошениной, хлебом, мёдом...
Иль из-под снега, словно на холсте,
Появятся весны пришедшей восходы.

Тамбовщина! О, край родной мой, дикий!..
Блеснут на землю ясные лучи,
Едва на небе высветятся лики,
И прошлых дней сорвутся сургучи!..
И поплывут по Цне цветные блики...

И вспомнятся истории скрижали:
Как предки, охраняя рубежи,
Здесь оборону от врагов держали...
Как первым губернатором служил
И край преобразил поэт Державин.

Мне есть, чем малой родиной гордиться,
Благодарить своих отца и мать
За то, что довелось мне здесь родиться
И с умилением зори созерцать,
Когда летит на свет, взмывая, птица.

И ощущать земли моей дыханье,
Когда она весной опьянена,
Томится беспокойным ожиданьем,
Принять в себя готова семена.
Так жду и я с началом дня свиданья.

И новый день, и день здесь уходящий
Моею жизнью стали настоящей.

ТАМБОВ ДО ДЕРЖАВИНА

С гаком сто годов Емеля, видно, с печки не слезал.
Захолустье. Черноземье. Блеет Сидора коза.
Щук-то в Цне-реке навалом, невод некому сплести.
Протирать штаны бы даром, казнокрадство здесь в чести.
Всюду улицы кривые, деревянных изб разброс.
Крыши сплошь соломенные. Преет у дворов навоз.
По дороге барин едет, лужи мерит колесо.
Но фашинником устелен ряд болот... Бежит за псом
Малолеток лопухий, а за ним — гурьба ребят.
А над сорной кучей мухи надоедливо гудят.

ТАМБОВСКОМУ МУЖИКУ

Непрерывной волной за эпохой приходит эпоха.
И течёт по ухабинам жизненным время-река.
Но стоит на земле до последнего пота и вздоха
Земледелец-мужик, полюбивший её на века.

Вынес много он бед на спине своей крепкой, могучей.
Беды все одолев, продолжает священный свой труд
С верой предков своих. Оттого и доныне живучий,
Что его Силы Божьи и Матерь-Земля берегут.

И покоится Русь на плечах его сильных и верных.
Богатеет земля от крестьянских натруженных рук.
Мы ему благодарны за труд его славный безмерно –
Землепашцу, держащему крепко железный свой плуг.

Я ВРОСЛА В ЭТУ ЗЕМЛЮ

Я вросла в эту землю корнями и памятью,
И горжусь своим краем Тамбовским без меры я.
Если сравнивать родину с храмом и пажитью,
Значит душу наполнить любовью и верою.

Если выстрадать родину духом сознания,
Не набивши оскомины малым из малости,
И опорой надёжной – землёй прорастания
Ощутить и запомнить и юным, и в старости,

Значит вскормленным быть её дикими соками,
Её сладостным воздухом, дымом отеческим.
И прожитую жизнь измеряя дорогами,
Расписаться здесь следом своим человеческим.

Здесь крепка наша связь без времён и без времени,
Отболею я вряд ли любовью к Тамбовщине.
Без неё я – без рода, без крова, без племени.
С ней – богата полями, лугами и рощами.

Я богата людьми и далёкими весями,
И наследием от соплеменников-гениев,
Разудалою пляской, душевными песнями...
Оттого и к родимой земле притяжение.

ЕСЛИ КРЫЛЬЯ ЛЕГКИ

В Черноземье у Цны поселение есть.
Здесь старинный стоит славный город – Тамбов.
В этом городе улиц по пальцам не счесть.

В этом городе много домов и дворов,
Окон много, дверей, очагов и углов...

В этом красочном благословенном краю
Возвышаются к небу церковей купола.
Каждый храм здесь историю пишет свою.

Я себе отрастила два носких крыла,
Где озёра и реки – небес зеркала.

Твёрдость крыльев моих я б сравнила с тобой,
Распрекрасный, растущий мой город Тамбов!
Здесь мы бегали в детстве шумливой гурьбой.

Отпускали мечтаний своих ястребов
И растили в душе к этой жизни любовь.

К этой вольной и тихой родной стороне,
К землякам, что хранили наш город у Цны,
Что геройски сражались на страшной войне.

Что работали на процветанье страны...
Эта вера идёт из веков глубины.
Этот город хранит много громкий имён,
Эпохальных событий, ответственных дел...
По которым слагается эхо времён.

На благие дела не настанет предел,
Если крылья легки и назначен удел.

Как по речке-по реке,
По голубке речке Цне
Челноки гуляли, челноки гуляли.

А в лесочке вдалеке
Тихой ночью при луне
Волки завывали, волки завывали.

Полюбил степняк лихой,
Ох, жену да казака,
Ногу сунул в стремя, ногу сунул в стремя.

Едет нукер молодой,
Держит лук его рука.
А казак не дремлет, а казак не дремлет.

Скачет по степи кипчак
На буланом... на коне
По степи широкой, по степи широкой.

В Острожке не спит казак
Во родимой стороне
Ноченькой глубокой, ноченькой глубокой.

Мчат по полю кипчаки,
Им навстречу казаки...
А дивчина плачет, а дивчина плачет.

Ох, как встретятся они
В чистом поле у реки,
Битвы ждать горячей, битвы ждать горячей.

ЛЕСОСТЕПЬ – МОЯ РОДИНА

Лесостепь – моя родина.
Реки тихой воды,
Пряный запах смородины,
Полевые цветы...

В поле каждой травинке,
Ветке каждой в лесу
Вольно в солнечной крынке
Боги утро несут.

И легко и отратно
Мне в родимом краю.
Благодать и прохладу
Вместе с воздухом пью.

Чабрецом пахнет, мятой...
И полынью хмельной.
Для меня всё здесь свято,
Все дороги домой.
Не отыщешь роднее,
И милей не сыскать
Стороны той, где в муках
Родила меня мать.

КОРНИ

Наверное, мало нам просто любить,
Но слова сильней я не знаю.
Какая же прочная кровная нить
Нас тянет к родимому краю?
Какая же сила эпох и веков
Вливается в нас через корни?
И крепкое слово живёт праотцов
В сердцах наших: «Веруй и помни».

И детская память по воле судьбы
Запомнит родимую землю,
Где каждая дата – кресты и столбы...
Где с корня стремление к стеблю.

Где старый сарай или пыльный чердак
Расскажет о самом заветном.
Где каждый вполне неприметный пустяк
Из жизни, как случай конкретный.

Где мудрость и слава известных людей
Вливалась с младенчества верой.
Где ты постигаешь надёжность друзей
Взращённой отцовскою мерой.

Наверное, мало нам просто любить,
Но слова сильней я не знаю.
Такая вот прочная, кровная нить
Нас тянет к родимому краю.

Виктор ФОМЕНКОВ

Прозаик, член Союза литераторов России,
д. Гомзяки Никифоровского района

Зять, коза и тёща

Памяти В. М. Шукшина посвящается

Вера Павловна Авдеева невзлюбила во всех отношениях Сергея Звягинцева с тех пор, как он стал подрастать, на дух не переносила, как говорят в таких случаях, ненавидела всем существом. И думать не думала она, и знать не могла, что этот слегка рыжий паренёк станет её зятем. Пока однажды её последышек Люба, а детей у Авдеевых четверо, не обрадовала мать.

Был летний вечер. Отец и мать были дома.

– Мам, – начала она, зная, что мать будет против, – я выхожу замуж. В субботу придут сваты.

И первый вопрос у Веры Павловны к дочери был таков:

– Кто?

– Звягинцев.

– Сергей, что ли?

– Да!

Вера Павловна от такого известия даже присела.

– Отец, это что же такое? Преподнесла дочка, – обратилась к главе семейства мать.

Отец Любы Пётр Петрович не был враждебен к Сергею.

– А что такое, чем он тебе не нравится? Парень как парень.

– Нет, – ответила Вера Павловна. – Только не Звягинцевы, не их непутёвый. Других, что ли, нет?

Пётр Петрович улыбнулся и стал на сторону дочери:

– Для неё хорош.

Вера Павловна не отступила от своего, говорила, что рыжий – это ещё ладно, непутёвый, вечно зубы скалит, ходит как дуралей, да к тому же ещё лентяй, каких поискать. По селу весь день слоняется, собак гоняет, а вечером в клуб идёт дурочек ловить. И поймал.

– Мам, – обиженно ответила Люба, – хватит. Вот всё, что ты сказала, это не о нём.

– А о ком? О нём, за кого замуж собралась. Вылитый весь папаня, яблоко от яблони недалеко падает. Не хочу их в доме своём видеть, даже на пороге.

Уговаривали всей семьёй.

Была свадьба.

* * *

Прошло с десяток лет. Вера Павловна и Пётр Петрович уже на пенсии. У Сергея с Любой родилось два сына. Старший – парень рослый, и чем-то вроде бы сходство с Авдеевыми имел. Его-то больше любит Вера Павловна, чем второго внука Алексея, копию отца. «Рыжий, и выходки папашины», – рассуждала Вера Павловна, но ни того, ни другого не обижала и принимала одинаково. А неприязнь к зятю осталась, все эти годы отношения были напряжённые, холодные.

Пётр Петрович, видя всё это, осаживал жену, не давал ей разойтись до кипения, сам же поддерживал отношения с Сергеем. Люба и Сергей жили дружно, любили друг друга.

...Появления тёщи в доме дочери и зятя были часто такими, чтобы наговорить на Сергея и поссорить их.

– Люба, – сказал однажды недовольный муж, – когда это всё прекратится, за что так не любит меня Вера Павловна, моя тёща, ведь я ей никогда в жизни не делал плохого? Вечно она меня унижить хочет, недовольна мной.

Люба не знает, что ответить.

– Что молчишь? – спросил Сергей. – Я понимаю, что она тебе мать. Сколько мне её терпеть? Иногда мне её просто убить хочется.

Люба вздохнула и ответила:

– Я-то, Сергей, что могу? Человек она такой, тяжёлый. Давай потерпим!

– Сколько?

– Не знаю!

Муж не стал больше огорчать жену.

– Да, – ответил он, соглашаясь, – если б не Пётр Петрович и не братья твои Алексей и Николай, вряд ли мы были бы вместе. Так?

– Да, – согласилась Люба, – но я бы всё равно за тобой на край света пошла.

Сергей как-то под вечер пришёл с работы пораньше и заметил в окно, как к ним чуть ли не бегом торопится тёща. Заявилась, зная, что Сергей дома (а он спрятался в другой комнате, чтоб не видеть её), прямо с порога начала дочери нотации читать:

– Где твой бездельник? Видела, домой прошёл. Хлыст бездомный. Молчишь,

ни слова ему. Опять ушёл, куда? На рыбалку, бездельник, ни горя, ни забот. Дом-то вон хоть бы подделал. Непутёвый. Говорила тебе, а ты не послушалась. Хлебай теперь от него.

Сергей это слышал, понимал, как нервничает Люба и горит между двух огней.

Люба не выдержала на этот раз пустых упрёков матери.

– Что ты хочешь, мама?

А та будто не слышит её:

– Лентяй! Дом скоро без мужской доглядки завалится.

– Хватит! – закричала Люба. – Живём мы и живём, к тебе пить, есть не ходим. Мама, я больше этого слышать не хочу. Не ходи больше в этот дом.

Обиделась. Ушла. А Сергей подумал: «Змея подколодная, чего добивается? Развести нас хочет, как только её земля носит. Ни дочь, ни внучат не жалко. У людей вон тёщи как тёщи, приедут, погостят, с внуками понянутся – и будьте здоровы! А мне с тещей не повезло. Рядом живёт, все соки выжала».

А однажды, давно уже это было, после рождения первенца Сашу, в горячую страду зашёл в сумерках с бутылкой Пётр Петрович. Спросил у дочери, которая только что уложила Сашу:

– Зять-то где? А я прямо с поля. Внушок растёт, а зайти некогда. С утра и до вечера в поле. Забежал поглядеть, а он уже спит. Да, заработался дед. Сергей-то где?

– На огород ушёл. А потом должен баньку затопить. Чумазый пришёл, как ты, папа.

– А мать была у вас?

– Была.

– Опять на мозги давила? Не знаю, что с ней делать. Мать её в душу. Стервой уродилась. Что он ей, соли, что ли, на больное место насыпал?

Люба не хотела расстраивать отца, молчала. Пришёл Сергей, позвал тестя мыться в баню. Там Пётр Петрович предложил:

– Давай, зятёк, выпьем, чтоб языки развязать.

Они сидели на мокром полке. Пётр Петрович налил в стаканы по сто граммов водки. Хлопнул зятя по голому плечу:

– А ты говори мне всё, не робей, что тёща твоя выкинет. Я её враз на место поставлю, вот чёртова баба, взяла в голову дурь... Видно, крепко эта дурь у неё в голове сидит. Но главное, у вас с Любой всё хорошо, вон какого пацана родила. Ладите?

– Ладим!

Пётр Петрович выпил, предложил Сергею:

– Пей, не бери в голову, а эту стерву я успокою. Пусть место знает. Наливай, зять, ещё!

С тех пор утекло немало лет, а разговор тот помнит Сергей.

Уже два года нет Петра Петровича, ушёл с этого света.

Люба после смерти отца перестала сносить нападки матери, сказала ей очень грубо:

– Я терпела все твои кляузы, а теперь, после смерти папы, не желаю. Не нравится тебе Сергей, но он мой муж, и не мути воду в чистом роднике.

Эти слова были до того обидны для Веры Павловны, словно ошпарили они её. Она тут же собралась уходить и перед уходом сказала:

– И такое матери родной сказать, как только язык повернулся. Я с тобой сколько ночей бессонных провела, – с досады плюнула на пол, – ноги моей тут больше не будет. При отце б такое не сказала.

Люба продолжила:

– Бессовестная, папа был не такой. Что ты хочешь, чтоб я развелась, детей без отца оставила из-за твоей прихоти?

– Эх! Внучат люблю, что Сашу, что Алёшу, а вот папашу терпеть не могу.

– Любишь?! Да не любишь ты никого!

Вера Павловна ушла и не появлялась в доме зятя.

А через неделю после той ссоры у Веры Павловны похарчилась коза. Коз она завела

ещё при покойном Петре Петровиче, когда не стали водить корову, завели козу. Но не сразу, Пётр Петрович долго сопротивлялся появлению коз во дворе. А затем сдался, но в шутку перед покупкой сказал обидные для жены слова:

– Вера, смотрю на тебя, ты сама скачешь словно коза. – А потом взял под ручку и подвёл к зеркалу: – Смотри: коза и есть, с длинной вытянутой бородой. А глаза чем-то вроде как козьи напоминают. Только одна загвоздка – рогов нет, да и не будет. У таких, как ты, они не растут...

Обиделась она тогда на мужа, целый месяц с ним не разговаривала, язвой ходила, пока он не заметил:

– У тебя что, Верочка, язык вроде отнялся? Целый месяц слов от тебя не слышу.

– Дурак, – крикнула Вера Павловна, – чтоб у тебя язык отсох! Сколько лет вместе прожили, а под старость лет козу во мне рассмотрел.

...А теперь Вера Павловна собиралась купить новую козочку, стала смотреть объявления в районной газете, нашла, поехала и купила.

* * *

20 сентября Сергею пришла повестка – явиться на судебное заседание в районный суд. Повестка пришла на два дня раньше. Истцом в суде была тёща, обвиняющая зятя в убийстве козы. Любе пришлось идти к матери на поклон, а до этого к ней внуки ходили.

– Бабушка, – спросил как-то Алёшка, – а почему ты к нам больше не ходишь?

Вера Павловна не знала, что ответить внуку, в растерянности бухнула:

– Сама на поклон, внучок, не пойду. Стара я стала кланяться, а то голова отвалится.

Засмеялся Алёша и спросил:

– А разве голова может отвалиться?

– Пусть мать поклонится, у неё от этого голова не отвалится!

В дом родительский Люба шла с большой неохотой, боялась переступить порог, как чужая.

– Пришла просить за зятя? Пусть в суде решают, как поступить с ним, – сказала мать.

– В суде так в суде, – с обидой в голосе сказала дочь.

Утром 22 числа Сергей собрался ехать в район на своих стареньких «жигулях», предложил и теще поехать с ним.

– Купить хочешь? – с ухмылкой отказалась та.

Поехал один. По селу слух пошёл: «Авдеева с зятем судятся».

...Сергей долго сидел в длинном коридоре нарсуда, с болью в сердце, с ненавистью к непутёвой теще. Сидел один, пока не появилась теща. Пришла – ноль внимания на зятя. Молча села в стороне и всё время смотрела куда-то в одну точку, ни разу не взглянув на Сергея. А потом вдруг заявила:

– Душегуб! Паразит! Дочь с матерью рассорил, а животное-то при чём?

Сергей промолчал.

– Ты получишь, паразит. Посажу!

Сергей сидел молча, ни слова, словно каменный. Да и что с ней говорить, всё одно, что об стенку горох. По коридору прошла высокая длинноногая девушка в короткой обтягивающей ноги чёрной юбчонке, на высоких каблуках. Она вошла в кабинет, через минуту вышла и подошла к Вере Павловне. Это была судебный секретарь.

– Авдеева – вы? – спросила она. – Истица по делу № 20 «Смерть животного»?

– Да, по козочке! – Умудрилась пустить слезу горючую. – Вон он, изверг, – указала на Сергея.

«Вот теща даёт, мать её в душу, поискать не найти. Денег предлагал, не берёт. Козу взамен предлагал, тоже не берёт, – думал Сергей. – Только одного хочет – посадить. Сатана в юбке».

От тещи длинноногая подошла к Сергею:

– Звягинцев?

– Да.

– Ждите!

– Ясно.

Когда девушка ушла, Сергей встал, подошёл к теще:

– Ловко получается у вас, прирождённая артистка. Ну добьётесь вы, посадят меня, вам-то от этого что? Я на нары, а детей кто кормить будет? Вы?

– Прокормлю, – буркнула злобно Вера Павловна.

Минут через десять пригласили в судебный зал. В зале четыре человека: судья – женщина в чёрной мантии, девушка – секретарь суда и они – зять и теща. Сергей сел в одной стороне, теща – в другой.

И тут Веру Павловну впервые осенила мысль: «А вдруг посадят, и надолго, ведь дочь не простит меня до гроба».

В зале тишина: муха пролетит – услышишь.

Судья объявила о начале заседания:

– Заслушивается дело № 20 Звягинцева Сергея Алексеевича, 1979 года рождения, о причинении смерти домашнему животному, в частности козе. Истица – гражданка Авдеева Вера Павловна, 1956 года рождения. Ответчик, встаньте, слушаем вас.

Сергей встал.

– Мы вас слушаем!

– Я, ваша честь, работаю в КФХ шофёром, – начал рассказывать Сергей. – 19 августа мы возили зерно сдавать на хлебоприёмный пункт. А обратно брали кирпич с завода. Загрузился я кирпичом, еду, а на перекрёстке гражданка Авдеева Вера Павловна стоит, теща моя!

Судья удивилась: теща с зятем судятся. «Обычно зять идёт к теще на блины, а к такой, видно, не сходишь».

– Стоит, а на верёвочке козу держит, – говорит Звягинцев, – как проехать мимо, мама второй половинки моей. Остановился, объяснил, что не могу посадить её в кузов, кирпич там. И в кабину козу не посажу, не переносу я их на дух. Пришла в голову мысль – за фаркоп рогатую привязать. Вера Павловна, теща, согласилась. Я и привязал! Добежит, подумал я, езды-то от райцентра нет ничего. Едем, вроде теще хорошее дело сделал, а она со мной не разговаривает. Лицо недовольное, будто рядом с ней не зять, а чужой. Не выдержал я, пред-

ставил, что там за фаркоп привязана не коза, а тёща, и газанул. В зеркало смотрю – бежит. Ну, думаю, мать твою, сдохнешь! А сам на тещу зыркаю. Злоба у меня кипит, а она сидит, словно мыльный пузырь, – вот-вот лопнет, недовольная мной всю жизнь. Сорвал я, ваша честь, свою злобу на козе. Погубил козу, жалел потом, а поделать уже нечего. Предлагал денег взамен или козу. Не берёт, посадить желает. Виновен, знаю, сажайте, мне всё равно.

Судья, полная невысокая женщина, после услышанного сторону зятя приняла.

– Я не понимаю вас, гражданка, довести так зятя. Хорошо, что за вас не взялся, – улыбнулась она.

Вера Павловна сконфузилась.

– Всё верно изложил ответчик? – спросила её судья.

– Верно. Всё так, – согласилась Вера Павловна.

– Хотите зятя посадить?

– Хотела.

– А сейчас?

– Не по сердцу он мне всю жизнь. Дочка умудрилась...

– А вы всё время воюете. Воинственная женщина. Пора смириться!

В разговор встрял Сергей:

– Мне жизнь портила, дочке на мозги капала. Совести у вас нет, тещенька.

Девушка-секретарь что-то писала и улыбалась.

– Знаете что? – строго сказала судья. – Моё слово будет таким: за вмешательство в жизнь семьи Звягинцевых, где имеются дети, то есть ваши внучата, я могу вас привлечь к ответу. Сделайте ваших детей и внуков счастливыми. Оставьте всё плохое в прошлом.

Вере Павловне стало нехорошо от осознания дурости, которая всё это время преследовала её, и она сказала:

– Я раскаиваюсь, готова попросить прощения у Сергея, Любы и у внучат.

– Вот видите, – одобрила судья, – я думаю, что дома ещё обсудите. Соберётесь за столиком. А сейчас выслушайте приговор: Звягинцева Сергея Алексеевича, 1979 года рождения, признать виновным в смерти животного. Возместить ущерб истице Авдеевой Вере Павловне – сумму, равную стоимости козы. А кроме того, назначить Звягинцеву наказание в виде одного года (условно). На этом судебное разбирательство считаю законченным. Вам понятно решение суда, гражданин Звягинцев?

– Да.

– А вам, гражданка Авдеева?

– Понятно.

Вера Павловна из зала суда вышла сгорая от стыда. Подошла к Сергею.

– Сынок, – сказала она, – прости дуру старую.

– Что же, – ответил зять, – лучше позже, чем никогда.

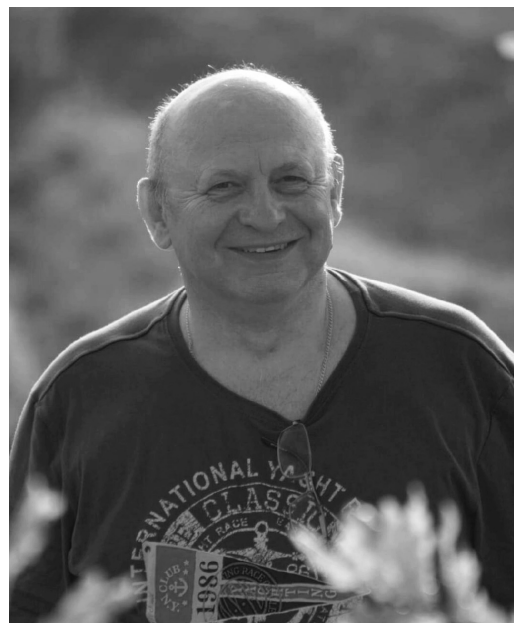
Вере Павловне было интересно узнать, и она спросила:

– Зятёк, а ты б и впрямь меня так же, как козу?

– Давайте забудем, – предложил он, – кто старое помянет, тому глаз вон.

Домой вернулись вместе. «Жигули» подъехали к дому. Выйдя из машины, довольные и улыбающиеся зять с тещей пошли к порогу.

Люба увидела эту картину из окна. Не веря глазам, она выбежала на крыльцо, довольная увиденным. И сердце её трепетало от радости, что всё теперь будет хорошо...

Юрий ПЧЕЛИНЦЕВ

Поэт, автор трёх сборников стихов,
уроженец села Сурава Тамбовского района

МОЯ ЗАСТЕНЧИВАЯ РУСЬ

Скрипит автобус. На ухабах
Меня подбрасывает вверх.
Дорога белая, и слабо
С небес пылит прозрачный снег.
Села родного, как из сказки,
Вдруг возникает силуэт.
Я помню с детства эти краски,
Что сохранил чрез много лет.
Как широка и необъятна
Моя застенчивая Русь.
Сурава, ты невероятна!
И я к тебе ещё вернусь.
Весной встречай меня сиренью
И громким криком петухов.
Я сочиню стихотворенье
О яркой пёстрости лугов,
Об облаках и невесомой
Туманной дымке над водой,
И о местах твоих укромных,
Заросших бурной лебедой.
Ну, а пока вокруг бело,
Ты здравствуй, милое село!

* * *

Слияние и ночи, и дождя.
Вода из туч, как тоненькие струны,
И окна через взвесь во тьму глядят,
На стёклах выводя дождевой руны.

Ночь, волшебство какое-то творя,
Загадочности тень и очертанья,
Колдует над приходом декабря
Неповторимым ходом мирозданья.

Исконность и истоки бытия
Приснятся в снах, ответом на вопросы.
И главный исполинский наш Судья
За всех и всё когда-то строго спросит.

Сливает в лужи дождик все следы.
Грехи смешались, друг за друга прячась,
Надеясь на гуманные суды
И чуточку, конечно, на удачу.

А утро неизбежное придёт,
На все вопросы отвечая мудро.
И в новый день окошко распахнёт.
На то оно надежды лучик – утро.

* * *

Поэт взял ручку и блокнот
 И вышел, молча, в ночь.
 Стихи – не музыка в семь нот,
 Хотя почти точь-в-точь.
 Гармония и тут, и там,
 Как зов людской души.
 Он шёл по улице к цветам
 В тускнеющей глуши.
 Звучала песня в голове,
 За строчкою – строка.
 А где-то вторил соловей,
 И песнь была легка,
 А лунный серп сиял в ночи,
 Как чудо из чудес.
 Осколком тающей свечи
 В сиянии небес.
 Мелодией плелись венки
 Из образов и слов,
 Пускались наперегонки
 Катрены всех тонов.
 В охапку сто цветов собрал,
 Весталок полевых,
 И с ними истину познал,
 Что счастье – это миг,
 Что жизнь дарована, как приз,
 Что рай – он в голове.
 И этот маленький сюрприз
 Он подарил себе.
 Когда сверкнул зарёй рассвет
 По улицам глухим,
 Закончив с ночью тет-а-тет,
 Он дописал стихи.
 И был порядок и уют
 Внутри. В себе самом.
 А сердце, как большой сосуд,
 Душа – как целый дом.
 Мелодия седой ночи,
 Стихов ночных мотив.
 Не нужны тысячи причин,
 Чтоб былью сделать миф.
 Поэт взял ручку и блокнот
 И что-то написал.
 Наверно, новых пару нот
 На завтра. Он устал.

* * *

Небо синее, серое, белое.
 Воздух колкий, морозный, живой.
 Осень вызрела спелая-спелая,
 Как положено этой порой.

Скину шапку и брошу под ноги,
 Растворюсь в тихом празднике дня.
 Буду складывать чудные слоги,
 Что сейчас будоражат меня.

Жизнь! Такая до дрожи красивая!
 В каждой капельке – сонмы чудес.
 Нынче ты с позолоченной гривою
 И сверкаешь до самых небес.

* * *

А можно всё оставить на потом:
 Небритые в седой щетине щёки,
 Немного недописанные строки
 Стихов в моём блокноте записном?

А можно никому не расскажу
 О том, что мне так мало было лета,
 Все истины, сокрытые в секретах,
 И то, что я люблю, чему служу?

А знаешь, где далёкая луна
 Спит днём и на каких подушках,
 Что звёзды – это Боги игрушки,
 А космос – это просто тишина?

А хочешь, позову тебя с собой
 В нехоженые голубые дали,
 Где нет забот и нет совсем печалей,
 И где всегда шумит волной прибой?

А можно покажу все эти где-то?
 Свидание назначу на апрель,
 Чтоб в мир ворвались свет и акварель
 И счастье от рассвета до рассвета?

А можно всё оставлю на потом?

* * *

За окошком дождь,
За окошком холод.
Влажные дома тихий быт хранят.
Проливная дрожь
Будоражит город.
Так с утра до ночи третий день подряд.
За спиной моей
Отсырели крылья.
Не могу парить. Я учусь ходить.
Тусклость фонарей
Спит под серой былью.
Хочется тепла. И хочется курить.
Намело листву
Пятнами на землю.
Как цветные кляксы – мокрые зонты.
Браво естеству,
Что, погоде внемля,
Прямо у земли гасит красоту.
Дождь, и за окном
Пусто. Очень пусто.
Ветви на деревьях – толстые крючки.
Угощу вином,
Если тебе грустно.
Что мне говоришь? Чтобы снял очки?
На твои морщинки
Есть мои морщинки.
Этакое горе! Они жизнь хранят.
Прилетят снежинки,
Наколдуют льдинки
И накроют землю в праздничный наряд.

* * *

– По пути?
– По пути.
Улыбаешься мило.
– Ты с собойхвати
Соль, лимон и текилу.
– Ты в конец сентября?
Боже правый, я тоже.
– Там тепло, говорят.
– В сентябре? Быть не может!
– Нет спасенья в вине.
– Есть спасение в чае.
– У меня на окне

Синий вечер скучает,
Когда солнце уснёт
И на время погаснет.
– Скоро снег. Скоро лёд
Всю округу украсит.
Отнесу, положу
На стеллаж свои мысли.
– Я с тобою дружу.
– А лимон очень кислый?
– Всё, пока.
– Да, пока.
Завтра встретимся в восемь?
– Как ледышка рука.
Значит, всё-таки осень.

* * *

Да это, собственно, и всё.

Когда неоновое утро
От ночи матовой спасёт
Твои всклокоченные кудри
И поведёт в текущий день,
Дав чашку кофе и расчёску,
И будет бить в окно сирень...

Наденешь платье, что в полоску,
И очаруешь небосвод
Своими ясными глазами,
Верша безгрешный приворот,
Что дан навечно небесами.

Бесстыже-нежный ветерок,
Целуя ног девичьих стройность,
Застрянет в области чулок...

А день умчится снова в знойность,
Туда, где правят небеса,
Где солнце жаркой колесницей...

Как быстро высохла роса.
Хотелось ею бы умыться...

Ты есть, и, значит, мир спасён!
Да это, собственно, и всё.

* * *

До рассвета всего минут двадцать.
 Просыпается мир за окном.
 Вот и всё. Нам пора расставаться.
 Ухожу, чтоб вернуться потом.
 Ухожу в несусветные дали
 Через двор и туда, в тишину.
 Ухожу. Меня ждёт на вокзале
 Поезд, следующий на войну.
 А мой город, ещё полусонный,
 Красотою июльской звенит.
 Очень добрый и очень зелёный.
 Он со мной иногда говорит...
 Нет, я с ним не навеки прощаюсь.
 Не навеки прощаюсь с женой.
 И, конечно, я им обещаю
 Возвратиться скорее домой.

Стук колёс – метроном. Усыпляет.
 Стакан водки. Не всю. Отхлебну.
 Ещё сутки, пока не стреляют.
 А мы едем сквозь жизнь на войну.

* * *

Приходи к моему костру.
 Тут тепло. Протяни ладони.
 Как всегда, самый холод – к утру,
 Когда солнце ещё спростонья.
 В поднебесье уходит дым,
 И воркует неспешно пламя.
 Пепел красный, но стал седым,
 Как седыми мы стали сами.
 Звёзды сыплются, гаснут вдруг,
 Пряча тайны, чертя маршруты.
 Завершает почётный круг
 Ночь, считая свои минуты.
 Всё проснётся, и утро вновь
 На лице уберёт морщинки.
 Тихо спросит: «Ну ты готов
 Жизнь вбирать в себя по крупинкам?»
 И, почувствовав крыльев снег,
 Полечу в этот мир прекрасный.
 Ведь уныние – это грех.
 А костёр – золотисто-красный.

* * *

И богатый умрёт, и бедный.
 Перед Господом встанут оба.
 Чан с грехами один. Медный.
 На телах – груботканая роба.

А Он спросит, пронзив взглядом:
 – В чём отличие, человеке?
 Вот стоите совсем рядом,
 Только души у вас далече.

Ты просил небольшие суммы.
 У него чуть побольше расценки.
 Один прост, а другой хитроумен.
 Но вы оба просили деньги.

Один маялся от обжорства,
 Второй в шахте плевался кровью.
 Отдать должное, ведь без притворства
 Оба равно просили здоровья.

За детей вы молились тоже,
 Когда редко ходили в храмы.
 Не читали Закон Божий,
 Но вы оба любили маму.

Только крал бедный уголь да мыло.
 Для другого в чести миллионы.
 Было стыдно? Конечно же, было,
 Когда взгляд ниспадал на иконы.

И богатый умрёт, и бедный.
 Перед Господом встанут оба.
 Чан с грехами один. Медный.
 Из одежд? Груботканая роба.

* * *

Чуть забрезжил рассвет и укутался в утро дождливое.
 Одинокий фонарь скучно пялится в зеркало луж.
 Облака, словно дым, словно синь-красота с переливами,
 Улетают туда, где живут повелители стуж.

Кофе, сахар и чушь у меня на столе бутербродная.
 И раскрытая книга. Стихи. Николай Гумилёв.
 По соседству и рядом – обычное и благородное:
 Тихий утренний завтрак и подарок от гения слов.

Олег НАЙМУШИН

Поэт, художник, публиковался в газетах и сборниках,
г. Тамбов

МЫ С ВАМИ ПОЗНАКОМИМСЯ В ГОСТЯХ

Разделены, как карта, областями
Мы с Вами в параллельных плоскостях.
В разгар застолья стукнувшись локтями,
Мы с Вами познакомимся в гостях.

В гостях, где обращение на «Вы»,
Где горы яства и напитков реки,
Где с каждым вашим поворотом головы
Меня с ума сведут полуопущенные веки.

Где по накатанной течёт застольный шум
С угла на угол, вдоль и поперёк,
И в фразах, что приходят нам на ум,
Мы ищем хоть какой-нибудь намёк.

Намёк на то, что нам не устоять
Перед соблазном быть друг другу ближе,
И мы уверены: не каждому понять,
Какая сила тем соблазном движет.

Ни в сплетнях нам не быть, ни в новостях.
Безумство нас опутает сетями.
Мы с Вами познакомимся в гостях,
В разгар застолья стукнувшись локтями.

* * *

Мне бы в домике с видом на море
Утром пить апельсиновый сок,
Где, цепляясь к оконной шторе,
Луч от солнца дырявит висок.

И в едва пробудившемся взоре,
Распускаясь, как нежный цветок,
В повседневно-бесшумном повторе
Новый день начинает виток.

За волною волна в вечном споре
Замедляет последний бросок,
В утихающем дружном хоре
Тащит к берегу вспененный клок.

И застынут на время в узоре,
Уронив на прибрежный песок
Свою свежесть, прохладные зори,
Будто слёзы на белый листок.

В том бескрайне-дрожащем просторе,
Там, где виден багряный восток.
Мне бы в домике с видом на море
Утром пить апельсиновый сок.

* * *

Поверхность луж рябит кругами,
 С ветвей прозрачными серьгами
 Свисают капли естества,
 Я измеряю грусть шагами,
 Смешавшись с грязью под ногами
 Молчит погасшая листва.
 Я сам молчу. Не до укора.
 Дождь, как расправленная штора,
 Осенний плащ и старый зонт.
 Просохнет, только вот не скоро,
 Висящий в серости простора,
 Насквозь промокший горизонт.
 И сырость впитывают дали,
 Смывая мелкие детали,
 И влажный воздух слишком плотен.
 Я был здесь? Вряд ли и едва ли
 В осенне-выставочном зале
 Среди развешанных полотен.

* * *

Своею тёмной пеленой
 Ночь стёрла чёткость, тени, грани
 И рядом улеглась со мной
 Бесцеремонно на диване.

И навалилась глыбой льда,
 Из сна выдавливая томность,
 А где-то капала вода,
 Всё превращая в монотонность.

Быть может, выглядело странно:
 Она и я, молчим вдвоём,
 Сюжет любовного романа,
 И дальше – пропасти проём.

Взлететь над пропастью, упасть ли
 На холод каменного дна.
 И в то же время быть во власти
 Той ночи, что так холодна.

Перед рассветом, встав с дивана,
 Ночь вдруг исчезла без следа,
 А я всё слушал, как из крана
 Печально капала вода.

СОНЕТ ИЗ 19 ВЕКА

Век девятнадцатый к концу.
 За Вас крещусь дуэльной сталью,
 Не прячьте слёзы под вуалью –
 Они сегодня Вам к лицу.
 Как будто всё по образцу,
 Укройте плечи тёплой шалью,
 А я уйду за снежной далью,
 Под стать безусому юнцу.

Такие на зиму прогнозы,
 Согрейте пальцы у свечей,
 Под завывания ночей
 Сжигая письменные грёзы,
 Всё состоит из мелочей,
 Не прячьте под вуалью слёзы.

* * *

Окно, глядящее на храм
 Зрачком печально-паутинным,
 На изуродованном шрам,
 Как наблюдатель за интимным,
 От колокольного оглохнув воя,
 Открытое сквозным ветрам,
 На нежилом едва живое –
 Окно, глядящее на храм.

* * *

Эй! Заплечный мешок поправь,
 Что внутри опрокинется, выльется.
 Нам вдохнуть бы дурман из трав
 И нащёлкаться в фотомыльницу.

Разум наш из эпохи примусов,
 Про себя хрипим «Перемен»
 И кренимся с нуля до минусов,
 И чем дальше, тем больше крен.

Перед нами нет знака «Стоп»,
 Привыкание к новым модам.
 И ползут на нас то пожар, то потоп,
 А вокруг нас падёж с недородом.

Подчеркнули бы, было б нужное,
На ненужное – без внимания,
Вот и пьётся всегда наружное,
Внутривенное – в растирание.

Так и бродим с мешками заплечными,
С виду вместе, по сути – врозь.
И попутчики наши вечные:
Как-нибудь, кое-как и авось.

Я ЖДУ ПРИБЫТИЕ ПЕГАСА

Прошу вас – к рифме посерьёзней,
Поменьше дум о пустяках,
Вы не найдёте в скучной прозе
Всё то, что есть в моих стихах.

Мне подмигнув, погаснет люстра.
Что ж, не впервой, зажгу свечу:
Стихосложение и чувства
Должны быть вместе. Не шучу.

Да чёрт с ним, с этим освещеньем,
Да был бы стол, на нём свеча,
Квадратик свежего печенья,
Ну и, конечно, крепкий чай.

Как примитивность гороскопа
Ворвусь я в простоту вещей,
Да мне бы с зеленью укропа
Салат из свежих овощей,

Да мне бы ломтик хлеба с маслом,
Чтобы желудок ублажал.
Я жду прибытие Пегаса
Пусть будет, только бы не ржал.

Фёдор БЕЛОЦКИЙ

Детство в оккупации

Уроженец Беларуси Фёдор Белоцкий рассказывает о военных годах через чувственные стихи и патриотические песни

С каждым годом становится всё меньше тех, кто имел непосредственное отношение к Победе в Великой Отечественной войне – фронтовиков, партизан, тружеников тыла. Но живы ещё другие свидетели войны, кто в военные годы были совсем юными. Это поколение людей со слезами на глазах вспоминает о своём детстве. Каждый их день сопровождали невероятный голод и страх, которые до сих пор жуткими воспоминаниями отзываются в их сердце. Один из них – тамбовчанин Фёдор Константинович Белоцкий, который посвятил тем страшным годам десятки своих литературных произведений.

1941-й...

Детство Фёдора Белоцкого закончилось в четыре года, когда война обрушилась на любимый край. Его село Буйновичи Полесской области Белорусской ССР, как и вся советская республика, в первые дни войны заняли немцы. Тогда, вспоминает Фёдор Константинович, люди жили в ожидании чего-то непонятного, трудного. Спасаясь от врагов, селяне были вынуждены уйти в болота, там, на полянах, они и выживали. Летом строили шалаши, рыли землянки, чтобы спастись от бомбёжек.

«В первый же день войны мой отец ушёл на фронт и многолетняя семья лишилась кормильца, – рассказывает Фёдор Белоцкий. – Мать делала всё, чтобы прокормить семерых сыновей. Но голод был страшный. Приходилось варить лебеду, крапиву, охотиться с рогатками на воробьёв, чтобы хоть как-то насытить желудок. Но, к великому сожалению, четверых моих братьев унесла война. Голод не пощадил и мать, ценой своей жизни сохранившей троих детей».

Лельчицкий район, где проживал Фёдор Константинович, называют «Полесской Хатынью». Его малую родину фашисты превратили в пепел. Сожгли заживо около четырёх тысяч мирных жителей. В огонь отправляли и стариков, и молодёжь, и даже младенцев. Первыми жертвами зверских нацистских преступлений, как известно, становились коммунисты, евреи и их семьи.

«Заведующий пекарней нашего села был еврей. Когда немцы явились к ним с облавой, его жена спряталась в печь, в которой пекли хлеб. Немцы нашли её, набросали дров и подожгли. Когда кричащая женщина хотела вылезти из печи, немцы кочергой толкнули её обратно. Самого заведующего вскоре утопили», – вспоминает с болью Белоцкий.

Фёдору Константиновичу удалось выжить в страшные годы войны, но на себе мальчик испытал жестокость и бесчеловечной фашистской силы. Помнит он, как в военный городок, расположенный рядом с их селом, приходил поезд, который привозил немцам продовольствие и боеприпасы. Ребятишки бегали туда посмотреть, какую еду привозят немцам, глотая слюну.

«Однажды один часовой позвал меня с друзьями и дал нам по конфете. Дня через два вновь пришёл поезд, и тот же самый немец дал нам по сухарю. В третий раз, надеясь снова получить какой-нибудь кусочек еды, мы подбежали к пришедшему вновь поезду, но возле него был другой часовой. Он увидел нас и командовал нам: «Ком!» Я подбежал первым. Но вместо угощения немец стукнул мне под зад кованым сапогом, метра на три я отлетел и не мог встать. Друзья меня принесли домой, я месяц не мог ходить, думал, что, когда вырасту, обязательно отомщу за себя и за всех людей, которых он убил».

НАЦИСТСКИЕ ПАЛАЧИ

В годы войны были созданы специальные карательные отряды, которые уничтожали всё живое на территории Белорусской ССР. Ворвавшись в деревни, гитлеровцы сжигали всё дотла, убивали стариков, детей, насиловали женщин и несовершеннолетних девочек. В лесах охотились за людьми целыми полчищами, как за зверями. Угоняли и убивали скот, уничтожали посева, чтобы люди остались без грамма еды.

«В соседней деревне Картыничи фашисты живыми закопали 27 человек, среди которых были 70-летняя старушка и двухлетние брат с сестрой. В нашем селе Буйновичи убили пятеро детей – Женю 12 лет, Толю 7 лет, Марусю 3 лет и близнецов Аню и Федю. В другой деревне 47 человек закрыли в магазине и подожгли. Это лишь часть преступлений, которые я помню. После этих зверств за оружие взялись все местные жители».

Освобождение Лельчиц совершили в 1942 году знаменитые партизаны Ковпака. Вражеский гарнизон из 600 человек был окружён и уничтожен. Отряд освободителей некоторое время жил в бывшем военном городке, и маленький Федя вместе с друзьями очень хотели посмотреть на Ковпака. В их представлении он должен был быть здоровенным мужчиной.

«Возле столовой горел костёр, вокруг которого сидели партизаны. Мы решили подойти к ним, но один из солдат не пускал нас, в ответ говорим: "Мы хотим посмотреть Ковпака, почему ты нас не пускаешь?" И вдруг послышался голос: "Пропусти ребят!" Мы подошли к костру. Партизан невысокого роста с самокруткой в зубах сказал нам: "Я Ковпак". "А мы думали, что вон тот", – показывая на большого плечистого солдата, сказали ему мы», – с трогательной улыбкой вспоминает Фёдор Константинович.

Но не только знакомством с дважды Героем Советского Союза был памятен тот вечер. Один из партизан узнал в маленьком Феде того мальчика, который ранее сказал ему, сколько немцев в Буйновичах, сколько машин и танков. За это Ковпак наградил его партизанской медалью, и её Белоцкий очень долго хранил как большое сокровище, пока в голодные послевоенные годы не пришлось обменять на десять картошек.

Фёдор Белоцкий с супругой Галиной Букатиной

МИРНОЕ ВРЕМЯ – НА ТАМБОВЩИНЕ

Несмотря на ужасы войны, люди жили верой, что скоро наступит долгожданный мир. И 9 мая 1945 года такой день наступил. Фёдор Константинович помнит, как люди на улицах радовались, обнимались и кричали: «Ура, победа, победа!»

Своего отца братья Белоцкие дождались только в конце 45-го года, он вернулся без ноги, ампутированной до самого бедра, и с двумя медалями. Из разорённой Белоруссии глава семейства перевёз мальчишек в посёлок Сатинка Сампурского района. Здесь ребяташки впервые за пять лет наелись досыта, пошли в школу и трудились в местном колхозе. Быстро они полюбили живописный и гостеприимный тамбовский край, к тому же здесь Фёдор Константинович встретил свою будущую жену – Галину Васильевну. Она была учителем и сыграла большую роль в его дальнейшем образовании.

С помощью жены Белоцкий поступил в вечернюю школу и получил аттестат о среднем образовании. Затем окончил техникум и Ивановский энергетический институт. До пенсии он двадцать лет работал главным энергетиком в тресте «Тамбовспецстрой», растил с любимой женой двух дочек и наслаждался прелестью мирной жизни.

Жизнь текла спокойно, пока в семье не случилась беда – в 2010 году после продолжительной болезни скончалась его друг и спутница жизни. Долго Фёдор Константинович не мог прийти в себя, но воспрял духом, когда неожиданно взял в руки ручку и начал излагать всё, что довелось ему повидать на непростом жизненном пути. Выбрал он для этого стихотворную и песенную формы.

Читая свои стихотворения в школах на уроках мужества, Фёдор Константинович не может сдержать слёз, ведь все его произведения – о той страшной войне, о смерти родных и бесконечных муках. Сейчас в его творческом арсенале десятки произведений, которые отмечены наградами на высоком уровне. Среди

них благодарственные письма от руководства крепости-героя Брест, от начальника управления культурно-досуговой работы Вооружённых сил РФ, от руководства Центрального музея Великой Отечественной войны в Москве.

В свои годы Фёдор Белоцкий признаётся, что чувствует себя гораздо моложе своих лет. Ему вновь посчастливилось встретить любимую женщину, которая к тому же разделяет его творческие порывы.

Уроженка Украины Галина Каменская тоже пишет стихи, посвящённые трудным детским годам, которые выпали на годы войны. На двоих у супругов более 200 стихотворений, а также рассказы и романсы. Их творческий союз называется «Поздняя любовь», они часто выступают в городах-героях, таких, как Москва, Санкт-Петербург, Волгоград. В Тамбове супруги выступают с концертами в санаториях, домах ветеранов, школах. Также вместе поют в хоре патриотической песни имени маршала Малиновского, в хоре Дома культуры «Знамя Труда» «Надежда» и ансамбле «Фронтальной огонёк» областного совета ветеранов войны и труда.

Марина СМОЛЕЕВА
Журналист, г. Тамбов

Галина БУКАТИНА

РОЗА НА СНЕГУ (рассказ)

Хотите верьте, хотите нет, а я верю в судьбу. И хоть разорвись на две части и даже на десять, изменить ничего невозможно. И у каждого она своя, написана на руке... Как нет одинаковых листьев на деревьях, так нет и одинаковых судеб. У каждого своя дорога.

Так думала, лёжа на кровати, больная пожилая женщина, доживая последние дни жизни. Она чувствовала, что скоро придёт и её черёд встретиться с Господом Богом. Она читала молитвы и просила Бога простить все

её грехи. А грехов-то как будто и не было... Была она женщина тихая, скромная. С чужого двора, как говорят в народе, пера никогда не взяла. В деревне Степановну звали «святой женщиной».

Лежала Степановна, лежала, и вдруг перед глазами, словно на ладони, нарисовалась вся её длинная жизнь. Вспомнилось всё, что было, вспомнила и свои два греха. За один грех, может, она и отмолится, и простит её тогда Господь, а вот за другой, видно, придётся кипеть ей в смоле. Она опять стала читать молитву, но мысли путались, и незаметно перед ней предстало далёкое детство. Отца своего она не помнила. Умер давно. А умер, можно сказать, по глупости. Пришли они однажды с матерью со свадьбы, зимой это было, на дворе сильный мороз. Отец навеселе, и говорит матери: «Ты, Полюшка, иди в дом, а я посижу на скамеечке, освежусь». Мать залезла на печку согреться, да и уснула. А проснулась, выскочила на улицу, Степан сидит еле живой. Простыл сильно. Поболел неделю и умер, судьба его такая. Оставил свою Полюшку с девятью детьми.

Глаша была по счёту седьмой, за ней Лиза и брат Федя. Старше её были две сестры – Настя и Ульяна. Остальные были братья, два близнеца – Никанор и Пантелей. Самый старший брат Василий погиб на войне в 1914 году. Один младшенький брат Федюшка пришёл с войны. Хоть отца и не было, а жили неплохо. Были у них земля, лошадь, две коровы, свиньи, гуси, куры.

Она вспоминала, как старшая сестра Настя выходила замуж. На свадьбе ей цветок приложили к платью, а она его потеряла и долго потом плакала.

Глаша лежала и всё размышляла, вспоминала. Странная эта судьба. Кто её только придумал, откуда она взялась? Вот у её сестры Ульяны тоже своя судьба. Когда пришёл её черёд замуж выходить, думала, что за своего деревенского парня Андрея выйдет. Так нет. Всё случилось по-другому. Заболела у них корова, послала мать Ульяну в другое село к одной бабушке, которая лечила коров от сгла-

за. А у этой бабушки был внук Марк (теперь муж Ульяны). Пока мать читала молитву на воде, Марк, лёжа на кровати, краем глаза из-под одеяла смотрел на девушку. Она ему очень понравилась, и через неделю он прислал к ней сватов. Вскоре молодые поженились. Вот что она делает порой, судьба-проказница!

А вот Глашина судьба. Подошёл её черёд замуж выходить. Всем, кто к ней ни сватался, она отказывала, никто ей не нравился. А время-то идёт. Уже Лиза, младшая сестра, невеста, ей надо замуж выходить. Мать ругается на Глашу, что она очень уж разборчивая.

Все сёстры были красивые, но Глаша была красивее всех. Среднего роста, чёрная коса до пояса, лицо бело-розовое, губы, как лепестки роз, а глаза голубые, как небо. Брови – чёрные, дугой. А голос какой у неё хороший был! Она пела в церкви, там и увидел её жених. Посватался. Жил он в другой деревне. Один у отца и матери был. У них много земли, лес, ветряная мельница, молотилка, скот разный и птица всякая. Дом большой. Одним словом, богатый жених. Вот мать и вся родня заставляют Глашу выходить за него замуж.

Поехали на смотрины, Глаше тоже понравились и новый большой дом, и все постройки у дома, но только не понравился жених. Что ей делать? Мать, сёстры и братья уговаривают Глашу выходить замуж. Лиза, младшая сестра, плачет, приговаривая, что если бы ей такое счастье привалило, она бы пошла. Жених и сватья уже платье с туфлями привезли, о свадьбе договариваются. Уже и день свадьбы назначили. Глаше ничего не остаётся делать, как смириться со своей судьбой. Свадьбу назначили на субботу, 18 февраля. В среду, 15 февраля, на праздник Сретенье Господне, молодожёны должны были зарегистрироваться в сельском совете, а в субботу обвенчаться в церкви.

Жених, как было договорено, прибыл в среду для регистрации. Тогда регистрации особого внимания не уделяли, самое главное – венчание. Мать Глаши, как на грех, опять заболела, поэтому она сказала жениху, чтобы он пошёл в сельсовет – пусть готовят там бу-

маги для регистрации, а она подоит коров и придёт. Жених ушёл. Даша подоила, оделась по-праздничному и пошла. Жених на крыльце сидел, ждал её. Но, не дойдя до сельсовета, Глаша на тропинке, по которой шла, повстречала толпу молодых ребят. Дело было зимой, снега много, а тропинка узкая. Стала она обходить ребят и нечаянно наступила кому-то на сапог. Когда повернулась, увидела красивого, высокого, хорошо одетого незнакомого парня. Сердце её как будто огнём обожгло. И тогда она сказала: «Извините, наступила...» А он, глядя на неё, взял за руку и сказал: «Давайте знакомиться, меня зовут Сашей». А Глаша в ответ, что ей знакомиться ни к чему, она идёт регистрироваться, и её уже заждался жених. Но Саша будто и не слышал её слов. Когда он её увидел, ему казалось, что это роза расцвела на снегу, и эту розу ему сам Господь Бог с неба подарил. Сердце его билось, как птичка в клетке. Солнце так ярко светило, снег переливался всеми цветами радуги, а деревья, покрытые инеем, стояли, как невесты в белом.

Отец Саши погиб на войне в 1914 году. Мать и две младшие сестры – вот и вся семья Саши. Ни земли, ни даже коров у них не было. Саша с раннего детства от своего дяди научился шить сапоги. Ещё будучи мальчишкой, уже зарабатывал на хлеб, кормил семью. Целыми днями и ночами работал, ему даже из других деревень сапоги заказывали. Он слыл лучшим сапожником. Его товарищи на улице гуляли с девушками, а он всё работал. А когда денег накопил, купил себе пиджак, шапку-кубанку из каракуля, брюки-галифе, сшил себе сапоги, как говорится, нарядился с иголочки. Вот таким Глаша его и увидела.

Она какое-то время стояла рядом с ним, будто во сне. Она слышала, как этот незнакомый парень просил её, чтобы она не выходила замуж, что он её полюбил прямо сейчас, как только увидел. Он крепко держал её за руки. Она же, глядя словно сквозь пелену, пришла в себя, с силой выдернула руки и побежала к сельсовету. Жених встретил её на крыльце.

Когда Глаша убежала, Саша какое-то мгновение стоял, как вкопанный, потом мол-

нией бросился вслед за ней. Ураганом влетел он в сельсовет. У стола стояли Глаша и её жених. Саша схватил лежащие на столе бумаги и в клочья разорвал, сказав жениху, что Глаша – это его невеста, что он до этого гулял с ней три года. Потом схватил её на руки и понёс по селу до Глашиного дома. Мать девушки, увидев такую картину, сначала ничего не поняла, но когда Саша ей всё объяснил, схватила палку (у неё болели ноги, и она всегда с ней ходила) и давай бить Глашу. Била и приговаривала: «Что же ты, бессовестная, наделала, как ты меня опозорила, что я буду сватьям говорить, как я буду теперь людям в глаза смотреть? Мы уж и свинью зарезали, гусей и кур порубили. Через два дня свадьба должна быть!» Саша слушал, слушал, а потом сказал: «Вы, мамаша, не беспокойтесь, свадьба отменяться не будет, как назначено, так и будет».

Придя к себе домой, Саша сказал матери, что он женится, через два дня – свадьба. Мать в слёзы, запричитала: «Где же мы чего возьмём, у нас же ничего нет!» А Саша в ответ: если она его не женит, то он уйдёт из дома, и его больше никто не увидит.

В субботу жених Саша приехал за невестой на тройке с бубенцами. Вся деревня тогда только и говорила о Глашиной свадьбе, а гости были в недоумении: на запое был один жених, а на свадьбе – уже другой! Глаша сияла от счастья. В душе она тогда благодарила Господа Бога, Матерь Божью за судьбу. А через неделю Глаша узнала, что её богатый жених, которого она оставила, застрелился.

Вот и первый её грех.

Отгремела шумная свадьба Саши и Глаши. О ней долго ещё потом говорили в обоих сёлах. Ни в том, ни в другом селе такого случая не было, чтобы через два дня играли свадьбу и невесту от жениха уводили. Всё Сашино село приходило смотреть свадьбу, уж очень всем интересно было посмотреть невесту, молодую «царицу». Сашины односельчане, когда увидели Глашу, так и говорили: «Это настоящая царица, какая она вся белолицая, красивая!» К тому же ведь и никто другой, а «царь» женился. В деревнях тогда же ведь, кроме фамилии,

называли каждый дом подворно. Сашин дом и двух его дядей называли «царями». Никто не знал, откуда это пошло, но всех родственников до Саши и после него, всех детей и внуков затем тоже называли «царями».

На второй день после свадьбы молодая «царица» приступила к своим обязанностям хозяйки. Дом Сашин был старенький, маленький, крытый соломой. Сени, кухня да горница. День за днём время побежало. От большой любви Глаша родила двух сыновей, Ваню и Колю, и дочку Ганночку.

1941 год. Война, как чёрная туча, накрыла всю страну и жизнь Глаши. В первые дни войны она проводила мужа на фронт, а потом осталась с тремя детьми, а четвёртого носила под сердцем. Фашисты бомбили страну, продвигались с невероятным натиском в глубь. В эти страшные дни Глаша металась, не знала, как ей быть с нерождённым ещё дитём. В одно ухо ей как будто кто-то говорил: «Нужно избавиться от него, трудно будет с грудным-то ребёнком». А в другое ухо говорил голос, что если погубишь дитя, возмёшь на душу большой несмыаемый грех.

А немец всё наступал, скоро уже в село придёт. Пересилили тогда всё же злые силы, да «добрая» бабушка помогла Глаше избавиться от дитя. Но Глашина душа, хоть и запуганная войной, протестовала против содеянного... Она попыталась всё исправить, подсказала соседка, как можно попробовать всё назад повернуть. Придя после аборта домой, залезла Глаша на печку, чтобы хорошо прогреться, после этого, может, дитё и оста-

нется живым, но, к сожалению, было уже поздно. Сама чуть не умерла, так было ей плохо. Но потом появился крошечный ребёнок, девочка. Мёртвая. Глаша перекрестила её, назвала Верочкой, а потом похоронила. А Ганночка, дочка, всё просила и просила у мамы, чтобы та купила ей сестрёнку... На что Глаша всегда отвечала, что если бы не война, была бы у неё сестрёнка. После войны она родила ей братика – Сашу.

Шли годы. Самый лучший врач – время. Глаша временами забывала о своей Верочке, иногда видела её во сне, но как-то тускло. Всю жизнь она только и думала об этом своём большом грехе, лишь успокаивала себя тем, что перекрестила Верочку. А как уверяли верующие, после этого на том свете она должна находиться со всеми умершими детьми, и что ей, как и всем другим детям, должны давать на небесах яблоки...

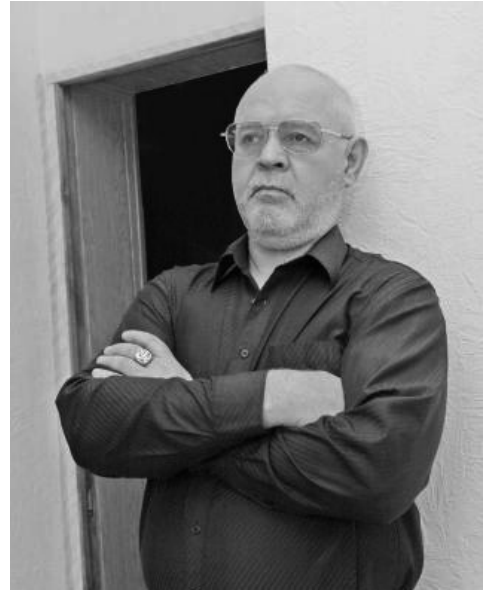
Когда Глаша отмолилась за свой первый грех, начала молиться за второй, за свою Верочку. Она стояла на коленях и читала молитву, делала поклоны и просила Господа Бога, чтобы он отпустил ей этот страшный грех.

Молилась она долго и усердно, и когда она посчитала, что достаточно помолилась, приподняла голову и посмотрела на окна.

И в окне на неё смотрела девочка. Она спросила её: «Девочка, как тебя зовут?» Та ей ответила: «Верочка!»

И по морщинистому лицу из глаз покатились слёзы.

«Что же я наделала, что наделала тогда, – рыдала она. – Будь проклята война!»

Анатолий ПАПАНОВ

Поэт, член Союза писателей России,
уроженец с. Байловка Тамбовской области,
проживает в г. Белгород

От редакции

Для альманаха «Литературный Тамбов» особенно радостно находить и публиковать земляков. Многих уроженцев земли тамбовской разбросало по миру, но где бы они ни жили, с теплом вспоминают малую родину, родной дом. И в поэтических строках возвращаются к близкому, тёплому очагу.

«Я родился на севере Тамбовщины, на стыке Рязанской и Пензенской областей, – говорит поэт Анатолий Папанов. – Пойма реки Цны, притока Оки, леса, перелески, болота, горячий летом и тлеющий зимой под снегом и льдом торфяник. Раздолы и захоlustье, доброты и милосердие, любовь к родному краю и русской глухомани, моя малая родина в центре Державы...»

МОЯ ТИХАЯ ЦНА

Здесь жизнь не малина, и даже не пряник,
Царевну-лягушку ты вряд ли найдёшь.
Болота, болота, сгоревший торфяник
И ямы такие – шагнёшь – пропадёшь.
Леса, перелески. В туманном разливе,
Очнувшись от долгого зимнего сна,
Спокойно, и тихо, и неторопливо
Течёт неприметно красавица Цна.
То берег, заросший кустарником диким,
То россыпь кувшинок качает волна,
То остров навстречу совсем невеликий,
Где точечкой тянется к небу сосна.
Я выйду из лодки. Здесь травы по пояс
И мшистые камни хранят старину.
Найду свой родник и прохладой умоюсь,
И с пением птиц ненадолго усну.
Леса, перелески, сгоревший торфяник
И ямы такие – шагни – пропадешь.

И жизнь не малина, и даже не пряник,
Но веру свою только здесь обретёшь.
И вспомнится всё со щемящею грустью –
Пришло половодье, а значит – весна.
И пахнет сиренью, черёмухой, Русью,
Когда просыпается тихая Цна.

ПОСИДЕЛКИ У КОСТРА. ТАМБОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ, 9 МАЯ, КОНЕЦ 50-Х

В деревне не было парадов,
И по привычке мужики
Несли к помещицкому саду
Свои нехитрые пайки.
Без телевизора и света
Жила деревня той порой.
Великий праздник – День Победы –
Был для страны не выходной.

Все собирались на опушке
Возле заросшего пруда,
И самогон по кругу в кружки,
А водка – это ерунда.
А на костре уха варилась,
И каша с салом в котелке.
На запад солнышко катилось,
И всласть махорочка курилась,
Как в недалёком далеке.
Сидели равные друг другу
Штрафник, майор и рядовой,
И те, кто за Полярным кругом
Плен искупили со статьёй.
Без орденов и без медалей
Они сидели у костра.
По кругу в кружки наливали:
– Давай за Родину! Ура!
Налили молча, молча встали:
– За всех погибших пьём до дна!
Какими были мы и стали?
А жизнь одна, всего одна.
Они сидели – кто с осколком,
Кто без ноги, кто без руки,
И разговор неспешный, с толком
Вели простые мужики.
И вспоминали про окопы,
Гнилые ржевские болота,
Неразорвавшийся фугас.
Когда в ушах звенел приказ:
– В атаку! И пошла пехота...
Война – нелёгкая работа,
Но мы прошли через Европу,
Чтоб долго помнили про нас.
Нас не сломали, не сломали,
Стеной мы встали, коль беда.
– За нами Родина и Сталин! –
Так говорили мы тогда.
И не угаснет вера наша...
Жизнь чередом своим идёт –
Вот на костре сварилась каша,
Ушица скоро подойдёт.
– Ещё детей мы нарожаем,
Дай Бог, до внуков бы дожить.
И мужики не возражают,
Они одну лишь правду знают –
Как надо Родину любить.
Так до утра сидят, кто выжил,
Кто победил, сломив врага,

Кто был гораздо к смерти ближе,
Не на четыре – в полшага.

*С 1946 по 1964 год 9 мая было
обычным рабочим днём – прим. автора.*

ЗАКРЫВ ГЛАЗА

Ни в какие чужие края
Память детства меня не отпустит.
Всё жива деревенька моя,
Моя вера, моё захолустье.
С большака через луг и поля
Я пройду три версты тихой грусти –
Золотые мои тополя,
Золотое моё захолустье!
Старый сад, три десятка дворов,
Сладкий привкус полынного зноя,
Три ветлы и родительский кров
Посреди тишины и покоя.
Каждый шаг здесь до боли знаком.
Не спеши! Дай душе осмотреться.
Видишь – в комнате рядом с окном
Спит твоё босоногое детство?
Здесь всё та же в колодце вода
И слышны соловьиные трели.
Видишь – с неба упала звезда?
Это годы твои пролетели.
Здесь всё те же в пруду камыши,
Тихой заводи берег пологий.
Посиди, отдохни, не спеши
И забудь про печаль и тревоги...
Я уйду в предрассветную рань,
Три версты – путь недолгий и горький.
Оглянусь – спит моя глухомань
И Россия вдали на пригорке.

ПОСЛУШАЙ, ДРУГ...

Послушай, друг, что небо говорит,
Что нам поёт в пути уставший ветер.
А Млечный путь всё также чист и светел,
И звёздочка Полярная горит.
Послушай, друг, что море говорит,
И шепчут волны тихого прилива.
А свет луны скользит неторопливо

И этот путь уже не повторит.
 Послушай, друг, что горы говорят,
 Когда сквозь облака летит лавина.
 И так ли жизнь наивна и невинна,
 Когда вершит неправедный обряд?
 Послушай, друг, что говорит земля,
 Когда рассвет серебряный струится,
 И по ночам давно уже не спится,
 Когда свой пух роняют тополя.
 Послушай, друг, давай поговорим,
 Покурим на задворках мироздания.
 Всё реже встречи, чаще расставанья,
 И этот путь уже не повторим.

МАТЬ

Что мороз, что зной — всё по коже дрожь,
 А молитва и слёзы на паперти.
 — Не тревожь меня, мать, не тревожь,
 Не ложится дороженька скатертью.
 — Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой,
 Век живи, никому не завидуя.
 — Всё, что есть моё, будет всё со мной,
 С моей песней, тоской и обидою.
 — Не порок беда, а беда — порок,
 Коль судьба примеряет колодки.
 — Я по жизни всё время плыву поперёк
 На своей прохуdivшейся лодке.
 — Не горюй, сынок, у всего есть срок
 И исход у любого начала.
 — Что ж ты, матушка, вдруг замолчала
 И не вышла с утра на порог?
 На душе печаль, как тоски печать.
 Снова снится мне утро весеннее —
 За столом у окна поседевшая мать
 Мне читает Сергея Есенина.

МОЯ РОССИЯ

В твоих бескрайних далях синих
 Печаль и память, боль и грусть.
 Тысячелетняя Россия,
 Моя страдальница Россия,
 Моя измученная Русь.
 Летели всадники и стрелы,
 И с неба падали кресты.

Ты пела, плакала, горела
 И соблюдала все посты.
 Переполнялись реки кровью,
 И умирали города.
 Свою судьбу извечно вдовью
 Ты проносила сквозь года.
 Цари, пророки и мессии,
 Дворцы да каменный острог —
 Молилась нищая Россия,
 Моя смиренная Россия,
 Моя раскольная Россия,
 И лишь твердила: Видит Бог!
 Не за наградой. Не за славой
 Шли в бой отцы и сыновья.
 Когда же ты была державой,
 Большая родина моя?
 Ты помнишь Игорево «Слово»,
 Полки на поле Куликовом,
 Бородино и Сталинград,
 Как шёл к победе из-под Курска
 И плакал в день победы русский
 Великий труженик — солдат?
 Сквозь ветер, дождь, дожди косые,
 Душой и разумом больна,
 Прошла этапом мать-Россия,
 Моя скандальная Россия,
 Моя конвойная страна.
 В ГУЛАГе плакала и пела,
 И в коммунизм держала шаг.
 А над Кремлём звезда горела,
 И гордо реял алый флаг.
 ...Тысячелетьем над отчизной
 Закат кровавый и восход,
 И нескончаемая тризна
 Из века в век, из года в год.
 Вновь плачет колокол старинный,
 И почернели купола...
 Мы сами все во всём повинны
 За то, что Русь пережила.
 По деревьям, забытым Богом,
 Надежду с верою храня,
 Стоит с молитвой у порога
 Больная родина моя.
 И смотрит вдаль безбрежной сини,
 Не пряча боль свою и грусть,
 Моя великая Россия,
 Тысячелетняя Россия,
 Непобедимая Россия,
 Судьба моя — святая Русь.

Сергей ДОРОВСКИХ
Прозаик, журналист,
член Союза писателей России,
г. Тамбов

Каждым брёвнышком

*(рассказ – победитель Всероссийского конкурса
«Герои Великой Победы» 2021 года)*

*Журналисту Алексею Королькову,
рассказавшему историю деревянной
церкви села Чемлык*

Уснуть перед рыбалкой удаётся редко. Да почти невозможно, и это подтвердит каждый, кто заражён рыболовной страстью. Даже если заставишь себя уткнуться в подушку – ничего не выйдет. Разве что забудешься на час-другой, и то – сном липким, беспокойным. Промаяшься, как на иголках. То ли спишь – а то ли нет. А перед глазами уже видишь место, куда собрался ехать. И даже если там никогда не был, оно от этого только ярче и заманчивей представляется. Вот и про Бурцев пруд, куда я собрался, знакомые рыбаки рассказали много историй, которые будоражили теперь и без того подстёгнутое воображение. Как водится, передали в красках: были коллеги-рыбаки там недавно и поймали столько, что едва до машины донесли. Чистили потом до глубокой ночи, а у карасей, по их словам, жир с хвостов капал...

Вот и лежи теперь в грёзах; ты вроде бы ещё дома, а на самом деле – уже давно весь там, у воды, и видишь даже, как стелется лёг-

кая дымка. Представляешь: удочка готова, леска срывается с ладони и уходит вперёд, груз уносит извивающегося червя на дно, где замерли в ожидании похожие на поросят бронзовые караси. Это они роются по дну, поднимая на поверхность пузыри, их там так много...

И знаешь, знаешь, конечно, что будешь жалеть потом, что лежал, грезил, не спал. Но и уснуть – выше твоих сил...

Опытные ловцы редко сдают рыбные места – потому что потом туда съедется весь город и округа. Но место, куда собрался, назову. Бурцев пруд находится в маленькой деревушке Чемлык в Мордовском районе, что на границе Тамбовской и Воронежской областей. В такую даль меня раньше и не заносило, но рассказы друзей оказались такими заманчивыми, что я отважился ехать за сотню с лишним километров. А вдруг повезёт? И это «вдруг» рисовалось в таких красках, что я, устав мучиться, встал и завёл машину, поехал навстречу призрачной рыбацкой удаче...

Хотя ехать было и далеко, прибыл я на место всё равно затемно, так что округу толком не рассмотрел. На ровной глади пруда отражалась луна, в кустах стрекотали насеко-

мые. Я спустился, разложил снасти. Ловить было ещё рано, но долго ждать не пришлось – летом светает быстро. Забросил сначала одну, а потом все три удочки, затем настроил донку. Обложился вокруг, как заправский карасятник. Замешал прикормку, щедро накрыв рыбе «стол». Время потекло медленно...

«Вот сейчас, нет, сейчас! – думал я, глядя на неподвижные поплавки. – Должно же!»

Бывает же так! Утро – идеальное, ни дуновения ветерка, солнце вот-вот поднимется, слышится мычание коровы вдалеке, звук мотора – наверное, завели трактор. Всё прекрасно! Вода – как стекло, красота и безмятежность... которую, видимо, не хотят нарушать и рыбы. Замерли себе неподвижно на глубине...

Ближе к девяти утра начало припекать. Так и не увидев ни одной поклёвки, я закивал носом. Этого и следовало ожидать: я же не спал всю ночь! Вчера с раннего утра и до вечера был на работе, провёл несколько встреч, объехал город из конца в конец. После играл с сыном, а когда уложил спать, стал перебирать снасти. Итого – двадцать пять часов уже на ногах... Эта цифра будто бы ещё сильнее надавила на голову. А ведь ещё надо возвращаться домой! Пустым, уставшим – если рыбалка не задалась, ты всегда немного разбит, подавлен. Ожидания ведь не сбылись, и тремор в руках был напрасным... Не хватало только уснуть за рулём...

Я нехотя поднялся со стульчика, размял плечи, и голова неприятно закружилась. Нет, надо где-то прикорнуть. В машине не вариант – там сейчас душно, и открытые окна не спасут. Оставив удочки, я поднялся по косогору. Когда приехал, в темноте не рассмотрел место, а ведь я ловил неподалёку от старого кладбища! И совсем близко от себя заметил большой прямоугольник земли, похожий на старый фундамент. Может, тут и было какое-то строение, только очень давно. Место это почему-то мне показалось привлекательным, и прилечь именно там само пришло на ум. К тому же на взгорке приятно обдувал ветерок, а разросшиеся кусты давали тень. Этот ветерок будто пел, шептал, перебирая невидимыми

пальцами листья, манил мягким и, казалось, знакомым голосом – приляг, приляг...

И я повалился на спину. Сразу стало хорошо и спокойно, словно погрузился в перину, хотя лежал я на пружинистом клевере. Недолго смотрел сквозь листву кустарника на бирюзовое, без единого облачка небо, и не заметил, как погрузился, вернее даже, ушёл в сон.

Показалось, что меня немного покачивает. Так бывает, если прилечь сморённым на дно лодки. Только это покачивание было другим, особенным, приятным и безмятежным. Так, должно быть, чувствует себя грудничок в колыбели. Он не может понять, кто склонился над ним, но чувствует, всё чувствует. Над ним – кто-то. И этот кто-то – большой, добрый, дарит любовь и тепло, успокаивает и поёт, поёт чуть слышно. И я тоже слышал пение сквозь ровный стрёкот кузнечиков – голос был нежный, радостный и грустный, близкий и бесконечно далёкий одновременно. Я улыбался, жмурясь, и мне хотелось, чтобы этот миг растянулся навечно.

Никогда раньше я не ощущал себя таким защищённым, умиротворённым. Словно оказался в больших тёплых руках, летящим в искрящуюся, завивающуюся, уходящую в небесного цвета спираль бесконечность.

Но эту тихую радость прервал звук – будто где-то звякнуло железо. Такой звук бывает, когда поднимают ведро из колодца. Захотелось выпить холодной воды, но я продолжал плыть во сне. Окончательно меня выдернул женский голос:

– Вставай, давай-ка! Не нужно тут спать!

Я очнулся, приподнялся неловко на локте и осмотрелся. Картина перед глазами была нечёткой, но вот я различил рога, жующий розовый рот, белую бородку с запутавшимися былинками. Неужели это говорила козья морда, или я по-прежнему спал?

– Вставай! Пьянай? Ай как нехорошо-то! Молодой ведь совсем! А ну не спи тут пьянай! – голос наседавал на высокое деревенское «ай», произносимое так привычно, потамбовски. Было в нём и осуждение, и что-то милое и близкое, тёплое. Словно это говори-

ла моя покойная бабушка, которая всю жизнь прожила примерно в такой же деревне.

Я поднял глаза выше и увидел сквозь листву старушку в белом платочке. Она держала козу на цепи, словно собаку.

– Здравствуйте! Нет, я не пьяный, я же на машине, вон стоит! Я, это, на рыбалку приехал, сморило меня немного... не спал ночь, и вот.

– А, раз не пьянай, тада ничаво, – сказала бабушка. – Тада отдыхай себе, сынок.

Я поднялся – спать больше не хотелось. И впервые – да, впервые за всю жизнь я почувствовал такой небывалый прилив сил! Я не просто выспался – отдохнул так, словно меня не трогали добрую сотню лет! Сил было столько, что хотелось прыгать или даже пробежаться вокруг пруда. Старушка же отошла к овражку – подальше от могил и места, где я лежал, и там намотала цепь на деревянный столб. Мне казалось, она всё время раскланивается и шепчет что-то. Я различил:

– Пасись, детка, пасись с Богом!

Я встал и подошёл:

– А почему вы говорите, пьяному нельзя тут? Просто интересно.

Она не обернулась, занятая козой, но ответила:

– А как можна-та, сынок, ведь на ентом самом местечке церковь стояла! Где алтарь был, почитай, ты там и спал! Хорошо спалось-то?

– Хорошо, бабушка. Никогда так не спал!

– Это славно, – она распрямилась, но осталась сгорбленной, и, повернувшись, перекрестилась трижды. – Стало быть, человек ты добрый, хороший, раз мирно спал. А то был тут случай, когда сама матушка-Богородица проказникам глаза на их грехи-бесчинства открыла! Понаехали тут, раз дело было, одни, рыбацки тож, но не как ты, те с сетями, с музыкой громкой, угли свои жгли чуть ли не на могилах. А потом, негодники такие, мусор весь – бутылки энти, огрызки – прямо на место церковки и побросали, оставили. Я собралась утром было прибраться за ними, грех-то какой. А смотрю – ещё рано, а один уж прика-

тил, сам всё спешно пакует. А главное – бледный, лица на нём нет. Меня увидел и как есть всё рассказал: мол, приехал домой, спать лёг и видит, как черти его жарят, сами подхрюкивают, молодец, говорят, хороших дел наделал! Бесам на радость в храме нагадил! И бросают, бросают ему в сковородку энти бутылки пивные, а они плавятся, змеюками обращаются. И будто рука женская – красивая, мягкая такая, говорит, но сильная – его оттуда и вытащила. А потом голос он слышал. И как был – сюда сорвался, срам свой убрал, крестился. Кто знает, может, вразумился человек. Если в церковь начал ходить – так вообще дорога ему тут открылась! Нет церкви, а вишь, как помогает!

Она замолчала, и я задумался над её рассказом – правда, или вымысел?

– А я вот, когда уснул, показалось, пение услышал...

– Ежели так, молись, сынок, удостоился ты! Мне батюшка сказывал, из соседнего села, там церковь недавно восстановили, мы туда ходим, что у Господа Бога нет храмов позабытых и оставленных. Поруженная, поружанная она если даже – церковка-то, или даже нет её совсем, как нашей, а неважно. Батюшка говорит, что посылается ангел небесный, который в этом храме службу постоянно служит... незримо служит! Потому и место святое! Было и будет! И тут тоже, сынок, тоже.

– А что же, бабушка, храм этот, наверное, при большевиках разрушили?

– Зачем при большевиках, нет, – ответила она. И задумалась, глядя вдаль. – Я ещё девчоночкой совсем была, а церковь-то эту помню. Я же до войны родилась. Мама меня сюда водила. А потом война... Фашист к Воронежу подошёл, один берег занял. Воронеж-то – он по два берега стоит. А от нас он – не то, чтобы рукой подать, да близко. Все боялись – возьмёт фашист Воронеж, проглотит целиком, и тогда уж и на нас пойдёт. Всем, чем могли, помогали. Вот и решили тогда то ли люди сами на сходе, то ли власти так сообразили, уж не вспомнить. Но церковь нашу тогда разобрали, и пошла, пошла она, матушка, по брёвнышку туда, в Воронеж пошла, в самое пекло.

– Сожгли её, что ли?

– Да зачем? Я-то толком не скажу, не разбираюсь я, старая, куда мне. Но брёвна-то – они ведь нужны были для обороны, для окопов, что ли. Чтобы стрелять удобно было, во врага точно метить. Вот ею, матушкой, окопы наши в боях за Воронеж и укрепили. Так и полегла она там, людей защищая. А вот помню ещё, при советах дело было. Может, при Хрущёве. Тогда за леригию опять крепко взялись. То подотпустили малость, а затем опять крутить начали втугую, леригию-то. Приезжал к нам, значит, с лекцией тогда один, вёл борьбу, атеизм ропандировал. Вот стоит он, в клубе-то, ропандирует, и говорит, мол, церковь не воевала! Это нам-то он на чистых глазах говорит! Мы-то ж про себя знаем, ишо как воевала – наша-то, да каждым брёвнышком! Каждым брёвнышком! Мы смолчали, чего там. Человек городской, учёный, что с ним, с дураком, в споры вступать. А про себя-то знали – то-то!

Она подошла к фундаменту, поклонилась. Мне показалось, что и кустарники поклонились ей в ответ.

– Мама моя тут похоронена недалеко, сто годков прожила... Ох, помню, как же она плакала, когда церковь ломали, и до того ж родимой больно – на мужа похоронка, на сына тож... Где ж помолиться за них, куда голову преклонить, где выплакаться? А потом всё ждала, ждала, может, придёт денёк-то, когда церковь нашу заново поднимут. Так и не дождалась. Я теперь вот за неё жду. Сама себе говорю – не помру, пока не дождусь. Мож, дождусь я, а? – она утёрлась узелком платка. – Ведь у соседей-то – хорошо, церковь-то построили наконец. А нам бы свою... Раз у них можно, стало, и у нас... Хотя сколько нас тут осталось-то.

Потом она долго молчала. Мне показалось, что последние слова она говорила не мне, а обращалась к высшим силам – просила их о чуде.

– А у тебя, сынок, как, лавится? – она повернулась ко мне.

– Да всё хорошо, бабушка. Я вообще рад, что сюда приехал.

– Ну и лови себе, милый, лови! Мы хоть и живём на краю, да к нам часто ездят. И лавится у них, вроде бы.

– Я слышал.

– Ну-ну, милый, ну-ну, – и она пошла, всё также кланяясь всему, что видела. Даже козе. – Пасись, милая, пасись, Господь с тобою!

Она шептала. Должно быть, это были молитвы. Ветер уносил их вдаль, поднимал к небу.

Уносил, словно белоснежные былинки одуванчиков.

Такие же белоснежные, как и цвет её заплаканного платка...

А ВДРУГ РАСПЛАЧУСЬ?..

*Сыну Лёве, делающему первые успехи
в шахматах*

Наш тихий дворик всё-таки не тот, каким был раньше...

Смотрю в окно, приподняв занавеску, и... вроде бы всё то. Весна, похожая на ту, что была в детстве. Лужи на асфальте после дождика, голуби перебирают красными лапками и ворчат; стены дома сталинской постройки такие же – песочного, унылого цвета... Те же стол и лавочка в тени каштана – стоят промокшие и сиротливые.

Вот поэтому я и не верю родному двору, не такой он стал, что раньше. Потому что не выйдет, не посидит за этим столиком тихий старик Марк Моисеевич Фишер. Давно уже проводили его в последний путь, и я запомнил эти похороны. Нет, они были самые обычные, в угрюмый осенний день. Просто тогда я понял – когда человека выносят под траурную музыку, ты уже не успеешь попросить у него прощения, что-то объяснить. Ничего не успеешь, что мог сделать ещё вчера...

Ничего не вернуть. Лавочка и скамейка только остались, как и раньше. Крепкие, дубовые, Марк Моисеевич сам делал – с душой. Он ведь столяром был, или токарем, не помню и могу ошибаться.

Одно скажу точно – старик оправдывал свою фамилию. Нет, не в том смысле, что Фишер значит «рыбак», к этому он был как раз равнодушен. А вот в шахматы играл не хуже знаменитого Бобби Фишера. Мы – дворовые мальчишки – даже спорили, притом на полном серьёзе, что нужно организовать на международном уровне грандиозный турнир «Фишер – Фишер». Мы бы без колебаний все копеечные сбережения поставили бы тогда на нашего, своего Фишера.

Марк Моисеевич хотя и вёл жизнь тихую и неприметную, но был символом нашего двора. Вернее, без него мы не могли представить наш двор в тёплое время года. Старик пропал с наступлением холодов, притом и пропал как-то основательно – даже в булочной его не видели.

Был он молчалив, никто никогда не замечал, чтобы Марк Моисеевич повысил голос или даже кому-то возразил. Если во дворе возникали споры, выяснялись отношения, он оставался безучастным – продолжал задумчиво играть партию с самим собой. И я заметил, в его задумчивых глазах всегда отражалась печаль. Ещё он никогда не улыбался и не смеялся. Нет, он всё-таки оправдывал фамилию – даже внешне Марк Фишер походил на губастую донную рыбу. Такие живут в морских глубинах и никогда не видят солнца. Мальчишки иногда дразнили его, но старик умел сделать так, чтобы быстро стать их другом. Притом ненавязчиво и почти без слов.

Он посматривал на нас сквозь стёкла очков-«велосипедов», и только теперь я понимаю, как тепло он любил нас! Наверное, потому что прожил одинокую жизнь и не стал отцом и дедом. Иногда я слышал, как взрослые зубоскалили, спрашивали у него, почему он так и не женился. Тот уходил от ответа или отвечал какой-нибудь старой еврейской шуткой, но по обыкновению совсем не смеялся.

Да, нас, мальчишек, он обожал. Я теперь понимаю это, потому что многое он нам хотел отдать. В прямом смысле – старик раздарил нам много разного барахла, но и не только.

Но самое ценное – он научил нас играть в шахматы.

Поначалу нас тянул вовсе не процесс игры, мы его не понимали. Мы любили рассматривать удивительные шахматные фигурки, отлитые из янтаря. Марк Моисеевич разрешал их брать, но только с большой осторожностью, говоря, как легко их разбить. Мы любовались через светлые и тёмно-медовые фигурки на солнце. Вспоминаю, и будто сейчас держу шахматного коня – он больше похож на морского конька, в нём причудливо играют лучи. Его невольно хотелось лизнуть и даже надкусить, словно был он сахарным, как леденец на палочке.

Фишер говорил, что никогда бы не купил такие шахматы, очень они дорогие, он получил их как главный приз за победу в областном турнире.

Учил играть он нас тоже по-особенному, вот бы записать эту методику, но тогда ни у кого не было видеокамер. По выходным мы все смотрели телепередачу, где пелось, что «Я всегда с собой беру видеокамеру». Но кто этот «я» и кто все эти люди, присылающие записи на телевидение, мы не понимали. Ни у кого такой роскоши, как видеосъёмка, не было. А жаль. Теперь остались лишь обрывки в памяти, как и что объяснял нам старик.

О шахматах он говорил как о целом мире, где кипят такие же человеческие страсти. В этом мире живут отважные герои, прекрасные королевы и воины в доспехах и латах... а мы были в этой игре мудрыми и отважными полководцами, и только от нас зависел исход кровопролитной битвы, где звенят мечи и мчатся колесницы.

В один из весенних вечеров двор опустел. Едва моросил тёплый майский дождик, всех разогнав по квартирам. Это сейчас у всех пластиковые окна, которые чуть опускаются для проветривания, а в то время были деревянные, и их распахивали настежь. Все ужинали, доносился запах жареной картошки с луком. А Марк Моисеевич не ужинал – он сидел один, могучие ветви каштана прятали его от мороси. Он снова был в

мире шахмат – в мире, который составлял, пожалуй, главную часть его большого и глубокого одиночества.

Я шёл с уроков – получил плохую оценку и потому не хотел подниматься, знал, как крепко всыпит мать. Заприметив меня, старик подозвал, и я охотно подошёл, положил ранец на лавку:

– Ну что же, сразимся, доблестный рыцарь? – спросил он.

И мы стали играть. Я заметил, что дедушка Марк поддаётся, жертвует фигуры – наверное, специально делает грубые ошибки, подумал я, чтобы научить распознавать их и находить верные ходы. Помню, как радовался, прыскал смешками, прихлопывал в ладоши, что-то говорил... и так увлёкся, что быстро проиграл. Старик хитроумными жертвами загнал меня в ловушку.

Когда мы поменялись фигурами, и я уже играл за белых, а точнее, за светло-янтарных, я спросил его... о войне. Не знаю даже, почему. Должно быть, потому что дело шло к 9 Мая, тогда отмечали пятьдесят лет Победы, и потому в школе нам много об этом говорили.

– А вы на войне играли в шахматы? Или там не играют?

– Почему же, – он помолчал – то ли задумался над очередным ходом, то ли вспоминал прошлое. – Играли иногда. Даже случай такой был, не знаю, стоит ли тебе рассказывать.

– Расскажите-расскажите! – мы совсем отвлеклись от партии, я слушал.

– Да случай нехороший, так нельзя поступать ни в коем случае. Мы просто тогда совсем мальчишками были. Постарше тебя, конечно, но глупые ещё. Смерти не боялись, что ли... Был у меня друг на фронте – Вася Пареный, как и я, сержант. Единственный настоящий друг, такой один на всю жизнь даётся, двух не бывает, запомни! – и он показал мне палец, посмотрел внимательно чёрными рыбьими глазами. – И вот случай, значит, такой. Затишье, боя нет. То ли лужайка, то ли поле у посадки, не вспомню уже, но место такое, ровное. Играем мы с Пареным, увлечённо. Счёт ровный, идёт решающая партия, вокруг даже

зрители собрались, можно сказать, болельщики, из наших. Шумят, обсуждают. Пока ни у кого перевеса нет ни по фигурам, ни по положению на доске, но тут как тут – артобстрел с воздуха. Все кинулись врассыпную, это наши-то бойцы-зрители. А мы ничего, сидим с Пареным дальше! Оба-то упёртые, молодые, немало это, ещё раз говорю.

Я округлил глаза:

– И вы не убежали?

– В том и дело, что нет. Даже более того – играем, фигуры двигаем. До сей поры помню – рвануло сзади, мне до спины комья земли долетели, а могли ведь осколки. Ничего. Он – ход, я – ход. «Мат будет!» – Васька смотрит лукаво и смеётся. И я смотрю ему в глаза, как тебе сейчас, и отвечаю: «Мат будет в Берлине!» Ох и были мы тогда... А как обстрел кончился, тут уж не до игры. Мы тогда на ничью согласились. Так и вышло ведь – ничья.

– А потом что?

– Погиб Пареный. Не увидел он мата в Берлине. Не увидел... Ладно, ходи, отвлеклись.

Меня так взбудоражил рассказ старика, что я впервые не смог уснуть ночью, ворочался, думал. А утром рассказал учительнице, что живёт у нас во дворе ветеран, настоящий герой, всю войну прошёл – наверное, я тогда добавлял от себя много, потому что не знал ничего. Она меня похвалила, сама обрадовалась – мол, приводи дедушку на урок Мужества, пусть и ребятам расскажет о фронтовых дорогах. Так и сказала. Ей как раз нужно было, оказывается, кого-то найти подходящего среди фронтовиков для выступления.

Помню, как бежал я, окрылённый, подрутому и не скажешь – дороги под собой не видел. Марк Моисеевич снова сидел за столиком, играл сам с собой – где же ему быть, этому привычному тихому символу нашего двора... Мой запальчивый, на придыхании рассказ выслушал спокойно, достал клетчатый платок и долго протирал кругляши очков. Потом сказал:

– Прости, но не пойду к ребятам. Не могу.

– Почему? – я округлил обиженные глаза.

– Не могу. Я никогда не выступал, да и... вдруг не выдержу – ещё и расплачусь. Этого только не хватало. Нет, прости, дружок, нет.

Я не простил! Не мог просто простить! Я весь налил краской и сам чуть не расплакался. Убежал домой, сказав что-то нехорошее старику. И потом больше с ним не разговаривал, обходил столик стороной. Марк Моисеевич смотрел на меня грустно, подзывал даже, но я не шёл... Я был уверен, что «А вдруг расплачусь?» было сказано с издёвкой. Будет он ещё плакать, как же! Он же фронтовик! Мне война тогда представлялась чем-то вроде шахматной игры, где есть герои, доблесть, атаки. А он, он... Да просто не захотел и всё, может, ему лень идти, ведь старик куда дальше своего столика и не ходил! Вот и всё! То, что Марк Моисеевич ответил честно, и подумать не мог...

Наш тихий дворик всё-таки не тот теперь, нет... С тех пор как проводили, как водится, всем двором тихого фронтовика, стал пустым и сиротским каким-то. Прожил де-

душка Марк с момента моей с ним размолвки ещё года три или четыре, я стал вообще ершистым подростком. Дурак есть дурак, это возрастное, проходит, хотя и не у всех. Я так и не поговорил с Марком Моисеевичем.

Вот бы сейчас выйти во двор, а он там. Вот бы... сейчас.

Он больше не сыграет там шахматную партию сам с собой. Но... играл ли он на самом деле один? Только теперь понимаю, понимаю, что – нет!

«Ты ходи!»

«И пойду!»

«Мат будет!»

«Мат будет в Берлине!»

Шумят листья старого каштана – он и сам стал коряжистым стариком, умрёт скоро, спилят. Но вот и тень рядом с ним... вроде бы, или мне только кажется. Тень от листвы, так похожа она на силуэт человека с шахматной доской. Надо же, и солнце, солнце проглядывает сквозь листву. Какое хорошее майское солнце!

Вот бы взглянуть на него через янтарную фигурку шахматного коника...

Вот бы взглянуть...

**Виктор КОРОБЦЕВ
и Евдокия КОРОБЦЕВА**

От рядового солдата до генерала

Жизненный путь Виктора Коробцева

Его нет с нами уже 15 лет, но светлая память об этом замечательном человеке продолжает жить в сердцах сотен людей, знавших его как друга, учителя, отца-командира. Виктор Павлович прошёл самые суровые и жестокие дороги Великой Отечественной войны, был тяжело ранен, но вернулся в строй, продолжал крепить обороноспособность Родины в послевоенное лихолетье, 17 лет командовал Тамбовским высшим военным авиационным училищем связи. Из них в течение 11 лет оно признавалось лучшим среди вузов ВВС страны.

Даже при генеральских погонах он оставался простым русским солдатом – человеком чести, мужества, долга и совести. «Пришёл в училище в одной шинели и ушёл в одной шинели. Хором не понастроил, добра не нахапал...» – вспоминают о нём сегодня сослуживцы.

Его нет с нами, но продолжают жить на этой земле потомки спасённых им наших сограждан, несут боевую службу уже дети, внуки, а порой и целые династии воспитанных им офицеров, радуется тамбовчанин мирной зеленью

и уютном заложенный генералом Коробцевым городской парк Победы.

«Мы познакомились на фронте и прожили очень счастливую жизнь», – говорит супруга Евдокия Коробцева.

(Далее приводим фрагменты из воспоминаний супруги)

«Начальником, командиром он был не то чтобы очень строгим, но очень и очень требовательным. В первую очередь к себе, потом уже к старшим офицерам – руководству училища, и только потом к курсантам. К ним он относился просто по-доброму, по-отечески.

Вот вспоминаю, например, такой случай: гуляем мы с ним в выходной день по Набережной. Навстречу два юных курсантика-первокурсника. У одного из них фуражка набочок и верхняя пуговка расстёгнута. Приветствуют, отдают честь. Докладывают, что находятся в увольнении. Виктор Павлович интересуется, мол, как отдыхается, до которого часа увольнительная.

– Ещё больше часа, товарищ генерал!

– Ну, ну... Смотрите не опаздывайте.

И всё. Ни единого замечания. А вот уже на следующий день офицер – командир этих ребятишек – получил в генеральском кабинете нагоняй по полной. И за фуражку, и за пуговку!

Вставал Виктор Павлович ежедневно в пять утра. Затем полтора часа зарядки – и пешком через весь город на работу. Только когда уж очень спешил и когда здоровье подводить стало, на половине дороги его встречала служебная машина.

Весь генеральский рабочий день был рассчитан, расписан буквально поминутно. По нему можно было часы сверять. Иногда, например, заскочит домой пообедать и уже с порога докладывает:

– У меня 17 минут!

То есть не 15 и не 20, а именно 17! Потом дверь хлопала, и муж до поздней ночи снова в училище. И так буквально всю жизнь. На первом месте у него была работа, служба, на втором – работа, на третьем и так далее тоже работа. Но удивительно: при таком плотном графике, при такой нагрузке он как-то умудрялся быть и хорошим мужем, и хорошим отцом. Не поверите, но я от него за все годы совместной жизни не услышала ни единого грубого слова.

Наши домашние семейные вечера... Так редко всем вместе собраться случалось... Когда выдавалось свободное время, просто гуляли по вечернему Тамбову, по Набережной, покупали сыновьям мороженое. Но семья у нас всегда была очень дружная, крепкая. Мы ведь оба фронтовики. Много чего в жизни повидали.

Сама я, как и многие мои сверстницы, на фронт пошла добровольно, в апреле 1942 года. Прямо с завода – на поезд. Домой даже попрощаться забежать не успела. В эшелоне выдали военную форму. Не по размеру, ботинки без шнурков, ни мыла, ни зубной щётки... Неразбериха тогда была страшная.

Прибыли в школу радистов. Полгода нас обучали радиотехнике, а затем на фронт. Еха-

ли через Ржев. Страшно даже сегодня вспоминать. Города просто не было. Только руины, воронки и пепелища. Попали под первую бомбёжку – ад кромешный! Ночевали в развалинах, не раздеваясь. На ночь – часовых на случай нападения.

А дальше Волховский фронт. Наше подразделение обеспечивало связь с Москвой. Жили мы, девочки, в землянках, которые сами и построили. Сами копали, пилили, рубили брёвна.

Там я Виктора и повстречала. Ему после госпиталя дали несколько дней отпуска, и он пришёл на танцы в офицерский клуб. Я сразу обратила на него внимание – серьёзный такой, с палочкой... Познакомились – и всё... На следующий день он отбыл на передовую. Только через несколько месяцев он меня снова разыскал. А поженились мы только в ноябре 1945-го. На войне не до свадьбы было.

«Предложение» он сделал по-военному. Меня вот-вот должны были демобилизовать, я собирала документы, чтобы съездить домой. Тут он говорит:

– Ты куда не едешь!

– Это почему не еду?

– Потому что у нас на днях свадьба...

Погуляли замечательно, весело. Ведь война закончилась. И мы в живых остались, и впереди целая жизнь. Лёгкой она, конечно, не случилась. Мужа сначала во Львов направили. Разруха, «бандеровщина»... Вроде и войны уже нет, а на улицах каждый день стреляют. Долго ещё «зелёные братья» лютовали. Затем в Германию его отправили. Одного, без меня! Несколько лет только в отпусках виделись! Тяжело очень было.

Наконец перевели обратно в Союз. Двоих мальчишек уже растили, а ютились из одной хибары с подселением в другую.

Муж с золотой медалью окончил Ленинградскую военную академию связи, и его назначили начальником войск связи воздушной армии. А в 1964 году приехали в Тамбов, где мужа назначили начальником училища. Но это уже совсем особый период жизни... Присво-

или звание генерала, избрали депутатом Верховного Совета СССР. А после выхода на пенсию он ещё много лет работал председателем областного Совета ветеранов войны.

Высокие должности, звания и награды... Но он всегда так спокойно к ним относился, что просто удивляло. Я ему как-то говорю:

– Виктор, ну ты же всё это заслужил!

А он отвечает:

– Главное, что я в жизни заслужил, – это право честно служить своей Родине, своему народу. А все эти награды и звания...

Громкие слова, но вот уж таким он был человеком. Он ведь совершенно искренне это говорил, без пафоса. Не с трибуны, а своей супруге, один на один. На первом месте в жизни у него всегда была Родина».

Евдокия Николаевна Коробцева пережила своего супруга на семь лет и успела увидеть и музейную экспозицию в честь генерала Виктора Коробцева, и прочесть

книгу, которую написали о нём его друзья и сослуживцы. Вечная слава героям Великой Отечественной войны. Вечная им память.

В конце 2021 года пришло радостное сообщение – в Сербии подготовлен перевод к изданию книги Альберта Зверева «Генерал Виктор Коробцев». Это сборник воспоминаний родственников, друзей и сослуживцев о нём. Вся приведённая историческая информация сверена с архивными документами. Кроме того, в книге много фотографий: часть из них взята из хранилища Музейно-выставочного центра Тамбовской области, часть – из личного архива Евдокии Николаевны. Радует, что братский сербский народ заинтересован в сохранении памяти о выдающихся людях нашей земли.

Альберт ЗВЕРЕВ
Журналист, г. Тамбов

Людмила СЕРГЕЕВА

Поэт, член Союза литераторов России,
ветеран педагогического труда, г. Тамбов

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЯ РОДНАЯ СТОРОНА

В тебя навеки влюблена,
Моя родная сторона.
И низко в ноги поклонюсь –
Сказать об этом не боюсь!

Мне люб твой летний сарафан
Лугов раскинутых, полей,
Украшенный лесами стан,
Изгиб и взлёт дорог-бровей.

А речки синий поясок
Пусть красит талию твою.
За каждый зрелый колосок
Сильнее с каждым днём люблю!

РАССКАЗ МАТЕРИ О ДНЕ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

*Маме – В.Ф. Дедяевой (Наумовой)
(Из сборника «Героика тамбовского
края», приуроченного к 75-летию Победы)*

...Тот солнечный и жаркий день,
Когда нужна прополка
Посевов, ждущих тучи тень,
Тянулся очень долго.

Вдруг в небе странные огни
И рокот самолётов.
Кружили над селом они,
Загадочны полёты.

Вот самолёт «писал» вверху:
«Война...

Война....

Война....»

Что нужно здесь,
У нас, врагу?
Зачем она нужна?

Встревожен был военкомат.
Туда стекал народ:
Отец ли,
Сын ли
Или брат –
Просились все на фронт.

Село пустело на глазах –
Сплошь старики да дети.
И лица бледные в слезах:
Как дальше жить на свете?!

Однако верили тогда,
Что выдюжим,
Всё сможем.
И отстоим мир навсегда,
Пусть даже жизнь положим.

ПРОГУЛКА ПО ТАМБОВУ

Пройдись по городу тихонько, не спеша –
 Покой найдёт во всём твоя душа.
 Почуете всем телом благодать,
 А ей конца и края не видать.
 Та благодать – в растущих деревьях,
 В озёрцах малых, парках, островах,
 Что там и тут по тихой речке Цне.
 Особенно красиво по весне,
 Когда по берегам желтеют вёстры,
 Как будто гномы вверх подняли мётлы,
 Чтобы стряхнуть с ветвей цветочный снег
 И вызвать у детей весёлый смех.
 А красоту времён не перечтёшь
 И в каждом времени чудесное найдёшь:
 Будь то зима с холодными ветрами,
 Иль осень с шелестящими коврами,
 Иль лето с ярко-пёстрою одежкой.
 Хоть солнце перцем жжёт тела немножко,
 Но каждый день красив собой, пригож.
 И лучше города, пожалуй, не найдёшь.

ЦВЕТЫ

– Ой, как тесно!
 Ой, как тесно
 В этой вазе небольшой.
 Нас охапкою сорвали,
 Принесли потом домой.
 Постоим мы и завянем,
 Выбросят нас всех во двор.
 Говорить мы не устанем:
 «До каких же будут пор
 Рвать охапками?
 Ребята!
 Мы несём вам красоту.
 Рвать охапками не надо.
 Если ж гости принесут
 Вам букет, поставьте в вазу.
 Оживём тогда мы сразу.
 И поверьте, что цветы –
 Часть природной красоты ».

СТРИЖИ

«Смотри, малыш!
 Смотри, малыш!
 Над окном летает стриж.
 Песнь в полёте не поёт.
 Не один в гнезде живёт.
 Его детки ещё спят,
 И нельзя тревожить их.
 Но летать они хотят.
 Вон, смотри: настал тот миг,
 Все проснулись.
 Хватит спать!
 Стали с папою летать».
 И подумал тут малыш:
 «Пусть не птица я, не стриж.
 Не летаю, а хожу,
 Но всегда гулять спешу».

ПОМОЩНИЦА

Может, бабушка больна?
 Всё молчит, грустит она.
 Чем же бабушке помочь?
 Буду думать я всю ночь,
 Если только не засну.
 И... придумала к утру!
 Ей налью горячий чай,
 Чтоб могла она попить:
 «Ты, бабуля, не скучай!
 С тобой буду говорить.
 Хочешь, песенку спою?
 Очень я тебя люблю!»
 Проводить совсем не лень
 С бабушкой каждый день.
 И однажды слышу я:
 «Ты – помощница моя!»

Николай ШМЫРЁВ

Поэт, автор нескольких сборников стихов,
г. Тамбов

Зачем мне без России чуждый мир?

* * *

Нам завтра на рассвете снова в бой.
Кричать «Ура!», захлёбываясь кровью,
А я простой лишь смертный, не святой.
В атаку нет бежать во мне здоровья.

Да что скрывать, я, как и все, боюсь
Принять под сердце пулю роковую,
Хотя не верю, всё же помолюсь,
Как буду подниматься в штыковую.

А там никто не знает, кто кого.
Быть может, землю я собой накрою,
И мне не хватит несколько шагов
До ордена или Звезды Героя.

Я из окопа встану в полный рост
И побегу, куда б ни приказали.
Не надо мне ни орденов, ни звёзд
И даже мной заслуженной медали.

Солдата путь так краток на войне,
Но верю, утро встречу я с победой.
Победный залп услышав в тишине,
Домой, к жене, после войны уеду.

Над полем вспыхнул солнца первый луч
И вместе с ним сигнальная ракета.
А воздух был божественно пахуч,
Какой в степи бывает ранним летом.

* * *

Я не желаю умереть в постели,
Мне лучше пасть, как воину, в бою.
Убитым быть от пули или шрапнели.
Товарищи, как смогут, отпоют.

И быстро похоронят близ лесочка.
Прощальный залп на память обо мне.
Узнав о смерти, будет плакать дочка.
Жена проклятья вышлет той войне.

Но может по-другому всё случиться,
Вдруг мне придётся долго умирать.
И буду головой об стенку биться,
Не жить, а только с болью доживать.

Но мы себе сценарий не напишем,
Когда и как придётся нам уйти.
Когда зовущий голос мы услышим
И скажет Он: «Ко мне, Душа, лети!»

* * *

Может, хватит опять о былом?
Посмотреть стоит в завтра подальше?
В прошлом много чего мы найдём –
Голой правды, безудержной фальши.

Было всё, никуда не уйти
От побед и больших потрясений.
Эту ношу всю жизнь нам нести,
Независимо от ощущений.

Но о них не забыть никогда,
Тех ушедших во дни испытаний,
Когда чёрная сила, беда
Принесли столько горя, страданий.

Мы гордимся, что мы их сыны,
За Россию свою кровь проливших.
На просторах победной весны
Каждый год поминаем погибших.

Только жаль, не воспрянет их дух,
В тех сердцах, что от них отвернулись.
Но всё ярче огонь, не потух.
Как загаснет, они бы проснулись.

Молча б встали шеренгами в ряд
И опять, как тогда, в сорок первом,
За Россию пошли умирать,
Принося себя Родине в жертву.

Буду вновь вспоминать о былом,
В завтра тоже пойду без сомненья.
Мне отец машет белым крылом,
С высоты шлёт свои поздравленья.

* * *

Быть на нейтралке надо до рассвета.
Я полз в ночи под стрёкотом цикад,
Готова, как на Корсике, вендетту
Тем, кто принёс в мой дом кромешный ад.

Я откопал невидимый окопчик,
Залёг с винтовкой снайперской в руках.
Простой, как три рубля, тамбовский хлопчик,
И видевший войну лишь только снах.

Светало. Я в прицел увидел фрица.
Вот он на мушке, лишь на спуск нажать.
Нажму, и жизни навсегда лишится
Мой грозный враг, заплачет его мать.

Он падал тихо в неродные травы,
Подкошен, как крестьянской косой.
Не знал он Русь, людей российских нравы –
Сидел бы дома с кружкой пивной.

Вот вспыхнул первый луч на горизонте –
И снова день, наполненный войной.
А я всего-то месяц, как на фронте,
Но ротный говорил, что я – герой.

Я воевал ещё почти два года.
Мне жизнь отдать за Родину не жаль.
Я точно знал, в огне войны нет брода.
Ну а тогда вручили мне медаль.

* * *

Сапоги натёрли ноги до мозолей.
От жары степь сморщилась, воздух аж звенит.
Было не до песен, не до богомолий,
Только свято верили – враг не победит.

Распласталось солнце над бескрайней Волгой.
Катит волны синие, всё ей нипочём.
Шли через Россию долгою дорогой,
Чтобы ей здесь объявить – мы тебя спасём.

Тяжело нам было, кровь свернулась в тромбы,
Гной стекал в портянки, в горле булькал стон.
Раньше мы не знали, что такое бомбы,
А теперь под ними пал наш батальон.

Я живой остался, урождён в рубашке.
Оглушён, контужен ли – сразу не понять.
Бегают по телу чёрные букашки,
А мне так не хочется юным умирать.

Я не из безгливых, видел грязь и слёзы.
Уходил в ночное с конским табуном.
Привозил в амбары хлебные обозы.
Целовал девчонок тайно, за гумном.

А теперь вгрызаюсь в окуляр прицела.
Вот нажал на спуск я – у фашистов труп.
И в Берлине, охнув, мать его присела.
Был таким хорошим немец-книголюб.

Я не звал их в гости посидеть со мною.
Двадцать три прикончил, несколько пленил.
День Победы праздновал майскою весною,
И войну священную я не позабыл.

Встретились с ребятами, нас, военных, много.
Как родного встретили, выпили за мир.
Мы ходили запросто на войне под Богом,
Но не опозорили честь и наш мундир.

* * *

Примкнуть штыки! И мир вдруг изменился.
Трава пожухла, клён затрепетал.
Луч солнца из-за туч со мной простился,
А я команду к бою нервно ждал.

Ещё вчера мы весело смеялись,
Отвешивали шутки старшине.
И ничего на свете не боялись
В пугающей сегодня тишине.

Морзянку зубы бьют, как ключ радиста.
Обрывки мыслей обжигали мозг.
Я из себя не корчил атеиста,
А прочитал молитву так, как мог.

Свисток! И рота встала разом.
Трёхгранник-штык навек спаситель мой.
И кажется, что ум зашёл за разум.
Нет ничего, есть только я и бой.

Бегу по полю, рот ощерив в крике,
Забыв о смерти, о себе самом.
А там мой враг, жестокий и безликий,
Мечтает о господстве мировом.

И вот сошлись с арийцем из Берлина.
Блондин, красавец, ну да хрен бы с ним.
Не будет никогда у Фрица сына.
Не знал, что наш народ непобедим.

Внезапно стихло всё, как на погосте.
Не помню как, но я остался жив.
Лишь только понял – на земле мы гости.
Судьбу решает пуля или штык.

* * *

Зачем мне без России чуждый мир?
Моей земли я не предаю вовеки.
Столетия назад писал Шекспир,
Что все мы люди, все мы человеки.

Жизнь Бог даёт, властитель наших душ.
Не отрекусь от предков, здесь почивших.
Шли полчища злодеев и кликуш,
С мечом святые земли преступивших.

Разбросаны их кости по Руси,
Но нет ни камня, ни креста над ними.
Кто поднял меч, пощады не проси.
Для нас не стать им никогда своими.

Не трогайте Россию, я прошу.
Дружите с ней на радость всем народам.
Тогда и я вас искренне прошу
Со всем своим великим русским родом.

* * *

Я часто думаю о нём,
О том, погибшем под Москвою.
В мороз за сорок, под огнём,
Он всю страну закрыл собою.

Нет, я не трус, и, может быть,
Я поступил бы точно так же,
Но всё же хочется завывать
И убежать куда подальше.

Что думал он, бросая в танк
Свою последнюю гранату?
Он рассчитал, идя ва-банк,
Какой высокой будет плата?

Я точно знаю лишь одно –
Он для меня жив будет вечно.
Его мне помнить суждено –
Он мой до смерти подопечный.

* * *

Девятое мая – славная дата.
Возложим цветы мы к могиле солдатам,
Погибшим за мир, за Россию, за нас.
Ведь каждый из них нашу Родину спас.

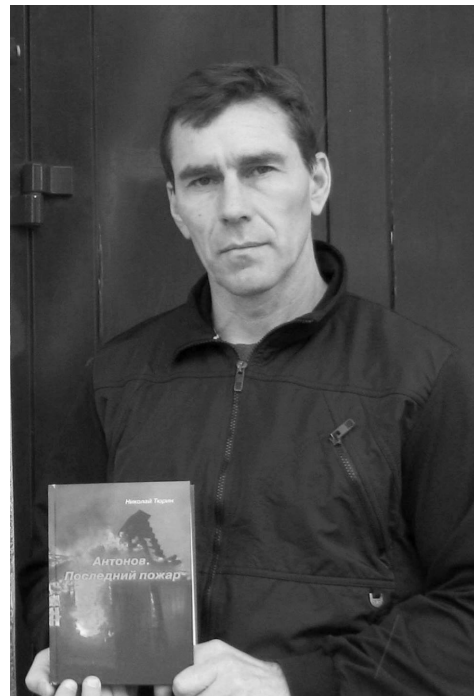
Мы рады и плачем победной весной,
Но Родина скажет – поднимемся в бой.
В Москве, над Кремлём развевается флаг,
Его не повергнет ни время, ни враг.

Учтут ли уроки все наши враги,
Им здесь не увидеть победы, ни зги.
Кто меч на Россию поднял, того нет.
Они растворились в сумятице лет.

А мы будем жить, как во все времена,
Россия великой судьбой крещена.
Из прорвы веков поднималась не вдруг.
Потомки воспримут российский наш дух.

Поднимем бокал за ушедших ребят,
Они бессловесны, но нам говорят:
«Храните Россию, как раньше и мы,
Как были и мы ей до смерти верны».

Николай ТЮРИН

Прозаик, поэт, краевед, г. Мичуринск

ВОЙНА И ЖИЗНЬ РАЗВЕДЧИКА ШАРАПОВА

(документальная повесть)

1

На берегах речушки Сырая Панда в Инжавинском районе Тамбовской области расположено село Курдюки. Когда-то, ещё до революции, село было большим и являлось волостным центром с населением около двух тысяч человек.

За время своего существования, а первое упоминание о нём было в восемнадцатом веке, село Курдюки дало стране немало достойных людей, доблестно послуживших своей большой Родине. Особой строкой в историю села вписаны годы Великой Отечественной войны. Более двухсот тридцати человек ушло из села на фронт сражаться с немецкими захватчиками. Не все пришли с войны.

А многие вернулись израненными и больными и прожили после Победы совсем недолго. Об одном из таких героев, Шарапове Владимире Фёдоровиче, и будет моя повесть.

В большой крестьянской семье Шараповых друг за другом родилось двенадцать детей, но трое умерли в раннем возрасте. Последним в 1925 году родился Владимир. Несмотря на многодетность, Шараповы не бедствовали. Умелые руки Фёдора Максимовича, главы семейства, приносили в дом достаточно денег, чтобы и кусок хлеба у каждого был, и все одеты-обуты были. А уж плотницкая слава о Шарапове гремела на всю округу. Умел он и баньку ладную смастерить, и избу тёплую поставить. В молодости довелось ему в Курдюках Казанскую церковь возводить в 1897 году. А на постройку такого культового сооружения, известное дело, абы кого не позовут. Храм-то – он на века нужен!

К тридцатому году Фёдор Максимович скопил немного деньжонок и решил, наконец-то, и себе новый дом построить.

– Хватит нам, Маша, в тесноте ютиться, – сказал он как-то по весне жене, попыхивая

самокруткой с ядрёной махоркой, выращенной на своём огороде. – Деньжат подкопили. Да и детям простор нужен. Не хуже людей заживём.

– С богом, Фёдор Максимович, – перекрестилась набожная Мария Ивановна, взглянув строгими глазами из-под чёрного платка на иконы. – Пора начинать.

Жена Шарапова была на двенадцать лет младше мужа, поэтому часто обращалась к нему уважительно по имени-отчеству. Дитём росла она в бедной крестьянской семье. Ей было всего шестнадцать лет, когда Фёдор Максимович пришёл в их низенький домик свататься. Густая русая борода добавляла ему лет, и Марии Фёдор казался безнадежно старым. Она очень не хотела выходить за него замуж, но, как говорится, нужда заставила. Это уже потом, когда Мария Ивановна лучше узнала своего мужа, она только благодарила судьбу за то, что послала ей такого человека. Недаром у них в любви родилось столько детей. Фёдор Максимович хотя и суров был на людях, однако справедлив и честен, а дома с Марией заботлив и внимателен. Лишнего ведра с водой поднять не даст, если сам рядом находится. Да ей и с ребяtnей возни хватало. Хорошо хоть, что старшая дочь Наталия подросла и стала матери верной помощницей. Она нянчила по очереди младших братьев и сестёр, так и называвших её няней.

Закипела работа на стройке у Фёдора Максимовича. Избу новую ставил недалеко от старой на небольшом пригорке. В Инжавино прикупил несколько возов леса, и скоро задорно застучал его топор, подготавливая брёвна на сруб. Когда просил – и односельчане помогали. А крышу и вовсе целая бригада поднимала под шутки и хохот. Вечером, как водится, и угощение было.

– Ну, Максимыч, в новой-то избе ещё с десяток нарожаешь, – гоготали мужики, угостившись водкой.

– Пейте, мужики, за здоровье. Большое дело скинули. Спасибо вам огромное, – приговаривал хозяин, поглядывая на ладненький дом и посмеиваясь в бороду.

В тридцать первом году Фёдор и недоделки поустраивал. Близилось новоселье, поэтому в семье все ходили в приподнятом настроении. Готовились. Помнил Володька, как мать уже и сундуки перетряхивать начала, чтобы лишнее барахло, как она выражалась, в новый дом не тащить.

И ещё Володька запомнил, словно на сердце записал, как однажды дождливой ночью проснулся он от истошного материнского крика.

– Пожар! Горим! – мать в свете отблесков пламени, проникавших через проём окна, металась по комнате, накидывая на себя одежду. – Вставайте все быстреей.

Ужас! Горел их новый, ещё не заселённый дом. В него ударила молния и подожгла в одно мгновение. Несильный дождь не смог помешать пламени разгореться. Сухие опилки, насыпанные на потолке для сохранения тепла, горели скоро и весело, и огонь быстро распространился по всему дому. Фёдор Максимович, ошалевший от нежданного горя, бегал с ведром от колодца и лил воду в окна, будто мог такой малостью потушить пламя. Звонко загукал церковный колокол, оповещая курдюковцев о пожаре. Бежали люди на помощь и кто чем мог пытались сбить веселящийся огонь. Шестилетний Володька стоял с другими детьми поодаль прямо под дождём и плакал. Рыдала его мать, не зная, как и чем унять такое горе.

– Господи, помоги! – причитала она в бессилии, обратившись к церкви лицом, по которому катились слёзы и капли дождя.

То ли на её мольбу, то ли таково естество природы, случилось чудо. Чуть поодаль несколько раз ослепительно сверкнула молния, раздались оглушительные раскаты грома и дождь полил с утроенной силой. Это и спасло дом от полного выгорания. Огонь забился в злобном сопротивлении, ядовито зашипел и утих, сменившись густым дымом. Утром бледный Фёдор Максимович сокрушённо ходил по пожарищу и отбирал то, что уцелело.

А Мария Ивановна после этого случая слегла. Она ведь и после рождения Володьки

долго болела. Вроде бы и на поправку пошла, да надо же такому случиться!

Тяжело болела мать. Всё лежала в жару на кровати, обводила усталыми глазами комнату и своих грустных, притихших детей.

И ещё помнил Владимир, как прижимает мать к себе слабой рукой его голову и шепчет сухими губами:

– Ты Наташу слушай, сынок. Вместо мамки она теперь. И отца слушай.

– Мама, мама, – всхлипывал Володька, не зная, как успокоить мать.

– Помру я. Чует моё сердце, – чуть слышно сказала мать и откинулась на пуховые подушки.

Вовка, размазывая по лицу слёзы, выбежал на улицу, а к матери подошли его сёстры, пытаясь ей помочь.

В начале тридцать второго года Мария Ивановна умерла, и большая семья Шараповых осиротела. После пожара Фёдор Максимович из уцелевшего материала всё же собрал домик, и Шараповы в него перебрались. Только вот радости от новоселья никому не случилось.

2

В Курдюках жил паренёк, которого все в селе называли Илюшка-провидец. Было ему в ту пору лет двенадцать-тринадцать. Ходил он всегда в длинной перелатанной рубахе и босой. Лишь зимой напяливал на ноги старые дырявые валенки размера на три больше. Волосы на голове Илюшки забавно топорщились, придавая ему какой-то сказочный вид. Отличали мальчугана разные глаза. Один был светлый, словно безоблачное январское небо, а другой карий. От такого поразительного различия казалось, что Илюшка обладает колдовским взглядом. Было в нём ещё одно недоразумение: на левой руке вместо пяти пальцев было шесть. Когда он родился, бабки местные крестились и отворачивались от мальчика, видя в нём недоброе знамение, а доктор сельский предлагал отнять лишний пальчик, чтобы народ понапрасну не волновался. Но мать Илюш-

ки, женщина хоть и тёмная, но была упряма и наотрез отказалась, как она выразилась, уродовать мальчика.

– Бог его таким сотворил. Знать богу так угодно, – всё твердила она на каждом углу, попутно собирая милостыню на бедность. – Во искупление нам Илюша явился.

В народе нашем есть такое свойство – наделять необычных людей чудодейственными качествами. А может, Илюшка и впрямь что-то там мог узреть? Так или иначе, но про Илюшкину «чудодейственную» силу знали далеко за пределами Курдюков. Кто-то из жителей его сторонился, не пускал на порог, боясь услышать страшное предсказание. А другие, наоборот, привечали. Ведь если знаешь наперёд что-либо плохое, то можно попробовать этого избежать.

Илюшка часто заходил к Шараповым, у которых, несмотря на большое количество своих едоков, всегда находился лишний кусок хлеба для гостей.

Однажды Илюшка, как всегда без стука зайдя к ним в избу, посмотрел долгим отрешённым взглядом на игравшего в деревяшки Володю, потом повернулся к Наталии, месившей у печи тесто, выставил вперёд шестипалую ладошку и произнёс:

– Несчастливым ваш малец будет.

– Что ты, Илюшка? Господь с тобой! – перекрестилась на иконы в углу опешившая Наталия. – Что мелешь-то?

– Вижу рубашку без рукавов, – загадочно ответил Илья, глядя на девушку затуманенным взором.

– Ишь, заговариваться начал, родимый, – страдальчески произнесла девушка. – Ты ступай, Илюша. В следующий раз придёшь.

Наталия проводила непонятно бормочущего Илюшку за порог и ещё долго не могла прогнать из сердца странную тревогу, поглядывая на беспечно играющего брата.

3

В семилетней Курдюковской школе Володя учился хорошо, но особенно-то и не ста-

рался. Матери нет, отцу всё время некогда, а от сестёр и отговориться можно.

– Учись, Володька, – наставляла его сестра Наталия. – Ум у тебя есть, можешь в люди выбиться, в город уехать. С брата Василия пример бери. Этот уже в Москве что-то там конструирует.

– А чего я в том городе не видал? – отвечал ей беззаботный мальчуган, собираясь опять убежать с ребятами на речку ловить рыбу. – Я вон, как папка, плотником буду. Отучусь и дом нам лучше всех срублю! На коньке петушка поставлю, чтоб издалека видно было, а на окна наличники вырежу с узором, как на той салфетке.

– Ну-ну, мастери, – успокаивалась Наталия, в очередной раз перештопывавшая Вовкины штаны. – Только школу чтоб закончил у меня!

– Это тебе не дом мастерить, – усмехнулся Володька. – Закончу я твою школу.

Семь классов Владимир закончил без троек, благо память позволяла схватывать науку на лету. А потом отец на лошади отвёз его в Тамбов и определил в фабрично-заводское ученичество на плотника.

– Учись, Владимир, старательно, да семью не забывай, – сделал ему напоследок наказ Фёдор Максимович.

Прилежно учился Володька в ФЗУ. Там и школьным предметам дополнительно обучали, но основной упор делали на выработку профессиональных навыков. У Володи задатки были хорошие, да и отец успел многому его научить. Так что топор в руках он держал умело, а ножом мог вырезать фигурки из дерева не хуже иного скульптора.

Известие о нападении фашистов на СССР застало Володю в Тамбове. Загудел город от такой страшной новости. Эшелон за эшелон уезжали призывники и добровольцы на фронт бить врага. Рвался и Володя, но слишком юный возраст мешал этому.

– Иди, малец, подрасти немного, – в третий раз уже развернул его от военкомата офицер, осуществлявший запись. – Не мешай работать. Ишь, герой какой!

– Ничего, всё равно уйду, – сказал на улице раздосадованный Володька своему другу Петьке Ильину.

– Вместе уйдём. Так веселее будет воевать, – ответил ему Ильин. – Мастер сказал, надо сперва обучение закончить. А тогда и по возрасту подойдём.

Петька был старше Володьки на целый год. На его лице уже пробивались усики, а говорил он ломающимся баском. Глаза с прищуром выдавали в нём задорный характер.

– Пока мы ФЗУ закончим, может и война закончиться. А мне надо фашистов бить.

Володька в сердцах пнул ботинком уличную урну. Да так это звонко получилось, что стоявший вдалеке милиционер громко свистнул в свисток и погрозил ребятам пальцем.

В общем, ФЗУ Володька и Петька закончили, а война всё продолжалась. Шёл 1943 год. Немного легче стало Родине в борьбе с жестоким врагом, но горя и смертей по-прежнему было с лихвой. Весь Володькин класс сразу после выпуска направился прямиком в военкомат записываться в добровольцы. Там их осматривал пожилой доктор в старомодном пенсне, а сидевший за столом капитан вносил их данные в толстую конторскую книгу. Левая рука капитана висела на подвязанной за шею косынке и, видимо, побаливала, так как он время от времени поглаживал её здоровой рукой.

– Фамилия, имя, отчество? – монотонным голосом спросил он подошедшего к столу Володьку.

– Шарапов Владимир Фёдорович, – чётко ответил парень, вытянувшись в струнку.

– Молодец! – похвалил его капитан, оторвавшись от бумаг. – Место рождения?

– Село Курдюки Инжавинского района.

– Возраст?

– Восемнадцать лет, – уверенно соврал Володька, хотя ему было только семнадцать.

Но в семнадцать в Красную армию не брали, а Володька дальше оставаться дома никак не мог.

– Точно? – засомневался капитан. – Документ у тебя есть?

– Документ дома в селе остался, – опять слукавил Шарапов, делая умоляющие глаза. – Не вру я, товарищ капитан.

– Да наш это одногодок, – поддержал Володьку Ильин, стоявший за ним в очереди. – Ровесники мы. У меня вот и метрика есть.

– Ладно, Шарапов, – устало выдохнув, согласился капитан. – Вижу – парень ты бравый. Иди, воюй.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – радостно вскрикнул Володька и даже попытался щёлкнуть босыми пятками, как это делали офицеры в давно увиденном им фильме.

– Берегите себя, ребятки, – напутствовал добровольцев уже немало повидавший офицер.

Ребят распустили по домам, дав им пять дней на сборы, которые в суете пролетели незаметно. Жарким июльским днём на вокзал провожать Володьку приехали Фёдор Максимович и сестра Наталия. Нелегко давались старику (ему было семьдесят лет) эти проводы. У него на этой проклятой войне уже воевали двое сыновей и дочь. Теперь вот и до меньшого очередь дошла.

На перроне было многолюдно. В Тамбов и с ранеными эшелоны прибывали, и с пленными врагами. Да и на фронт техника потоком шла. Сновали патрули, бдительно проверяющие документы у проезжающих. В сторонке весело играла гармошка и несколько задорных молодых людей лихо отплясывали под свист и частушки. А рядом плакали навзрыд матери, боясь потерять в пасти войны своё родное чадо. Толпились у вокзала новобранцы, нерешительно переминались с ноги на ногу и ждали команды на погрузку.

– Ты вот что, сынок, – стараясь сдержать волнение, обратился к Володьке отец. – Бей врага достойно, но по дурасти в петлю не лезь. В любом деле осмотрительность нужна, а на войне – тем более. Тогда и живой будешь.

– Понял я, отец, – также взволнованным голосом ответил Володя, стараясь держаться браво. – Не подведу.

– Я вот тебе пышек в дорогу напекла, – сказала Наталия, протягивая брату узелок. –

Сунь себе в мешок. Там хлеб ещё и сала кусочек. Где вас теперь накормят?

– Спасибо, няня, – по-детски назвал её Володька, пряча подарки. – Съедем с ребятами.

– По вагонам! – раздалась зычная команда старшего по эшелону.

– По вагонам! – откликнулись в нескольких местах сопровождавшие поезд офицеры.

Володька быстро обнял сначала отца, потом заплакавшую Наталию и, не оборачиваясь, чтобы родные не видели набежавших слёз, быстро пошёл к старому дощатому вагону. Через десять минут солдаты были на своих местах. Паровоз три раза пронзительно свистнул и медленно сдёрнул вагоны с места. Толпа провожающих, подчиняясь неведомой силе, тронулась ему вслед. В открытое окно вагона Володька ещё какое-то время видел вдруг ставшего маленьким отца, махавшего ему фуражкой. Рядом с ним, подавшись вперёд, ситцевым платочком махала поезду Наталия, провожала брата в неизвестность. Затем поезд сделал плавный поворот, и вокзал с провожающими скрылся из глаз.

Впереди Володю Шарапова ждала война.

4

Эшелон всё дальше и дальше увозил Владимира и его товарищей на запад в сторону боевых действий, в сторону войны, которую наша страна третий год вела с вероломным врагом. Всего три недели проучились новобранцы в полевых лагерях под Волоколамском, постигая азы боевого искусства. Мало, конечно, но война настойчиво звала их к себе. И вот за окнами вагонов мелькают разрушенные населённые пункты с торчащими в небо печными трубами сгоревших домов. Наконец на станции Мохначи Харьковской области командовали выгружаться. Там новобранцев построили в колонну и отвели в расположение 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой Павлоградской ордена Суворова дивизии, воевавшей в составе 1 Украинского фронта. Свой боевой путь полк начал ещё в июле 1941 года, с кровопролитными боями отступая из-под Могилёва Белорусской ССР.

Новоприбывшие бойцы были молодые, плохо обученные, ранее не державшие оружия в руках. Весь июль и начало августа личный состав под руководством опытных офицеров занимался боевой подготовкой. Старослужащие бойцы, успевшие понюхать пороха, с дружеской снисходительностью подсказывали молодым приёмы военного дела. Ведь всего через несколько дней им предстояло бок о бок идти в атаку на яростного врага, и от товарищей во многом будет зависеть и твоя собственная жизнь. Не жалея сил, солдаты рыли ростовые и грудные окопы, оборудовали боевые точки, учились стрелять, атаковать днём и ночью, захватывать с ходу траншеи врага и прочим премудростям войны.

Ротный командир приметил усердие и сообразительность Шарапова и однажды позвал его к себе.

– Как зовут, боец? – внимательно оглядывая молодцеватого паренька, стоявшего перед ним по стойке смирно, спросил старший лейтенант Крюков.

– Рядовой Шарапов, товарищ старший лейтенант, – весело отрапортовал Владимир.

– Вольно, – скомандовал ему Крюков. – Откуда будешь?

– Тамбовский.

– Хорошо. Не страшно тебе, Шарапов?

– Это только дуракам не страшно, – рассудительно произнёс солдат. – Опасаюсь, конечно.

– Хорошо, – повторил ротный, удовлетворённый ответом бойца. – Из деревни сам-то?

– Так точно, деревенский, – подтвердил Владимир, пока не понимая, чего от него хочет командир.

– Мне разведчики нужны, Шарапов, – развеял его догадки старший лейтенант, у которого в последних боях выбыло половина разведвзвода. – Пойдёшь в разведку?

– Пойду, – не раздумывая, ответил солдат.

– Тогда ступай во второй взвод к лейтенанту Платонову. Они на хуторе стоят. Скажешь, что от меня. Будешь у него науке учиться.

– Есть, товарищ старший лейтенант. Только разрешите с собой рядового Ильина взять, – попросил Шарапов, не желая расставаться с другом.

– Кто это? – спросил Крюков, которому всё равно нужно было набрать ещё несколько человек в разведку.

– Дружок мой старый. Вон он, окопчик мастерит, – махнул рукой в сторону работавших солдат Володька. – Этот не подведёт. Ручаюсь.

Командир внимательно всмотрелся в мускулистого Ильина, без устали кидавшего землю за бруствер, и произнёс:

– Ну, раз ручаешься, то пусть будет так.

Вот с этого дня Шарапов и Ильин стали разведчиками 514-го стрелкового полка. Шестого августа полк вышел на марш, по окончании которого с ходу вступил в бой, перекрывая наметившийся прорыв противника.

Свой первый бой Шарапов помнил плохо. Слишком сильно всё вокруг свистело, грохотало, рвалось, дымилось и кипело. Солдаты бежали вперёд, беспорядочно стреляя в направлении немецких окопов, падали и вновь вставали, с перекошенными лицами устремляясь на врага. До боли в горле орали «ура», пытаясь перекричать шум боя. От этого «ура» было легче бежать на пули и не думать о смерти. Потом, после того как в короткой схватке выбили немцев из первых траншей, Шарапов с товарищами сидел на земле, пытаясь отдышаться и переварить случившееся.

В этот день Володя первый раз в жизни убил врага. Не человека, а просто врага, который так хотел убить его самого. Шарапов повезло, и он успел выстрелить первым, внезапно наткнувшись за поворотом траншеи на немолодого немца с испуганными широкими глазами, пытавшегося перезарядить автомат. Володька не испытал к нему никакой жалости, а ведь до войны он со двора уходил, когда отец резал скотину на мясо. Даже удовлетворение испытал Шарапов от того, что теперь и он приближает победу. Потом, с новыми боями, счёт убитых немцев пошёл у него на десятки.

Много лишений выпало на долю Владимира, как, впрочем, и на всех, кто бил врага на фронте. И голодать приходилось, когда отставали наши тылы от бодро наступавших частей. Приходилось часами лежать на холодной земле или снегу, находясь в разведке. Солдаты простывали, болели, но выполняли свой долг. А потом лечились в санбатах, наслаждаясь короткими передышками.

5

Служила в первом батальоне медсестричка молоденькая лет двадцати по имени Татьяна. Очень она понравилась Володе. Девушка была невысокого роста с коротко подстриженными чёрными волосами. Тане удивительно шла военная форма, придавая ей задорный вид. На лице Тани выделялись глубокие карие глаза, светившие добротой и ещё каким-то чарующим светом. Девушка была строга к себе и бойцам и не подавала поводов для кривотолков.

А ухажёров, понятное дело, хватало. Шарапов неумело оказывал ей знаки внимания: то за водой для санчасти сбегает, то дров насобирает для буржуйки, то носилки починит. Однажды ей ложку вырезал с надписью «Таня». Она его тоже выделяла из общей солдатской массы. В мирное время эта дружба легко бы переросла в большое чувство, но война есть война. Хотя и на войне встречается масса любовных историй.

Как-то Володя присмотрел метрах в двухстах за окопами на нейтральной полосе цветы люпина. Уж очень они притягивали своей яркой синевой. В начале лета 1944 года наступление наших войск на участке дивизии Шарапова выдохлось и батальоны перешли к позиционной обороне. Немцы тоже не атаквали, решая свои тактические задачи. Каждый день случались перестрелки, наносившие лёгкий урон личному составу. И вот Шарапов однажды ночью решился на смелый шаг.

– Петька, покарауль тут меня, а я мигом сползаю, цветов нарву, – попросил он Ильина, стоявшего с ним в боевом охранении.

– Нельзя. От командира попадёт, – предостерег товарищ Володьку. – Предупреждали ведь уже, чтобы не шуметь лишний раз.

– Да знаю я, – отмахнулся Шарапов, которому очень хотелось порадовать Таню. – Я тихо. Ужом проползу.

– Ну, давай, – согласился Петька и, удобнее расположив автомат на бруствере в земляной щели, приготовился ждать.

Володька взял свой ППШ в правую руку и, дождавшись, когда очередная осветительная ракета немцев погаснет, резко перекатился через насыпь, заскользил в невысокой траве. Коварная луна то выходила из облаков, освещая тусклым светом безлесную низину, то опять пряталась, скрывая от глаз затихавшего на время Володьку. Вскоре Петька уже не мог видеть друга и только напряжённо вслушивался в темноту.

Володя без труда нашёл присмотренную куртинку с люпином, который чуть возвышался на фоне травы. Быстро сорвав несколько растений и осторожно засунув их под гимнастёрку, он уже хотел ползти назад, как вдруг совсем рядом услышал немецкую речь. Володька замер. Приглушённый говор снова повторился, и Шарапов решил проверить, откуда здесь так близко взялись немцы. Ещё днём в бинокль он сам обследовал эту местность и ничего подозрительного не заметил. Вжимаясь в землю, Володька неслышно прополз ещё несколько метров чуть в сторону и осторожно приподнял голову. Оказалось, что, пользуясь небольшим овражком, плохо просматриваемым с советской стороны, немцы под покровом ночи выдвинули сюда опорный пункт и теперь оборудовали его. Это могло означать только одно – противник делал приготовление к атаке. Шарапов быстро развернулся и пополз назад. Видимо, он излишне засуетился, чем и выдал себя. До своей траншеи оставалось всего метров двадцать, но тут немцы выпустили сразу несколько осветительных ракет, и Володька оказался как на ладони.

– Скорей! Скорей давай! – громким шёпотом подстегнул его Ильин.

Тишину ночи неожиданно разорвал пулемёт, ударивший со стороны немцев длинной

очередью, и трассирующие пули прочертили огненные пунктиры к нашим окопам.

Медлитель было нельзя, поэтому Володька, улучив момент, резко поднялся на ноги и рывком бросился в свою траншею.

– Ух, пронесло, – выдохнул он с облегчением уже на дне окопа, успокаивая бешено стучавшее сердце.

Ильин хотел ответить немцам из автомата, но Шарапов его остановил:

– Не надо. Пусть успокоятся. Я там кое-что приметил.

На шум из блиндажа прибежал ротный лейтенант и сердитым полусшепотом закричал на солдат:

– Вы что тут устроили? Приказ нарушать изволите? Под суд пойдёте за неповиновение!

Он был из интеллигентов и даже в критичной обстановке старался говорить культурно, поправляя рукой сползающие на нос очки.

– Товарищ лейтенант, не преступление это, – встав перед командиром и застегнув гимнастёрку, чтобы его не выдали цветы, ответил Шарапов. За месяцы совместной службы он довольно хорошо изучил характер ротного и знал к нему подход. – Я там разведаль немецкий опорный пункт. Фрицы к атаке готовятся.

– Хитрец ты, Шарапов, – покачав головой, произнёс лейтенант уже спокойным тоном. – Но это меняет дело. Пошли, на карте отметишь.

Володька в блиндаже при мерцающей керосиновой лампе, подвешенной к низкому бревенчатому потолку, сразу нашёл нужную точку на карте, разложенной на небольшом самодельном столе.

– Вот здесь, товарищ старший лейтенант. Окопчик от их траншей идёт, – Шарапов поставил крестик карандашом на карту.

В это время затрещал телефон. Это могли звонить из батальона, озабоченные внезапной стрельбой.

– Иди, Шарапов, – строго сказал командир роты. –

И чтобы больше никакого шума!

– Слушаюсь! – ответил Володя, радуясь, что так легко отделался, и вышел на улицу, ото-

двинув полог плащ-палатки, висевшей на входе вместо двери.

Он направился к медчасти, так как на посту их с Ильиным уже сменили по указанию ротного. Володя надеялся увидеть Таню. А если и не встретит – не беда. Положит цветы на порог. Она поймёт. Но Таня, разбуженная ночной стрельбой, стояла около своей землянки под кроной раскидистой ивы.

– Вот, это тебе, – вместо приветствия выпалил засмуцавшийся боец.

– Спасибо, Володя, – девушка взяла цветы и поднесла их к лицу. – Как же они домом пахнут!

– Родиной пахнут, – повторил за ней Шарапов, довольный сделанным подарком.

– Это не ты там шумел? – обеспокоенно спросила Таня, стараясь в сумраке ночи различить лицо солдата.

– Нет, что ты, – солгал Володька и заторопился. – Пойду. На пост надо.

– Володя, – придержала его Таня за рукав гимнастёрки, – я хочу тебя попросить. Не надо рисковать по таким пустякам. Я всё чувствую. Ты береги себя.

– Хорошо, Таня. Я буду себя беречь, – просто ответил Шарапов, ласково смотря на девушку. – Я хотел сделать тебе приятное.

– Я это ценю. Спасибо, – ещё раз поблагодарила Таня и тихонько пожала Володькину руку.

И от этого прикосновения так тепло сделалось на душе у солдата, как никогда не было в жизни. Он ведь ещё и полюбить никого не успел до своей войны, а теперь вот накрыло с головой странное чувство, не поддающееся никаким законам.

– Ничего, прорвёмся! – весело сказал Володька и направился в расположение роты.

А Таня долго стояла под ивой и смотрела на звёзды, прижимая дорогие цветы к груди.

Утром немцы попробовали организовать атаку, но рота, усиленная миномётной батареей и двумя станковыми пулемётами, срочно переброшенными ночью на этот участок, легко её отбила. Потеряв до десяти человек убитыми, немцы отступили на исходную позицию

и на этом участке атаки больше не возобновлялись.

В жестоких схватках с неприятелем полк Шарапова дошёл до Львовской области, где в июле 1944 года принимал участие в уничтожении окружённой группировки немцев у города Броды. Несколько раз Шарапов с отделением ходил в разведку и приносил ценные сведения о противнике, что способствовало успеху полка в наступлении. В этих боях отделение Шарапова уничтожило 45 гитлеровцев, а сам он был представлен к первой своей награде – медали «За Отвагу». Владимир гордился этой медалью, гордился тем, что, несмотря на ранение в левую руку, остался в строю и продолжил бить врага. А ещё он был рад, что теперь его Танюшка (так он про себя называл девушку) может гордиться им. А она и гордилась. Этот русоволосый сильный и ловкий паренёк запал в её сердечко.

– Надо, герой, перебинтовать тебя, – нарочито строго говорила она Володьке, усаживаясь с ним на поваленный ствол дерева. – Давай сюда руку. Бинт грязный совсем. Поменяю.

– Ничего, Таня, на мне как на собаке всё заживает.

А твоя забота любую хворь снимет, получше всяких докторов, – отвечал ей Володька, не сводя с девушки влюблённых карих глаз.

Таня тщательно бинтовала, нежными пальцами прикасаясь к сильной руке Шарапова. А он, несмотря на досадную боль, наслаждался редкой возможностью побыть рядом с девушкой. Хотелось обнять её, но Володька не знал, как Таня на это отреагирует. Тем более что около них всё время крутились люди.

В августе 1944 года 514-й полк принял участие в Львовско-Сандомирской операции. Неожиданно легко форсировав реку Висла на своём участке, подразделения полка устремились на запад, но вскоре были остановлены ожесточённым огнём опомнившегося противника. Тогда командир полка полковник Митропольский отдал команду занять оборону и окапываться до подхода наших основных сил. Всю ночь под миномётным обстрелом солдаты и офицеры наспех сооружали укрепления, а

утром 12 августа немцы предприняли несколько яростных контратак при поддержке орудий и миномётов разного калибра. Пользуясь большим преимуществом в личном составе и огневой мощи, им удалось потеснить правого соседа 172-й дивизии, в результате чего создалась угроза охвата с фланга и дальнейшего окружения. Если противник отрежет их от Вислы, то невозможно будет подвозить боеприпасы с правого берега, а на левом запасов не было. Тогда командир дивизии генерал-майор Краснов приказал полку Митропольского развернуться уступом вправо и не допустить прорыва немцев. В смерче рвущихся мин и снарядов батальон Шарапова в который раз за последние дни лихорадочно вгрызался в землю, надеясь в ней найти защиту. Снарядами неоднократно перебивало телефонный провод, связывавший их с полком. Связной Александр Андриевский среди бела дня под сильным обстрелом, ежесекундно рискуя жизнью, четырнадцать раз исправлял порывы телефонного кабеля.

– Орёл, орёл, я коршун, – то и дело хрипло кричал в трубку командир батальона, крепко прижимая её к уху. – Плохо слышу. Повторяю! У нас кончаются снаряды. Большие потери. Прошу ударить по противнику из тяжёлых орудий.

Трубка предательски молчала, а положение на участке батальона создавалось угрожающим. Смерть одного за другим забирала лучших сынов Родины. Ещё несколько атак немцев, и они сомнут батальон Крюкова, заменившего к тому времени тяжелораненого комбата. Крюкова успели повысить в звании, и теперь на его кителе сверкали новенькие капитанские погоны.

– Чёрт, опять связи нет, – выругался командир, в горячке боя забыв всю свою интеллигентность. – Андриевский, быстро исправлять!

В который раз Крюков отправил связиста на задание, и тот, змеёй извиваясь в пониклой скукожившейся траве, заскользил в тыл.

В траншею, споткнувшись о пригорок, кубарем ввалился связной первой роты рядовой Константин Беспалько, который ещё де-

сять минут назад вместе со взводом отражал атаку врага. Неторопливо целясь в бегущие фигурки, он метко стрелял из трёхлинейки и удовлетворённо кричал, когда выбранная им фигурка внезапно падала в траву.

– Ещё один гадёныш, – шептал он в рыжие усы.

Комбат хорошо знал этого паренька с огненными кудряшками на маленькой голове. Уже полгода они воевали вместе и не раз выходили из всевозможных передряг.

– От командира роты Платонова записка, товарищ комбат, – протянул связист командиру скомканный листок.

Ординарец Крюкова подал Беспалько фляжку с водой, и тот с жадностью припал губами к горлышку.

Комбат быстро пробежал записку глазами. Платонов писал: «В ротe большие потери. В третьем взводе осталось в строю 11 человек. Убит командир второго взвода Редькин. Связи нет. С высоты 214-й противник бьёт прицельным огнём из пулемёта. Нужно срочно накрыть высоту огнём из 122-мм пушек. Мало боеприпасов. Срочно нужны патроны к пулемётам».

– Та-ак, – нараспев произнёс комбат и кивнул головой, словно соглашаясь с написанным. – Связной, гони быстро назад. Передашь комроты на словах – сделаю, что возможно. И мой приказ: стоять на смерть! Ты понял?

– Понял, товарищ капитан, – выпалил Беспалько, сунул фляжку в руки ординарцу и приготовился выпрыгнуть из окопа.

– Стой, дурак! – зычно закричал на него комбат. – Мне люди нужны, а не твоя героическая смерть. Ползи справа ложбинкой. На тот свет ещё успеешь.

– Слушаюсь, – с благодарностью взглянул на него связист, перебежал в дальний конец окопа и, осторожно выбравшись наверх, углубился в невысокий кустарник. Так было значительно дальше, но надёжнее.

– Главное, доползи, – вслед ему прошептал капитан, потом повернулся к начштаба и приказал: – Срочно ещё связного к Митропольскому. Пусть накроют 214-ю высоту ар-

тиллерией. И танки проси. Без танков немца нам не выбить.

В это время в первой ротe была передышка и бойцы приходили в себя после очередной отбитой атаки немцев.

– Да, долго так мы не продержимся. Где, чёрт возьми, подкрепление? И связной пропал. Дошёл ли? – лейтенант Платонов привычными движениями набивал патронами опустевшие магазины ППШ.

– Может, ещё послать? – предложил взводный Валитов. – Эти шайтаны скоро снова полезут.

Валитов был татаринoм, попавшим в батальон из госпиталя после излечения. Он сразу пришёлся по душе командиру роты. Было ему чуть за двадцать, но боевой опыт он имел ещё с сорок первого года. Рассудительность и взвешенность много раз выручали его в самых безнадёжных ситуациях.

– Подождём, – ответил Платонов. – Сколько у тебя действующих противотанковых ружей?

– Три осталось. Боекомплект пока есть, – Валитов ополоснул руки из бачка с водой и вытер их чистым платком, извлечённым из вещмешка. – Я их вперёд выдвинул и замаскировал. Шайтаны танки пустят, сердцем чую.

– Молодец! – похвалил ротный подчинённого и отправился проведать поредевший третий взвод, зная, что сейчас Валитов будет просить своего бога в коленопреклонённой молитве. Сам Платонов в бога не верил, но бойцам своим, которые жили с богом, никогда не мешал молиться. Смерть ведь не выбирает, верующий ты или атеист, но в спокойствии воевать всё же легче.

Над позициями полка, ошестинившегося всем своим оружием, пронесли три мессершмитта и сбросили бомбы на расположение второго батальона. Из строя прямым попаданием была выведена одна 76-мм пушка и убито пять артиллеристов. Пользуясь ослабевшим огнём наших частей, гитлеровцы вновь бросились в атаку при поддержке трёх танков «Тигр» и двух самоходок. И хотя огнём во фланг из противотанковых ружей бойцам Валитова уда-

лось подбить один танк и самоходку, противник навалом выбил второй батальон с занимаемых позиций. Паники удалось избежать, так как сам Митропольский с пистолетом в руке, видя отход батальона, выдвинулся вперёд с группой резерва и сумел остановить отступление на второй линии обороны.

Комполка приказал Крюкову срочно ударить первым батальонам во фланг прорвавшимся немцам и восстановить положение войск. Когда Платонов получил приказ комбата, то сердце у него сжалось от тревоги. Он прекрасно понимал, что как только рота поднимется в атаку, с 214-й высоты ударит немецкий пулемёт и положит его бойцов, оказавшихся в чистом поле. Но приказ обсуждать нельзя, приказ надо выполнять. Пять минут оставалось до атаки, как вдруг над их головами раздался звук летящих снарядов, а на злополучной высоте они увидели земляные фонтаны разрывов.

– Дошёл Беспалько, – облегчённо выдохнул ротный и закричал: – В атаку! Вперёд!

– Ура! Ура-а!! – понёсся над равниной грозный клич советских солдат.

Шарапов и Ильин, ободряюще переглянувшись, выскочили из окопа и бросились на противника. Немцы явно не ожидали такого поворота событий. Их пехота попятилась, но на выручку им пришли танки. Один из «Тигров» развернулся на роту Платонова и, на ходу стреляя из пушки, грозно надвигался своей громадой на уже залёгших бойцов. Тогда сержант Потапов, притаившийся в воронке от бомбы, пропустил танк через себя и бросил в него противотанковую гранату. Раздался взрыв, и танк объяло пламенем. Танкисты попытались выбраться через люки и были тут же убиты советскими стрелками. И вновь воздух всколыхнуло богатырское «ура». Шарапов метрах в пятидесяти от себя внезапно увидел бегущего на него немца и всё внимание сосредоточил на нём. Казалось, что в этом кромешном аду только этот конкретный немец и есть его личный враг, и от того, кто выйдет победителем в этой схватке, зависит и сама жизнь на земле. Когда между ними оста-

валось всего метров двадцать, немец выстрелил из шмайсера первым, но на бегу не смог прицелиться и очередь прошла над головой Владимира. Лишь одна пуля обожгла щёку, но не остановила его.

– А-а-а! – дико закричал Шарапов. – На, сволочь!

Он выпустил весь диск в этого здорового ненавистного немца, который только что хотел убить его. Немец споткнулся и всем телом грохнулся на землю, сражённый наповал. Володька тоже упал, чтобы сменить опустевший магазин ППШ. Он успел оглядеться и увидеть, что Ильин и ещё два бойца отделения залегли неподалёку под плотным огнём немцев, укрывшихся за подбитым ещё утром танком. Тогда Шарапов заполз сбоку и бросил в немцев гранату, уничтожив противника. Рота стремительной атакой выбила гитлеровцев из занятой ими ранее траншеи второго батальона. Это помогло ликвидировать немецкий прорыв и восстановить линию обороны.

– Крюков, кто у тебя так лихо на танки шёл? Я с НП видел, – спросил в трубку комполка.

– Рота лейтенанта Платонова, товарищ полковник, – отрапортовал комбат, не успевший ещё отойти от горячки боя, в котором и ему самому пришлось атаковать с автоматом в руках.

– Всех отличившихся представить к наградам, – распорядился Митропольский.

В окопах бойцы помогали друг другу перевязать раны, готовились к новому бою. У Шарапова кровянила пораненная щека, и Ильин надёжно перемотал его бинтом через голову.

– Вылитый Чапаев, – засмеялся Петька, любуясь своей работой.

– Молодец, Шарапов! – похвалил Володьку подошедший ротный. – И все молодцы. А теперь занять оборону и смотреть в оба!

– Ловко ты их накрыл, – похвалил друга Ильин. – Прижали нас фрицы, а за танком нам их никак не взять было.

– Двое ваших там. Я видел. А ещё Потап хорошо сработал. Тигрёнку хвост прищемил, –

ответил Шарапов, отмечая боевые заслуги товарищей.

– Может, в санчасть тебе? – показал ему пальцем Пётр на забинтованную щеку.

– Брось. Это всего лишь царапина, – поморщился Володька, не хотевший огорчать Таню, у которой в этом огне хватало других забот.

Немцы вновь попытались выбить окрылённые батальоны с занимаемых рубежей, бросив в прорыв четыре тяжёлых танка «Тигр» и более роты автоматчиков. Однако полк был к этому готов. Расчёты противотанковых ружей, предусмотрительно выдвинутые вперёд, метким огнём подбили ещё два вражеских танка. С нашего тыла ударили стодвадцатидвухмиллиметровые гаубицы и накрыли наступающего противника. Немцы сначала остановились и залегли, а затем попятнулись и в боевом порядке отступили. Преследовать их не представлялось возможным, так как батальоны потеряли много людей и остро ощущался недостаток боеприпасов. Но даже во время боя, не обращая внимания на огонь врага, рядовые Савчук, Гоцул и Спасский доставляли на передовую патроны и гранаты. Каждый человек в этом едином воинском организме делал общее дело и работал на одну победу. Доблестно трудился медперсонал, спасая бойцов полка. В пылу боя Шарапов несколько раз видел Таню и в душе отмечал удовлетворение, что девушка жива и делает свою тяжёлую работу. Весь день она, не жалея себя, бросалась в гущу боя, перевязывала и выносила раненых. В этой с виду хрупкой девушке находились силы, чтобы тащить на себе тяжёлых бойцов с их оружием, которое не должно было доставаться немцам. Таня совсем не думала о себе, спасая под пулями очередного упавшего бойца.

Когда стало смеркаться и бой потерял накал, комбат вызвал Шарапова к себе.

– Слушай, Шарапов, знаю, что устали. Видел, как воевал сегодня. От командования выношу благодарность! – искренне похвалил он Владимира.

– Служу Советскому Союзу! – произнёс Шарапов, понимая, что вызвали его не за этим

и сейчас последуют новые указания. Что ж, он был к этому готов.

– Погоди. Я не всё сказал, – подтвердил его догадку Крюков. – Смотри на карту. Видишь 214-ю высотку?

Это была та самая высота, с которой весь день по роте Шарапова бил пулемёт, умолкнувший только после артобстрела.

– Так точно, товарищ капитан, – ответил разведчик, хорошо умеющий читать не только наши, но и немецкие карты.

– Хорошо. Получен приказ утром её взять. Иначе они нас тут прижмут надолго, – продолжил командир.

– Взять трудно будет. Судя по огню, там хорошие укрепления у фрицев.

– Вот за этим и позвал тебя, Шарапов. В два часа ночи возьми пять человек из отделения и разведай подступы. На карту нанесёшь их огневые точки.

– Понял я, товарищ командир. Сделаем в лучшем виде, – без лишних вопросов ответил Владимир и собрался уходить.

– Ты постарайся там не шуметь, – попросил его комбат. – Мне сведения позарез нужны.

Однако не шуметь не получилось. На небе висел полумесяц, то и дело скрадываемый низкими облаками. Немцы изредка запускали в небо осветительные ракеты, от которых становилось так светло, хоть газету читай. В такие секунды разведчики замирали, сливаясь с землёй. Мин здесь не было, так как весь день противник сам ходил в атаки. Преодолев проволочное заграждение, Шарапов с бойцами незаметно подполз к траншее отдыхавшего после боя противника, где Ильин снял придремавшего часового сильным ударом тяжёлого молотка, который он специально брал с собой для таких целей. Обогнув высотку, разведчики увидели неподалёку несколько немецких танков, около которых сустились солдаты. Видимо, ремонтировали и обслуживали. Чуть поодаль виднелись позиции артиллерийской батареи.

– Всё, поворачиваем назад, – зафиксировав в памяти нужные координаты, командовал солдатам Шарапов.

Разведчики почти ушли, но, по-видимому, у немцев подошла смена караула, и они хватились пропавшего часового, тело которого было спрятано неподалёку в кустах. Раздались исполошенные немецкие голоса, замельтешили фонарики, и тогда Шарапов решил пойти на прорыв.

– Ребята, пока они не опомнились и не ждут нас с тыла, у нас есть шанс, – шёпотом он передал свою мысль залёгшим рядом товарищам. – Вскакиваем и бегом вперёд. Двое влево огонь, двое вправо, а я с Ильиным по фронту.

В траншею гранаты кидайте. Понятно?

– Понятно, – за всех ответил Ильин.

– Тогда пошли.

Шарапов встал и устремился к немецкой траншее. За ним, не отставая, бежали его бойцы. И как только немцы их обнаружили, разведчики ударили по ним из автоматов. Владимир видел, как падали сражённые внезапным огнём фашисты, как справа и слева рвались гранаты, взрывами гулко отдаваясь в мозг. Внезапность спасла разведчиков, и они вырвались живыми. Лишь одного бойца ранило в ногу, и его под руки доставили к своим окопам. Опомнившиеся немцы ударили по позициям батальона из миномётов и пулемётов, но было уже поздно.

Шарапов сразу отправился в землянку комбата, где над картой уже колдовали начштаба и ротные командиры.

– Что так расшумелся, Шарапов? – недовольным тоном спросил Владимира Крюков. – Я же просил тебя.

– Виноват, товарищ капитан, – не особенно-то чувствуя за собой вину, смело ответил усталый разведчик, третьи сутки страдавший от недосыпа. – На отходе уже фрицы шум подняли. Пришлось дать им прикурить.

– Доложи по порядку, – попросил командир, подзывая Шарапова к столу. – Что удалось узнать?

Разведчик подошёл, посмотрел на уже знакомую карту, взял карандаш и уверенно поставил на ней несколько крестиков.

– Вот здесь первая и вторая траншеи пехоты, здесь миномётная батарея и пушки лёг-

кие, а за высоткой в редкой рощице скопление танков. Точное количество не рассмотрели в темноте, но с десяток будет.

– Вот это другой разговор, – обрадовался капитан

и похлопал Шарапова по плечу. – Молодец! Твои все целы?

– Целы. Один раненый. В санбат отправили.

– Отдыхайте. Утром в бой идти. Бойцам благодарность передай. Будете представлены к наградам.

В шесть часов утра по позициям противника сработала наша полковая артиллерия, накрыла точным огнём те самые крестики, отмеченные Шараповым. Последующей стремительной атакой полк выбил немцев с господствующей высоты и перешёл к его преследованию, занимая близлежащие сёла и расширяя плацдарм. С этого плацдарма зимой сорок пятого года началась Висло-Одерская операция по окончательному освобождению Польши от немецких захватчиков.

Шарапов Владимир Фёдорович за бои по расширению плацдарма на левом берегу реки Вислы, за то, что провёл точную разведку и уничтожил девять немцев, был удостоен второй медали «За Отвагу».

6

Когда вокруг постоянная стрельба и умирают люди, когда видишь только ужас, страх и грязь, человек живёт воспоминаниями, пытаясь хотя бы на короткое время уйти от удушливой действительности. Куда ни глянь – всё чужое: деревни, дома, люди. Да и природа совсем не такая, что дома. А так хочется прикоснуться к родимым местам! В минуты редкого отдыха Владимир Шарапов иногда, не удаляясь далеко от позиций, уходил в сторону, кидал на землю свой вещмешок, ложился на спину, смотрел в широко распахнутое притягивающее небо и вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Чаще всего на ум приходил отец, Фёдор Максимович, который многому научил его в жизни. Первые деревянные фигурки, неуве-

ренно вырезанные детской рукой, хранил Володька в узелке на русской печке в отцовском доме. Отец и нож научил держать, и резать правильно, чтобы не пораниться. Когда Володя подрос, отец смастерил ему маленькую косу и впервые повёл на сенокос. По-взрослому вышагивал Володька с косой на плече, поглядывая по сторонам – видят ли его односельчане. Ему было в ту пору только десять лет, но уж очень он хотел помочь семье.

В первый раз он так смешно сплеча размахнулся и вонзил косу в землю! Рассмеялся добродушно отец, подошёл, встал позади сына, положил свои большие шершавые руки поверх Володькиных и медленно отвёл косу в сторону.

– Шуух, – упал первый рядок невысокой травы, чисто срезанный металлом.

Потом ещё и ещё взмах. Отец показал, как нужно медленно переступать ногами, как плавно замахиваться и резко опускать косу.

– Пятку, пятку прижимай, – командовал Фёдор Максимович, опуская основание косы. – Вот, молодец!

Потом отец отошёл в сторону, и Вовка попробовал сам, радуясь, что у него получается. А косу точить – вообще целое искусство. Ставишь носик на ботинок или камешек и бруском с обеих сторон резкими движениями охаживаешь металл.

– Вжик-вжик, вжик-вжик, – с эхом далеко раздаётся ранним утром над лугами.

В другой раз Шариповы отправились ловить рыбу на меленькую речку у села. Отец был большой мастер плести из ивовых прутьев корзинки для переноски сена. Нарезает в полудне прутьев, когда ива особенно гибкая и податливая, и плетёт у печки в тепле. Вовка тоже однажды маленькую сплёл, словно сувенирную, и спрятал её в свой тайничок. Вот с ивовой корзинкой и отправились они на рыбалку, ведь речка просто кишела тогда плотвой и пещарями. Зашли на течение чуть ниже стойла, где коровы пили воду и стояли по брюхо в воде, спасаясь от жары и оводьёв. Вода здесь текла мутная, и ослепшая рыба не выбирала пути. Отец зашёл по пояс в воду, опустил корзинку и, напрягая силы, ускоренным шагом побрёл

вдоль берега. Вода проходила сквозь прутья, а рыбёшка задерживалась внутри. Рывком Фёдор Максимович поднимал корзинку, выставлял её на берег и Володька с радостными возгласами вытрясал улов. А рыбки было столько, что хватало семье на уху и жарку...

Близкие разрывы вражеских мин выдёргивали Шарипова из дорогих воспоминаний и возвращали к реальности. Он хватал автомат и бежал в траншею, готовый выполнить любой приказ командиров.

7

С августа 1944 года Красная армия и войска вермахта перешли к позиционной обороне. Военские части вновь пополняли людской состав и боеприпасы, совершенствовали свои огневые рубежи и готовились к активным действиям. 172-я стрелковая дивизия тоже значительно обновила личный состав. Пришло много призывников с Западной Украины, которые долгое время находились под немцами. Часть из них вообще не хотела воевать. Западные области были присоединены к СССР только в 1939 году, и в них были очень сильные антисоветские течения. Конечно, лиц, находившихся на оккупированных территориях, НКВД проверял на предмет сотрудничества с немцами. Но всё же на сто процентов гарантировать лояльность новобранцев было нельзя. К ним в части присматривались, поначалу не доверяя ответственным заданиям. Комиссары, пользуясь наличием свободного времени, часто вызывали пополнение на откровенные разговоры, пытаясь прощупать их настроение.

– Скажи, Мартынюк, – обращался батальонный комиссар Сычёв к рядовому первого батальона, который меньше месяца находился в рядах Красной армии, – как тебе жилось под немцем? Не обижали вас?

Мартынюк, высокий худой украинец лет тридцати, понимал суть вопроса и отвечал как надо:

– Какая ж это жизнь? Я на хуторе хлеб растил. Немец пришёл – хлеба нема, поросят тоже нема. Всё забрали.

– А тебя почему не тронули? – всё пытал комиссар неподдающегося Мартынюка.

– А что меня трогать? Я не баба на сеновале. Им харчи нужны, а не я. Хлеб, бывало, возьмут и уходят с хутора.

А наше дело крестьянское – хлеб расти.

– Значит, ты для немцев сеял? – наступал на украинца Сычѳв.

– Для себе, товарищ комиссар, – твѳрдо отвечал солдат. – Исти все хотят.

– Тоже верно, – соглашался комиссар. – Куда ж без еды. Ступай, Мартынюк, а ко мне Савицкого позови. Да ни слова о нашем разговоре!

Так одного за другим проверял комиссар пополнение. И то ли были за некоторыми грешки, то ли ещё какая причина имелась, но в декабре из первого батальона, находясь в ночном дежурстве, дезертировали с оружием пять человек, среди которых оказались и Мартынюк, и Савицкий, так тщательно проверяемые комиссаром.

– Чуял я эту сволочь, да раскусить не сумел, – сокрушался комиссар на докладе у командира дивизии.

– Ладно, не твоя вина, – успокоил его комдив Краснов. – Во втором и третьем батальонах вашего полка ещё четверо убежали. Ничего, скоро их догоним.

– И на что они только рассчитывают, товарищ генерал-майор? Ведь конец Гитлеру скоро.

– Эти не за Гитлера. Они за себя. Такие пострашнее немцев будут. Они под своих маскируются, но в любой момент нож в спину воткнут. Ты старым бойцам потихоньку шепни, чтобы присматривали за новенькими, подмечали.

А я комбатам команду дам, чтобы перемешали состав.

8

Стоял тѳплый безветренный летний день. На безоблачном небе высоко висело ослепительное солнце, согревая лучами землю. Стадо сельских коров, охраняемых Володькой

и его отцом, совершило утренний длинный перегон вдоль полей с колосющейся рожью и растеклось по берегу узкого пруда, пощипывая сочную зелёную траву. Отец зашѳл спереди стада, чтобы не пускать коров на посевы, а Володька стерѳг позади, весело сбивая кнутом зонтики тысячелистника, в изобилии росшего на лугу. Наконец ненасытные животные наелись, напились воды из пруда и устроились на отдых, отгоняя хвостами назойливых мух. Прилѳг поодаль на изумительно ароматную траву и Володька, уставший от долгой ходьбы. Ах, как сладко пахнет земля разнотравьем! Стрекозы да жучки потрескивают, попискивают на стебельках, нагоняя на Володьку молодецкий сон. Он и не заметил, как, клюнув несколько раз носом, провалился в забытьѳ. Вдруг откуда-то издалека до него донѳлся грозный голос отца:

– Володька, вставай!

А Володька только промычал «сейчас» и на другой бок повернулся.

– Всех коров растерял! – закричал отец настойчивее. – Вставай, стервец!

Шарапов встрепенулся и открыл глаза, с трудом возвращаясь к действительности. И вовремя! Из ложбинки к их наблюдательному пункту медленно двигались немцы. В свете луны отчѳтливо виднелись их согнутые фигуры, крадущиеся в сторону Володьки.

– Чуть не проспал! – молнией пронеслась в его голове пугающая мысль. – Ну, отец!

Он быстро повернулся к тихо посапывавшему рядом Ильину, с которым с вечера заступил в дозор, и осторожно потряс его за плечо, прикрыв ему рот.

– Что? Что такое? – прошептал проснувшийся Ильин.

Они двое суток с батальоном были на марше и вот не выдержали, уснули и чуть не наделали беды.

– Немцы, Петька! – ответил другу Шарапов, взял в руки автомат и повернулся в сторону противника. – Ты бери правых от того куста, а я по левым пальну. Огонь по команде. Готов?

– Готов, – отозвался Ильин.

– Тогда – огонь!

Две длинные очереди из ППШ разорвали умиротворяющую ночную тишину. Немцы сразу остановились

и попадали на землю.

– Кажется, попали, – возбуждённо прокричал Ильин Шарапову.

– Бей ещё, – приказал Владимир, быстро меня опустевший диск автомата.

Очнулись и немцы, ответным огнём заставив дозорных спрятаться за бруствер. Близкая очередь взрыхлила землю над Вовкиной головой, хлёстко ударив комьями по щекам.

– Ничё, зато отца не подвёл, – весело прикрикнул Шарапов, вспоминая сон, и вновь дал очередь по немцам.

Со стороны наших позиций с резким свистом полетели мины, заставившие немецкую разведку отступить. Следом и немцы вдарили с ответкой, вплели свои залпы в гул ночного боя. Стрельба продолжалась ещё долго, но главное было сделано – противник не смог воспользоваться неожиданностью и выполнить боевую задачу.

Потом, уже после боя, Шарапов рассказал Ильину о своём сне и о том, как их спас его отец.

– Да-а, – нараспев произнёс Петька, удивлённый таким спасительным сном. – Бывает же такое! Выручил Фёдор Максимович. Бережёт нас.

9

К началу января сорок пятого года обеспеченность дивизии продовольствием и боеприпасами достигла ста процентов. В войсках всё яснее ощущалось приготовление к скорому наступлению, и оно не заставило себя долго ждать. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования Красная армия силами первого Белорусского фронта под командованием маршала Жукова и Первого Украинского фронта под командованием маршала Конева начала Висло-Одерскую наступательную операцию. Двенадцатого января в пять часов утра с Сандомирского плацдарма по немцам из всех

калибров ударила наша артиллерия. Сотни советских самолётов устремились в тылы противника, где бомбили мосты, дороги, склады с боеприпасами и разведанные места дислокаций воинских частей.

Отделение сержанта Шарапова находилось в первой траншее, ожидая команды ротного на атаку.

– Во, Петька, как садят наши, – прокричал он Ильину, стараясь пересилить грохот орудий.

Петька понял и радостно закивал головой, показывая большой палец. Из блиндажа, пригибаясь, пришёл командир роты и велел не отвлекаться и наблюдать за противником. Полоса грязного снега, тут и там порванная воронками снарядов, отделяла позиции противоборствующих сторон. И эту открытую полосу под пулями немцев предстояло преодолеть Шарапову и его товарищам.

– Скоро пойдём. Всем приготовиться, – приказал ротный по цепочке.

Однако команды на атаку не последовало. Через сорок пять минут артподготовка внезапно оборвалась и наступила давящая тишина.

– Что ж мы сидим? – спросил Шарапов ротного, который и сам не знал задумки командования. Связь работала исправно, следовательно у начальства были свои соображения.

– Был приказ – ждать. Значит, будем ждать, – ответил ротный, присаживаясь в траншею на ящик из-под патронов, и достал из кармана портсигар. – Закуривайте пока.

Задымили бойцы папиросками, довольные щедростью командира. Когда в любой момент можешь пойти на смерть, то такие минуты спокойствия кажутся бесценными.

В десять часов с удвоенной силой возобновилась наша артподготовка, круша передовые позиции и ближайшие тылы немцев, только пришедших в себя после первого шквала. Целый час длилась эта смертельная свистопляска, а потом наши батальоны поднялись за артогнём, переместившись вглубь обороны врага. Шли сначала медленно, потом всё более ускоряясь, словно разжимающаяся пружина.

жина. Преодолев разделительную полосу по проходам в минных полях, сделанных ночью сапёрами, отделение Шарапова достигло проволочных заграждений. Чтобы не тратить время на перекусывание колючей проволоки, бойцы просто набрасывали на неё свои шинели, перекатывались и бежали дальше. Вот уже и первая траншея противника. Старые солдаты к сорок пятому году хорошо научились бить врага в окопах. Шарапов сверху полоснул из автомата по убегавшим в панике немцам и увидел, как на спине бегущего последним строчкой порвалась шинель и он ничком ткнулся в землю. Володька спрыгнул с насыпи и споткнулся о брошенный немецкий автомат, что и спасло ему жизнь. Потеряв равновесие, он припал на одно колено, а над головой у него взвизгнули пули, задев каску. Немец из-за угла траншеи вёл по нему прицельный огонь. Наступавший справа сержант Волошин поспешил Шарапову на выручку и метнул в немца гранату. Раздался взрыв, и немец сполз по стенке окопа, неестественно запрокинув голову с открытыми потускневшими глазами.

– Спасибо, Семён! Сочтёмся! – крикнул спасителю Шарапов и бросился догонять отделение.

Не все немцы успели убежать во вторую траншею. Некоторые от отчаяния поднимались в полный рост и сходились с советскими бойцами врукопашную. Мелькали ножи, сапёрные лопатки, вспарывающие податливые человеческие тела. Ручьями лилась солдатская кровушка за безумные идеи вершителей судеб. В рукопашной схватке думать некогда. Не успеешь первым ударить, так тотчас погибнешь сам. И Володька бил что есть силы, с остервенением бросаясь на немцев и ощущая вкус борьбы и победы.

Несколько немцев, спасаясь от смерти, забежали в блиндаж. Ильин и ещё два бойца закидали его гранатами. Когда Шарапов подбежал к ним, Ильин сидел на земле и зажимал рукой левое плечо.

– Зацепило меня, командир, – с досадой сплюнул Ильин на землю чёрную от копоти слюну, болезненно морщась. – Не помогу вам.

– Ничего, Петруха, отдыхай теперь, – поддержал друга Владимир. – Мы тут сами управимся. Вот и Таня бежит. Проводит тебя.

– Что тут у вас, мальчики? Целы? – как-то по-детски спросила медсестра, глядя на Шарапова. – А во втором взводе двоих убило.

– Петьку вот ранило, – ответил ей Шарапов, беспокоясь не столько за Ильина, сколько за рискованную Татьяну. – Ты перевяжи и проводи его в тыл.

– Да-да, я сейчас, – ответила девушка, одарив Володьку ласковым взглядом из-под длинных ресниц. – Давай, Петя, я посмотрю.

Петька сбросил ватник, неловко расстегнул правой рукой пуговицы гимнастёрки и высвободил окровавленную руку. Таня большими ножницами разрешила на нём рукав нательного белья и быстро наложила бинт на рану, оставив кровь.

– Пустяки. Пуля навывлет прошла, – оповестила она бойцов. – В медсанбат надо. Доктор зашьёт.

Шарапов выглянул из окопа и дал длинную очередь в сторону второй траншеи немцев.

– Так идите быстрее, – поторопил он.

Ильин неуверенно встал и пошатнулся. Оказалось, что он потерял много крови и отправлять в тыл его одного было нельзя. Оставаться в траншее тоже нельзя, так как немцы в любой момент могли пойти в контратаку. Подбежал ротный, который в пылу боя сбросил ватник и был в одной гимнастёрке.

– Что тут у вас? Сейчас наши танки пойдут. По команде за ними вперёд, – распорядился Платонов и, увидев перевязанного Ильина, спросил: – Ранен, Ильин? В тыл давай, пока мы по второй траншее вдарим. Сестра, до наших его проводи и назад. Сегодня у тебя много работы будет.

С востока от наших позиций по команде комбата Крюкова вновь ударили пушки, а чуть позже показались наши танки Т-34. Шесть штук подошло их к роте Платонова. Не останавливаясь, они перевалили через первую траншею и грозно покатали на фашистов. За ними, стараясь не отставать и прикрываться

их бронёй, устремились бойцы Платонова. Смелой атакой противник был выбит из второй траншеи и в беспорядке отступил.

Таня, огибая воронки, вела в тыл Ильина, тяжело опиравшегося на девушку здоровой рукой. И когда до нашего окопа оставался всего какой-то десяток метров, Таня вдруг слабо вскрикнула и завалилась на бок, увлекая за собой Петра. Неловко упав и застонав от боли, Ильин повернулся к Тане и обомлел. Девушка лежала на спине, жадно глотала ртом воздух, а из уголка её бледных губ стекала тоненькая струйка крови.

– Таня, Таня, – встал перед ней на колени Ильин. – Что с тобой?

– Кажется, убили меня, – слабо ответила девушка.

Петька одной рукой приподнял её за спину и почувствовал липкую кровь на ладони.

– Не на-до, – еле слышно попросила его девушка. – Это... всё... Володе... передай... пусть... живёт...

Таня ещё раз, уже беззвучно, шевельнула губами и затихла, безжизненными глазами пронзая мутное дрожащее небо.

Ильин, рукавом смахнув набежавшие слёзы, провёл ладонью по лицу Тани и навсегда закрыл её чистые глаза. Он взял девушку за ремень и, собрав все свои силы, рывками перетащил в окоп.

Батальон ещё километров двадцать преследовал отступавшего противника, пока не наступила ночь. Пришлось спешно окапываться на опушке небольшого заснеженного леса. В первой роте было ещё трое раненых, и Шарапов, отбрасывая мёрзлую землю, всё посматривал назад, поджидая отставшую Татьяну. Однако уже в темноте в расположение роты пришёл немолодой усатый санитар Лапенко.

– Хлопцы, иде тут раненые? – густым баском спросил он у бойцов, приостановивших работу.

– Во, медицина пожаловала. Теперь не помрём, – негромко пошутил кто-то в стороне.

– Лапенко, а Таня где? – забеспокоился Володя. – Должна была придти.

– Не придёт она, – грустно ответил санитар. – Убили нашу Танюшу.

– Как убили? – оторопел Шарапов. – Почему?

Он не мог поверить, что этой нежной, доброй и заботливой девочки больше нет на свете. Больше не услышит он её голосок, журчащий словно ручеек, не сожмёт в своих руках её тёплые ладошки и не посмотрит в её карие глубокие доверчивые глаза.

– Не уберегли вот, – растерянно развёл руками Лапенко, не зная, что ещё добавить.

Володька отошёл на несколько метров и сел на кучу снега, обхватил колени руками, стараясь унять внезапно заколотившую его дрожь. По щекам его катились крупные слёзы и падали на снег. Он не вытирал их, поглощённый своим горем. Володя долго сидел и молчал, вспоминая своё короткое счастье. Счастье, которого больше никогда не будет. И если раньше он бил фашистов с трезвой расчётливостью, то сейчас в нём проснулась ненависть. Враг отнял у него дорогого человека, и он, Шарапов, будет мстить этому врагу.

Володя на похороны Тани не попал. Её схоронили возле неизвестной ему польской деревушки. Одно из десятков тысяч советских захоронений, в которых остались лежать настоящие герои, освобождавшие мир от фашизма.

На следующее утро к позициям роты Платонова подошёл дивизион «катюш». Немцы уже разворачивались в контратаку, когда их накрыл огненный вихрь. Казалось, что в этом аду невозможно выжить. Огонь был такой силы, что даже снег в полосе разрывов растаял, обнажив беззащитную израненную землю. Однако, когда залпы утихли и наши батальоны поднялись в атаку, немцы оказали сильное сопротивление. Батальонам пришлось залечь, чтобы минимизировать потери, а «катюши» снова ударили по врагу. В жесточайшей схватке 172-я дивизия метр за метром продвигалась вперёд, ломая оборону противника. Пятнадцатого января, не давая немцам опомниться, красноармейцы ворвались в польский город Кёльце. Шарапов с отделением одним из первых достиг восточной окраины города и атако-

вал противника на узких улочках. Каждый дом приходилось брать с боем, гранатами прокладывая себе дорогу. Володя лез в самое пекло, с неистовством стреляя по врагу из трофейного автомата. Свой пришлось оставить, так как в него попала немецкая пуля. Он не думал о своей жизни, он мстил им за Таню и за свою убитую любовь.

В самом разгаре боя Шарапова осколком мины ранило в ногу. Он сам ремнём наложил себе жгут и кое-как перебинтовал рану, вспорвав ножом штанину. Батальон с боем пошёл дальше, а Шарапова под стеной полуразрушенного дома подобрали санитары.

Месяц провалялся он в госпитале, пока рана не затянулась. Тем временем его дивизия добила мелкие окружённые группировки противника и форсировала Одер.

За проявленные доблесть и героизм командир отделения 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой Павлоградской ордена Суворова дивизии сержант Шарапов Владимир Фёдорович был награждён орденом Славы третьей степени.

В наградном листке указано, что двенадцатого января 1945 года при прорыве позиционной обороны противника в районе местечка Ракув товарищ Шарапов со своим отделением первым ворвался в траншею противника и уничтожил до пятнадцати немецких солдат. В боях за город Кёльце 15 января первым со своим отделением ворвался на северо-восточную окраину города, уничтожил до тринадцати немецких солдат и одного взял в плен.

Награду в госпитале ему лично вручил комполка полковник Митропольский, тепло поблагодарив за службу.

С полковником приехал батальонный комиссар Сычёв, доставивший Шарапову ещё одну тяжёлую весть: неделю назад трагически погиб его лучший друг Петя Ильин.

– Досадно так погиб, – начал свой рассказ Сычёв, присев на табуретку рядом с койкой Шарапова. – Рана у него опасная была, гноиться начала, и врач принял решение об эвакуации в госпиталь. Его и ещё двух ране-

ных посадили в кузов «Студебеккера» и направили в тыл. Армейский госпиталь в Сандомире стоял, в пятидесяти километрах от наших позиций. Выехали они рано утром. Машину сопровождали два стрелка, которые в Сандомире должны были загрузить кое-какое оборудование в обратный путь. Так вот, на полпути в местечке, где лес вплотную подходил к дороге, по «Студебеккеру» неожиданно ударила очередь из пулемёта. Водитель сразу же был убит и так и остался лежать ничком на руле. Машина, съехав в кювет, задымилась. Бойцы залегли рядом и пробовали отстреливаться, но силы были неравны. Трое после непродолжительной перестрелки были убиты, а двое, в том числе и Ильин, попали в плен. Их растерзанные трупы спустя день были найдены в лесу прибывшей частью НКВД. Перед смертью пленных пытали, резали кожу и сильно били.

Сычёв подробно рассказывал о трагедии, а Шарапов, слушая этот долгий рассказ, всё больше мрачнел.

– Кто же это сделал, товарищ комиссар? – хриплым от волнения голосом спросил Владимир. – Немцы недобитые бродят?

– Нет. Это не немцы, – ответил комиссар. – Это поляки. Есть у них так называемая Армия Крайова. Они сначала вроде бы против немцев шли, а теперь вот и против нас оружие направляют.

– Но как же так? – Владимир непонимающе поднял грустные глаза на комиссара. – Мы же их освободили от немцев. На станциях я видел сам, как поляки нас с радостью встречали.

– Поляки, они тоже разные. Не все, выходит, нам тут рады. По хуторам кулачье сплошное. В продукты для наших бойцов отраву подсыпают.

– Эх, отблагодарили друга Петьку, – тяжело вздохнул Шарапов. – Жизнь рисковал, освобождая Польшу от немцев, а погиб от рук поляков. Нашли, кто ребят побил?

– Энкаведешники весь лес прочесали. Отряд аковцев скрывался там. На их совести это не единственное преступление. В общем,

часть из них убили при задержании, а остальных арестовали.

– Отомстили за Петьку, – удовлетворённо произнёс Шарапов. – И я ещё добавлю. Надо нам фрицев поскорей добить.

– Успеешь ещё, – похлопал Володьку по плечу Сычёв. – Выздоровливай давай. Ждём тебя в батальоне.

Комиссар наскоро попрощался, так как его уже торопили от двери палаты.

Армия Крайова в основном была сформирована из бывших военнослужащих старой польской армии и ставила своей целью освобождение Польши от немцев. Подчинялись они польскому правительству в изгнании, которое в то время базировалось в Лондоне. Когда Красная армия начала освобождение Польши от фашистов, то часть аковцев повернула оружие против освободителей, так как они не желали контроля Польши Советским Союзом. Они сопротивлялись мероприятиям Красной армии по изъятию у населения оружия и радиоаппаратуры, по заготовкам продовольствия и фуража и другим. С 1944 года аковцы приступили к практике нападения на воинские части Красной армии и террористическим актам над офицерским и рядовым составом. От рук членов Армии Крайовой в 1944–1945 годах погибли более шестисот солдат и офицеров Красной армии.

10

Владимир Шарапов и на этот раз недолго залечивал раны. Уже в начале марта он вернулся в строй. К тому времени 514-й полк занимал оборону на реке Нейсе в восточной Германии. Противник на левом берегу сосредоточил крупные силы и постоянно пытался контратаковать. Отделение Шарапова в составе боевой группы двадцать седьмого марта участвовало в разведке боем. На рассвете комбат приказал двум взводам первой роты ударить в стык немецких частей, чтобы прощупать огневые средства врага. Не будучи замеченными, разведчики переправились через реку на лодках и с ходу бросились на вражеские укрепления.

Но в этот раз фактор внезапности не сработал. Немцы открыли по наступавшим шквальный пулемётный огонь. На родной территории у них был пристрелян каждый кустик, каждый холмик, и разведчикам негде было укрыться. В сером мареве зарождавшегося утра свистели пули, вырывая из строя советских бойцов.

Шарапов видел, как одним из первых упал лейтенант Платонов, возглавлявший их смелый поход. Перед смертью он успел дать команду на отход, и бойцы, огрызаясь из автоматов, попятнулись к реке, где в камышах их ждали оставленные лодки. Командование принял комвзвода Валитов.

– Быстро, быстро, ребята! – покрикивал он, стреляя короткими очередями по немцам, пытавшимся перейти в контратаку и захватить пленных. Рядом отстреливались другие разведчики, попеременно отступая к реке.

Шарапов и стрелок Ищенко подхватили мёртвого командира роты под руки и понесли к лодкам. Уже в камышах Шарапов был ранен. Он выпустил тело лейтенанта и сам упал в мутную воду. Товарищи быстро помогли ему подняться и забраться в лодку. Туда же положили тело командира роты. Одна за другой лодки заскользили к своему берегу. В этом месте Нейсе в ширину была всего метров шестьдесят, но на открытом пространстве немцы могли всех легко перестрелять. Выручила наша артиллерия, открывшая ответный плотный огонь по вражеским огневым точкам. Спустя несколько минут лодки причалили к своему берегу в густые заросли кустов, укрывших их от глаз противника. Потери у разведчиков были велики. В ходе неудавшейся вылазки они потеряли четыре человека убитыми и семь ранеными. У Шарапова правая рука повисла как плеть, а из рукава по кисти на землю струйкой стекала ярко-красная кровь. На берегу под деревом санитар Лапенко живо перетянул Владимиру руку жгутом и наложил повязку.

– Срочно в санбат надо, Володя. Эк тебя угораздило, – с сожалением произнёс Лапенко.

Шарапов попробовал подняться с земли и зашатался, схватился за ствол небольшого клёна. Он виновато улыбнулся и вымолвил:

– Не дойду я, Кузьмич. Мутит меня.

Санитар проводил Шарапова в медсанбат. А там военврач, усталая женщина со строгим выражением лица, после осмотра раны сказала Шарапову:

– Всё. Отвоевался, боец. У тебя задета кость, и требуется длительное восстановление. Будем тебя эвакуировать.

– Это серьёзно? Руку, руку мне сохраните. Плотник я, – попросил её слабый от кровопотери солдат.

– Рану я тебе почистила. Будем бороться за твою руку. Ты не волнуйся, – успокоила Владимира врач, торопящаяся к другому тяжелораненому.

На следующий день Шарапова погрузили в набитый ранеными санитарный поезд, который медленно, пропуская срочные воинские эшелоны, двинулся на восток, на родину, которую Шарапов не видел более полутора лет.

Ещё на вокзале Владимир почувствовал тяжёлую пульсирующую боль в руке и жар во всём теле. В тесном вагоне, пахнувшем потом, кровью, хлоркой и всякими лекарствами, Шарапов лежал на жёсткой полке, застеленной старой шинелью, и то проваливался в забытье и тогда кричал что-то бессвязное, то ненадолго приходил в себя, обводя мутным взглядом таких же страдальцев, как и он.

В забытии Володе всё виделось, как их деревенский шестипалый Илюшка-провидец тянет его что есть силы за больную руку и кричит:

– Отдай, Володька! Не нужна она тебе. Ты и одной справишься.

Метался Шарапов в поту на полке и едва различимо мычал:

– Нет. Не отдам. Пошёл!

– Ох, совсем плохи дела, – сказал дежурный врач поезда медсестре, осматривая распухшую и посиневшую руку Владимира. – Гангрена начнётся. Надо срочно ампутировать. Готовьте операционную.

Старый, давно поседевший доктор, который ещё в первую мировую латал солдат на фронте, безошибочно ставил диагноз. Он

понимал, что задержка может привести к гибели бойца.

– Не дам! – вдруг схватил его здоровой рукой за полу халата очнувшийся Шарапов.

– Ну-ну, голубчик, ваша жизнь дороже, – врач взял в свои руки руку Владимира и твёрдо посмотрел в его горячие глаза. – Будем вам жизнь спасать.

А Шарапов снова провалился в бредовое состояние, разжал руку и глухо застонал.

– Несите в операционную, – скомандовал врач санитарам.

Два санитары переложили Шарапова с полки на носилки и осторожно понесли в операционный вагон.

Срочные операции приходилось делать на ходу поезда, но медицинский персонал за войну привык ко всему и делал свою работу хорошо. Сестра вколола Володе дозу новокаина, а врач умело провёл которую уже по счёту ампутацию.

Вечером другого дня, когда поезд остановился на каком-то полустанке, Шарапов очнулся. Нестерпимо болела правая рука, и Володя инстинктивно потянулся к ней левой, чтобы переложить поудобнее. Он испытал жесточайший шок, когда понял, что руки нет, а на её месте лишь забинтованная культя. Слезы отчаяния потекли по его щекам, заросшим щетиной, а тело сотряслось от рыданий.

– Ка-а-ак? Рука! Где? А-а-а, – приговаривал он и бился головой о доски полки.

Раненые рядом закричали, на шум прибежала медсестра и сделала Шарапову успокоительный укол.

К полке подошёл врач, взял Владимира за единственную теперь руку и произнёс тихим проникновенным голосом:

– Не плачь, сынок. Ты должен не плакать, а радоваться, что остался жив. У тебя впереди целая жизнь, а многие твои товарищи в земле и их уже не вернуть.

Володя успокоился и уснул. С тех пор никто и никогда не видел его слёз, хотя не раз ещё у него было горько на душе.

11

Рана у Шарапова заживала долго, и только осенью сорок пятого года он вернулся домой. На груди его гордо сияли две медали «За Отвагу» и орден Славы. Владимир так никогда и не узнал, что приказом по 172-й стрелковой дивизии за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество он был представлен к ордену Красной Звезды. Но так как Шарапову пришлось сменить несколько госпиталей, то награда не нашла героя.

Володя на тепловозе доехал до Инжавино, а потом с попутной подводой добрался до села. Знакомый дед, всю дорогу подгонявший упрямую лошадь, рассказал, что в большой семье Шараповых все живы и только его заждались с войны.

– Ух, и рад будет Фёдор Максимыч! – намахиваясь на лошадь кнутом, радостно произнёс возница. – Он все глаза проглядел. Говорит, вот дождусь Володьку, тогда и помирать можно. А когда ж теперь помирать? Теперь жить надо. Хоть с одной рукой, а надо. Главное, голова на месте.

Владимир почти не слушал неугомонного односельчанина, с удовольствием оглядывая непозабываемые родные места.

На окраине села он поблагодарил подвёзшего его деда и неторопливой походкой по недлинной улочке направился к отческому дому. Под окном на завалинке он увидел отца и ускорил шаги.

– Никак Володька! Вернулся, сынок! – обрадовался Фёдор Максимович, роняя скупую слезу в седую бороду. – Живой! Живой!!

– Вот, отец, калека я теперь, – грустно произнёс Владимир, показывая на пустой рукав гимнастёрки.

– Эх тебя! – засокрушался Фёдор Максимович, знавший из писем о горе сына. – Ну, ничего. И с одной рукой люди живут. У Расповых Ванька без ноги пришёл. Так он теперь и на одной в клубе пляшет. Живой ты, а остальное ерунда. В избу пойдём, девок обрадуем.

В доме Володю заключили в свои объятия старшие сёстры, заждавшиеся его с войны. Сестра Рая, которая не так давно и сама вернулась с фронта, где с августа 1942 года служила радисткой взвода управления полка, всё качала головой и приговаривала:

– Ближко воевали, а увидеться вот не довелось. Я ведь тоже в Брдах была, да нас быстро перебросили. Вовка! Ишь, на груди целый иконостас! Герой!

– Потеше ты! – незлобно ругнул доверенную ещё комсомолку Фёдор Максимович и перекрестился. – Лучше еду на стол подавайте. Праздник у нас сегодня большой!

К вечеру из Калугино, извещённая с okazji, приехала сестра Наталия с мужем Василием и тремя маленькими дочерьми. В отцовской избе Наталия угощала любимого брата нехитрыми домашними припасами, украдкой с состраданием поглядывая на пустой рукав гимнастёрки. А девочки, которые по малолетству были ещё бесхитростными, всё лезли к нему на колени и наперебой спрашивали:

– Дядя Володя, а где твоя рука?

– Брысь отсюда! – прикрикнула на них Наталия, махнув кухонным полотенцем. – Идите на улицу.

– Пусть, Наташа. Не гони их, – попросил брат. – Отвык я от радости. И от мира отвык.

Володька обвёл ласкающим взглядом отца, сестёр, брата Николая, Василия, детей и соседей, пришедших порадоваться радости деда Фёдора.

– Хорошо-то как! – нараспев произнёс Владимир, подчиняясь вползавшему в сердце домашнему уюту.

12

Действительно, мало радости на войне. Но и после войны у Шарапова было её не так уж и много. Через всю свою небольшую жизнь в израненной душе он пронёс чувство горечи о своей несбывшейся мечте «стать мастером по дереву». Конечно, нужда заставила его работать и одной рукой. В то время, чтобы не умереть с голоду и прокормить семью, даже инва-

лидам приходилось как-то приспособливаться к жизни и работать. Володя умудрялся одной рукой смастерить хороший прочный табурет или вырезать удобную красивую ложку, сено косил и сгребал, придумывая всякие подвязки к инвентарю. А ещё он делал забавных деревянных болванчиков и дарил их Натальиным дочерям, когда изредка приезжал к ним в гости в Калугино.

Своих детей у Владимира так и не родилось. Может, оттого, что в войну много раз при форсировании рек простужался, или оттого, что в разведке приходилось подолгу лежать на снегу и стылой земле без возможности лишней раз пошевелиться. Да мало ли от чего. Он и жениться-то долго не мог, всё стеснялся своей инвалидности. Ведь за безрукого не каждая пойдёт. Но нашлась в их селе молодая женщина Анна, которой он пришёлся по душе. Мужа у неё убили в 1943 году под Сталинградом, и она жила в Курдюках с маленькой дочкой Таней. Володя детей любил, мог с ними разговаривать на равных, и девочка тянулась к нему.

Однажды Шарапов пересилил свою стеснительность и зашёл в низенький дом к Анне. Танюшка, имя которой напоминало Володе о его фронтовой любви, с радостным визгом бросилась к нему.

– Мама, дядя Володя пришёл!

Шарапов протянул ей вырезанную из дерева игрушку, и девочка отправилась в свой уголок, занялась выдуманной игрой.

Анна встретила Владимира как уже родного человека, к которому привыкла и которому была рада.

– Проходи, Володя. Сейчас есть будем. Я с фермы молока принесла, – просто сказала она, тепло улыбаясь Шарапову.

Он прошёл за стол и подозвал Анну к себе.

– Ты присядь, Аня. Я серьёзно поговорить хочу.

Анна поставила на стол глиняный горшок с молоком и села на лавку, глядя на Шарапова доверчивым взглядом.

– О чём же? – будто не догадываясь, спросила женщина.

– Видишь ли, я всё понимаю. Ты молодая. У меня, вон, руки нету, – не зная, с чего начать, заговорил Владимир. – Опять же дочка у тебя. Это хорошо. Ты знаешь, я детей люблю.

– Я тебя тоже люблю, – отозвалась из детского угла Танюша.

Анна засмеялась, а Володька продолжил:

– Я вот на немца ходил и не боялся, а сейчас оробел.

В общем, будь моей женой, – решительно рубанул он воздух рукой и облегчённо выдохнул.

– Я, Володя, согласна, – ответила Анна, которую тянуло к этому доброму человеку.

– Ура! – радостно закричала Танюшка, подбежала к Шарапову и крепко его обняла. Она очень хотела, чтобы и у неё был живой папа.

Конечно, Шарапов однажды рассказал молодой жене о своей мимолётной фронтовой любви, память о которой навсегда поселилась в укромном уголке его большого сердца.

13

Бедно жили после войны. Страна восстанавливалась из руин и залечивала раны. Понимали люди, что нужно потерпеть, и надеялись искренне, что теперь, после долгожданной выстраданной победы, уж точно заживут лучше.

Ничего лишнего не просил для себя и Владимир. Лёгкой работы для героя-инвалида не нашлось, и пришлось ему идти в пастухи, чтобы в жару и холод, в любую непогоду добывать своей семье пропитание. В родном колхозе «Память Ильича» Шарапову так и сказали: «Героев у нас много, а работы на всех нет». Владимир не обиделся. Действительно, много фронтовиков вернулось с войны раньше него, так что – не до выбора. Вот и пошёл бравый орденосец в поля.

Это со стороны кажется, что пастух ничего не делает, а только гуляет на природе за стадом да песни птичек слушает. А вот попробуй-ка, походи, когда вставать надо до восхода солнца и ложиться сильно затемно!

За нескончаемый день так набегаешься, что без ног на кровать падаешь, а с утра то же самое. А ведь и по дому надо что-то сделать, и с женой да ребёнком пообщаться.

– Ничего, Нюра, проживём, – говорил он жене, обнимая её единственной рукой. – На войне тяжелей бывало.

И жили как могли. Но рука-то всё же – одна. Вот и случилась у Шараповых нужда – потекла в доме старая жестяная крыша, которую перекрывали ещё до войны. Эх, кабы две руки! Владимир из той избёнки терем бы сделал с его-то умением. А тут...

Пришлось идти на поклон в сельский совет. А в том сельсовете баба одна работала, Верка Лукина, которая фронтовиков не больно жаловала. Те всё просить шли и требовать, будто у Верки других забот нет. Скоро партконференция, отчёт надо готовить, хорошиими цифрами районное начальство радовать.

Зашёл Владимир Фёдорович в сельсовет, а там на него и не глядят вовсе. Всё бумажки перебирают, вид делают, что важной работой заняты. Постоял боевой разведчик у входа, помялся, не зная, с чего начать разговор. Он хоть и герой, а довоенного опыта – никакого. Пацаном на фронт уходил, да и вернулся нестарым, просто повывавшим там такое, чего не дай бог каждому.

– Ну, чего тебе, Шарапов? – вместо приветствия обратилась к нему Верка. – Видишь, работа у меня. Говори скорей.

– Да вот... Беда привела, Вера Павловна, – неторопливо начал Владимир, теребя в руке снятую фуражку. – Дожди начались, а у меня крыша течёт. Как решето стала.

– Так. А сельсовет тут при чём? – уставилась на него округлившимися глазами председательша. – В колхоз иди, там помогут.

– Был я в колхозе, – ответил Шарапов. – Говорят, дом тебе сельсовет выделял, вот у них и проси.

– А у сельсовета средств на это нет, – отрезала Лукина. – Вас много ходит, и все просят.

От досады у Владимира перехватило дыхание, и он какое-то время не мог вымолвить

ни слова. Это за неё он страдал в окопах, это за неё мёрз и недоедал, приближая победу. И это ему, прославленному разведчику, бросает обиду в лицо не женщина, а тыловой червь.

– Ты... – гневно вымолвил он, подавшись вперёд. – Я за тебя кровь проливал! Я Родину защищал, пока ты здесь...

– Но-но! – грозно одёрнула его Верка. – Ты полегче!

Я тебя туда не посылала. Кто посылал, у того и проси.

Тут Владимир обиделся конкретно. Даже слёзы отчаяния подступили к горлу, но он их волевым усилием сдержал, чтобы перед этой стервой не показать слабости.

– Дура ты, Верка, – выругался Шарапов. – Бессовестная дура!

Он пинком отворил дверь и, продолжая ругаться, выскочил из сельсовета. У деревенского колодца стояли несколько женщин, судачили о местных новостях. Когда разгорячённый Шарапов, широко размахивая рукой, быстрым шагом проходил мимо них, его окликнули:

– Володя, куда так спешишь?

Он резко остановился, зло обернулся на пустые окна сельсовета, а потом в сердцах сказал, словно простонал:

– За что все раны мои? Медали-ордена мои за что? – Он взял висевшие на груди награды в горсть. – За эту паскуду?

Шарапов с треском сдёрнул награды с пиджака и с размаху бросил их на дорогу, ещё не просохшую после ночного дождя.

– Лучше бы я на фронте погиб, чем теперь здесь унижаться, – с горечью в голосе сказал он и зашагал прочь.

– Володя, Володя! – окликнули его бабы. – Нельзя так!

Шарапов не оглянулся, твёрдым решительным шагом направляясь за околицу к пруду. На пологом берегу он опустился на землю, скрытый кустарником от посторонних глаз, обхватил лицо широкой ладонью, словно закрылся от мира, и долго сидел неподвижно, погружённый в свои тяжёлые мысли. Нет, не так он представлял свою послевоенную жизнь,

но что же тут поделаешь. Горько было на душе у Шарапова. Он даже, скрипнув зубами, простонал пару раз, но тут же взял себя в руки и отправился домой.

А дома Анна обмерла, увидев его в таком состоянии.

– Никогда! Слышишь? Никогда больше я у этой крысы ничего просить и унижаться не буду, – только и сказал он обеспокоенной жене.

Ночью у Владимира начался жар. Сказалось сидение на холодной сырой земле, прибавленное к старым фронтовым болячкам на фоне сильнейшего стресса. Утром температура поднялась настолько, что Шарапов стал периодически проваливаться в мутное состояние и тогда метался по кровати, оглашая стонами низенькую белёную комнату и пугая этим Танюшку, забившуюся на полати и поглядывавшую из-за занавески круглыми глазёнками. У Володи нещадно болела рука, и культия подёргивалась, откликаясь на страдания.

– За мной! Вперёд! – в бреду командовал своим отделением Шарапов и шёл в атаку на неумирающих от его стрельбы немцев, лица у которых были как у Верки. Они смеялись над ним и били, и били по больной руке.

Анна сбегала в больницу за доктором, и тот, осмотрев и послушав уставшего Владимира, диагностировал воспаление лёгких. Три недели проболел Шарапов после того случая, преодолевая в себе обиды и злость на целый мир. Но он был отходчив, да и Танюшка не давала замкнуться в себе, донимая его бесконечными детскими расспросами.

Крышу Шараповым потом подлатали двое фронтовиков. Даже материалом подсобили. А награды Владимира, который и сам уже жалел о своей несдержанности, бабы подобрали и отдали Анне в тот же день.

14

Года через два был ещё один интересный момент в жизни Шарапова. Накануне самого большого для него праздника занимался он домашними делами. Надо было смастерить клетку для недавно отелившегося бычка. Непросто

это с одной рукой-то, но подросшая Танюшка помогала папке, ничуть не смущаясь его однорукости.

– Я ловкая. Щас придержу тебе палку-то, – дочка (он всегда её так называл) подхватила с пола ветловую жердину и приставила её к столбику.

– Осторожней, ловкачка, – улыбнулся Владимир, довольный своей помощницей. – Голову подальше отстрани, чтобы я не задел. Хорошая у меня напарница!

– Мы с тобой – бригада! – весело щебетала Танюшка, обрадованная похвалой отца.

На улице залаял привязанный к будке дворовый пёс Дружок, раздались женские голоса. Шарапов, не ожидавший сегодня гостей, остановил работу и прислушался.

– Мамка с кем-то пришла, – угадала Татьяна.

– Кто там, Нюра? – громко крикнул из сарая Владимир.

– Из сельсовета Тоська прибежала, – в ответ от дома прокричала Анна. – Зовут тебя на праздник.

Шарапов отложил топор в сторону и вышел из сарая на воздух.

Тоська, боевая сельсоветская секретарша, решительно шагнула к нему и скоренько проговорила:

– Вера Пална велела наказать, что завтра в двенадцать часов митинг будет у школы по случаю Дня Победы. Просила тебя, Владимир Фёдорович, придти. Детям рассказать нужно о войне и напутствие дать.

Владимир посмотрел на неё внимательно, обдумывая услышанное, а потом, после небольшой паузы, произнёс:

– Что же... Митинг – дело нужное. И поменять всех непришедших с войны надо, словом добрым вспомнить.

И молодым наказ дать. Только я этого сделать не смогу. Некогда мне. Потому, рука одна, а дел по дому много, и помочь мне некому. Так и передай мои слова Верке. Про войну она лучше моего знает. Пусть рассказывает. А солдат павших я и дома помяну. Иди, Тоська.

Владимир повернулся и твёрдым шагом отправился в сарай, застучал там топором. Анна молча проводила секретаршу, в душе согласная с мужем.

Никогда, до самой своей смерти, не ходил Шарапов на официальные мероприятия, организуемые в селе в честь Дня Победы. Таков характер! Слова лишнего без обдумывания не скажет. Но если сказал – то это навсегда! Не изменит. Кремень, а не мужик!

День Победы Шарапов отмечал по-своему. 9 мая с утра он гладко выбрился, надевал чистую, выглаженную женой гимнастёрку с сияющими наградами и отправлялся к сестре своей Наталии.

Владимир гордился своими «окопными», как он их называл, наградами, которые давались солдатам за бои лицом к лицу с врагом, когда иной раз можно было даже дыхание противника ощутить, выживая в кровавой схватке.

В Калугино его встречал Василий Николаевич, муж Наталии, который всю войну работал бригадиром машинно-тракторной станции (МТС), выращивал зерно для фронта. В военное время в бригаде преимущественно были девчонки и мальчишки, и Василий Николаевич учил их работать на тракторах и комбайнах, приближая своим нелёгким трудом долгожданную победу.

Василий Николаевич усаживал гостя за стол, ставил бутылку водки, а Наталия подавала закуску. Приходили соседи-ветераны Кокорев Николай Фёдорович и Конов Филипп Алексеевич. Пили мало, больше для порядка, как называл это Шарапов. После того как стоя выпивалось за Победу и погибших друзей, начинались неспешные разговоры о войне. Они вспоминали своих однополчан и жестокие бои, в которых им пришлось участвовать. Кокорев рассказывал о Сталинградской битве, а Конов – о форсировании Днепра. Володя часто вспоминал свой последний бой, так резко перевернувший его жизнь. Много расспрашивали фронтовики и Василия Николаевича о том, как жилось землякам в суровые военные годы.

Наталия рассказывала ветеранам, что и бабы не стояли в стороне от победы. Приходи-

лось и в поле работать, и в уборочную страду на току. А длинными зимними вечерами при свете керосиновой лампы они вязали носки и варежки из овечьей шерсти бойцам на фронт.

15

Недолгую жизнь прожил Владимир Фёдорович Шарапов, всего пятьдесят четыре года. Но это была такая жизнь, за которую не бывает стыдно и можно с полной уверенностью сказать: «Не напрасно жил Человек на земле!» В 1979 году он после обострившейся фронтальной болезни лёгких ушёл из жизни, не доставив никому больших хлопот. Похоронен герой на кладбище села Калугино, где проживал последние годы своей жизни. Жизни непростой, полной страданий и лишений, но озарённой мужеством и доблестью.

В наше время практически в каждом населённом пункте есть памятники погибшим на войне с высеченными фамилиями павших бойцов. Но на этих мемориалах не написаны имена вернувшихся героев, честным трудом восстанавливавших разрушенную страну, несмотря на раны и болезни. Разве они менее достойны наглядного и поимённого увековечивания? Это несправедливо. Мы, потомки великих победителей, не на показ почитающие народный подвиг в священной войне, просто обязаны сделать так, чтобы имя каждого героя нашло своё отражение на мемориалах.

И в этих дорогих нам списках достойное место займёт имя Владимира Фёдоровича Шарапова, героя-разведчика, отстоявшего нашу великую Родину от немецких захватчиков!

Зоя БОДРОВА

Поэт, деревня Любезная,
Никифоровский район

МАЛАЯ РОДИНА

Я брожу по родным просторам,
Взгляд бросаю в луга и поля.
Дорога и близка мне до боли
Родниковая земля.

Завораживают рассветы,
Пенье птиц и стада на заре,
В ночь к туману попавшие в сети
Травы, спящие в серебре.

Влюблена я в тамбовские сёла,
Их спокойную русскую стать!
Чувств моих – необъятных, бездонных –
До последнего дня не унять.

От восхода и до заката
Трудовая песня слышна.
Мне другого счастья не надо,
Я на этой земле рождена.

На полях, что обласканы солнцем,
Заволнуются ветром хлеба...
Я люблю тебя, родина, сердцем,
Ты – Отчизна моя и судьба!

ОСЕНЬ

Расскажи-ка, осень,
Всё мне о себе.
Как ты утопаешь
В бархатной листве,
Как ковром упала,
Землю обняла,
Нежно прошептала:
«Не забудь меня!»
Птицы улетают,
Вдалеке видны.
Грусть мне навевают
В небе журавли.
Облака качнулись,
По небу пошли.
Так же быстро-быстро
Пролетают дни.
Кистью отразится
Осень на холстах,
Между строк прольётся
Дождиком в стихах.

ЗОВ КРОВИ

Свой страх старалась победить,
О встрече с Родиной мечтала.
Земля сугуров – навсегда
Святыней в жизни моей стала.

Гостеприимны и умны,
Достатком гостя привечали,
Из уст лились слова любви,
Молитвой дом благословляли.

Дорога километрами вилась,
В разливы рек, в тюльпаны – убегала,
На пастбищах стада паслись,
И ветром солнце разливало.

Ковыль склонялся до земли,
И птицы в воздухе парили.
Про связь колен и дух времён
С небес полётом говорили.

Поля – бескрайние поля –
Хлебам колос наливали.
В года тяжёлые всегда
Людей от голода спасали.

Через полвека зов крови
Привёл на земли Казахстана.
Слезой катилась грусть души
И не кровоточила уж рана.

Многонациональная семья
Теплом мне душу согревала.
Мой Казахстан – тобой живу,
В тебе живёт моё начало.

ЖИВУ!

Мне каждый день необходим и нужен,
Я в них рассветы, радость нахожу,
Воспоминания, запах яблонь, вишен
И в камышах пропавшую волну.

В них мама, папа, брат, сестра и школа,
В них вечера, общение, друзья,
В них мои планы, встречи, расставания,
Родной Тамбов и наша речка Цна.

Бегут по небу тучи быстро-быстро,
Но о былом ни капли не грущу,
В нём прошлое и лица моих близких,
Которых я... никак не отпущу.

А за рекой безбрежное раздолье,
Любимые берёзы, тополя,
Переживанья, хлопоты, работа...
Чем каждый день дышала и жила.

Люблю до боли, до умопомраченья,
До пенья птиц, до неба, до седин
Родную землю, милую сторонку,
Где прошагала моя жизнь.

А небо открывается всё ближе.
Приход весны не за горами, жду.
Я в каждом дне её дыхание слышу
И крик души из прошлого: «Люблю!»

И вечером я выйду на крылечко,
Присяду и душой замру
От запаха весны, от чистоты природы,
От радости, от счастья, что живу!

ЖАЛЬ...

В садах вальяжно спит деревня,
Под шум комбайнов на полях,
Доносит ветер голос эха...
Стоит трава уже в стогах.

Тропинка долго ожидала,
Спадёт с травы вот-вот роса,
Но только ветры засыпали
Под пенье старого сверчка.

Шло время, дети подрастали,
Считая молча лишь деньки,
Уехали, отпочковались,
Давно уж семьи завели.

Года виски посеребрили,
Ждут встреч, желанием горя.
Бывает часто одиноко...
Стоит под деревом скамья.

Она дожждётся встреч желанных,
Ведь не растрочена любовь,
Не буду я о прошлом плакать,
Хочу любить душою вновь...

Дороги жизни, перелески
И бесконечные поля,
В садах уснувших и любимых
Песнь дорогого соловья.

Звёзд нет на небе, ночью тёмной
Ночлежку за полночь найду,
Подушке верной на кровати
Всё по секрету расскажу.

Окно открыто в доме настезь,
Сквозит, не так уже тепло.
Щенком хочу в плечо уткнуться...
Жаль время юное прошло.